

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1900.

№ 22.

НОЯБРЬ.—КНИЖКА ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:

	Стр.
Рѣчь, о причинахъ чрезвычайнаго распространенія пороковъ и преступленій въ современномъ христіанскомъ мірѣ. <i>Пресвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго</i>	801—850
Плачь пророка Іереміи. (Исагогико-экзегетическій очеркъ). <i>Л. Багрецова</i> .	851—880

II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:

Матерія, духъ и энергія, какъ начала объективнаго бытія. Критическій разборъ этихъ понятій (продолженіе). Профессора философіи Варшавскаго Университета <i>Генриха Струве</i>	881—898
Избранные трактаты Плотина (окончаніе). Профессора <i>Г. В. Малеванскаго</i> .	894—422

III. ЛИСТОВЪ для ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

Содержаніе. Записка о засѣданіяхъ Харьковскаго Мисіонерскаго Совѣта 18—20 августа п. г. съ участіемъ священниковъ изъ зараженныхъ сектантствомъ селеній (продолженіе). В. Давыденко.—Росписаніе очереднаго проповѣданія слова Божія протоіереямъ и священникамъ г. Харькова и подгородныхъ селеній въ Кафедральномъ соборѣ въ воскресные и праздничные дни и въ приходскихъ и домовыхъ церквахъ въ храмовые ихъ праздники въ теченіе 1901 года.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., д. № 17.

1900.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный. Въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзоръ замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ, все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе и менѣе пространные переводы и извлечения изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлая мысль языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Листокъ для Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти, церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяць, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №. Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 рублей, а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТУ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской духовной Семинаріи, при свѣчной лавкѣ Харьковскаго Покровскаго монастыря, въ Харьковской конторѣ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ конторѣ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линія, контора В. Гиляровскаго, Столѣшниковъ переулокъ, д. Корзинкина; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Садовая, домъ № 16. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ конторахъ «Новаго Времени».

Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884—1889 годы включительно по уменьшенной цѣнѣ, именно по 7 р. за каждый годъ; по 8 р. за 1890—1892 г., и по 9 р. за 1893—1896 годы.

Лицамъ же, выписывающимъ журналъ за всѣ означенные годы, журналъ можетъ быть уступленъ за 75 р. съ пересылкою.

Кромѣ того, въ Редакціи продаются слѣдующія книги:

1. „Живое Слово“. Сочиненіе преосвященнаго Амвросія. Цѣна 50 к. съ перес.
2. „Древніе и современные софисты“. Сочиненіе Т. Ф. Brentano. Съ французскаго перевелъ Яковъ Новицкій. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.
3. Справедливы ли обвиненія, возводимыя графомъ Львомъ Толстымъ на православную Церковь въ его сочиненіи „Церковь и государство?“. Сочиненіе А. Рождествина. Цѣна 60 к. съ пересылкою.
4. Последнее сочиненіе графа Л. Н. Толстого „Царствіе Вожеіе внутри васъ“. Критическій разборъ. Цѣна съ пересылкою 60 коп.
5. „Цапство, какъ причина раздѣленія Церквей, или Римъ въ своихъ сношеніяхъ съ Восточною Церковію“. Докторское сочиненіе о. Владимира Гетте. Переводъ съ французск. К. Истомина. Харьковъ. 1895. Ц. 1 р. съ перес.

ИРМОСЫ

Воскресны 8-ми гласовъ, дванадесятихъ праздниковъ, Велиаго Четвертна и Великоу Субботы.

Славянскій текстъ съ русскимъ переводомъ
М. ГРИГОРЕВСКАГО.

Святѣйшимъ Синодомъ допущена книга къ употребленію въ школахъ церковно-приходскихъ и школахъ грамоты: С.-Петербургъ. 1900 г. Цѣна 20 коп. Книгопродавцамъ уступка 20⁰/₀. Складъ книги: С.-Петербургъ, Литейная, д. 34, кв. 21.

ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА ВѢРА и РАЗУМЪ въ 1901 году.

Издание богословско-философскаго журнала „Вѣра и Разумъ“ будетъ продолжаемо въ 1901 году по прежней программѣ. Журналь, какъ и прежде, будетъ состоять изъ трехъ отдѣловъ: 1) Церковнаго, 2) Философскаго и 3) Листка для Харьковской епархіи.

Журналь выходитъ отдѣльными книжками ДВА РАЗА въ мѣсяць, по девяти и болѣе печатныхъ листовъ въ каждой книжкѣ, т. е. годовое издание журнала состоитъ изъ 24 выпусковъ съ текстомъ богословско-философскаго содержания до 220 и болѣе печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое издание внутри Россіи 10 р., а за-границу 12 р. съ пересылкою.

Разсрочка въ уплатѣ денегъ не допускается.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при харьковской духовной семинаріи, при свѣчной лавкѣ харьковскаго Покровскаго монастыря, въ харьковской конторѣ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ конторѣ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи, контора В. Гиляровскаго, Столѣнниковъ переулокъ, д. Корзинкина; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Садовая, домъ № 16. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналь принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ конторахъ «Новаго Времени».

Въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полные экземпляры ея изданія за прошлые 1884—1889 годы включительно по уменьшенной цѣнѣ, именно по 7 р. за каждый годъ; по 8 руб. за 1890—1894 г., и по 9 р. за 1895—1898 годы.

Лицамъ же, выписывающимъ журналь за всѣ означенные годы, журналь можетъ быть уступленъ за 85 р. съ пересылкою.

Кромѣ того въ Редакціи продаются слѣдующія книги:

1. „Древніе и современные софисты“. Сочиненіе Т. Ф. Врептано. Съ французскаго перевелъ Яковъ Новицкій. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.
2. Справедливы ли обвиненія, вводимыя графомъ Львомъ Толстымъ на православную Церковь въ его сочиненіи „Церковь и государство?“ Сочиненіе А. Рождествина. Цѣна 60 к. съ пересылкою.
3. Последнее сочиненіе графа Л. Н. Толстого „Царствіе Вожіе внутри васъ“. Критическій разборъ. Цѣна съ пересылкою 60 коп.
4. „Цацтво, какъ причина раздѣленія Церквей, или Римъ въ своихъ сношеніяхъ съ Восточною Церковію“. Докторское сочиненіе о. Владимира Гетте. Переводъ съ французскаго К. Истомина. Харьковъ. 1895. Цѣна 1 рубль съ пересылкою.

Дозволено цензурою. Харьковъ, 31 Октября 1900 года.

Харьковъ. Типографія Губернскаго Правленія.

Пісти вооѣмен.

Върою разумѣаемъ.

Евр. XI.

Дозволено цензурою. Харьковъ, 30 Ноября 1900 года.

Цензоръ Протоіерей *Павелъ Солнцевъ.*

РѢЧЬ

Преосвященнаго Амвросія Архієпископа Харьковскаго

о причинахъ чрезвычайнаго распространенія пороковъ и преступленій въ современномъ христіанскомъ мірѣ ¹⁾.

Нерадостно начался для насъ XX вѣкъ. Во всемъ просвѣщенномъ христіанскомъ мірѣ встрѣчали его съ свѣтлыми надеждами, ожиданіями быстрыхъ успѣховъ въ просвѣщеніи человѣчества, въ распространеніи техническихъ познаній, развитіи торговли, промышленности, упроченіи свободы, мира и благосостоянія человѣчества. И что же? На самомъ порогѣ новаго вѣка встрѣчаетъ насъ неожиданное бѣдствіе. Я разумѣю возмущеніе и войну въ Китаѣ. Бѣдствіе поразило почти всѣ главнѣйшія государства христіанскаго міра. Вездѣ сокрушаются объ уничтоженіи успѣховъ христіанской проповѣди, болѣе двухъ столѣтій продолжавшейся въ многомилліонномъ Китаѣ, о разрушеніи миссіонерскихъ учрежденій, избіеніи миссіонеровъ, объ умерщвленіи многихъ тысячъ мѣстныхъ христіанъ. Вездѣ скорбятъ о стѣсненіи торговли и опасаются потерь и убытковъ; озабочены снаряженіемъ войскъ и санитарныхъ отрядовъ для помощи жертвамъ войны; вездѣ

---

¹⁾ Произнесена въ актовомъ залѣ Харьковской Духовной Семинаріи 19-го Ноября 1900 года.

съ замираніемъ сердца слѣдятъ за подвигами христіанскихъ воиновъ и оплакиваютъ убіенныхъ на полѣ брани сродниковъ и друзей. Такъ-то обманчивы чело­вѣческія надежды и ожиданія, такъ непрочны успѣхи, такъ шатки основанія нашего благосостоянія! Опасаются, что надолго затянется война, что потребуются дальнѣйшія усилія и жертвы, что, наконецъ, могутъ возникнуть осложненія и столкновенія между самими христіанскими государствами.

Но предоставимъ судить и говорить обо всемъ этомъ свѣтскимъ писателямъ, людямъ государственнымъ, дипломатамъ, а на насъ, служителейъ церкви, лежитъ нравственный долгъ молиться Богу о прекращеніи бѣдствія и вдумываться во внутреннее его значеніе, какъ событія небывалаго въ исторіи чело­вѣчества, какъ особеннаго *знаменія времени*. Бывали войны язычниковъ и магометанъ съ христіанами разныхъ государствъ, но въ нихъ преобладали политическіе расчеты и жажда территоріальныхъ приобрѣтеній и добычи; бывали и избіенія проповѣдниковъ вѣры Христовой у народовъ дикихъ и суевѣрныхъ, но никогда не было такого обширнаго и ожесточеннаго возстанія противъ всѣхъ христіанскихъ народовъ и такого избіенія христіанъ безъ различія чужихъ и своихъ, такъ что война перешла изъ области внѣшнихъ чело­вѣческихъ выгодъ и страстныхъ вожделѣній въ духовную область борьбы самаго, такъ сказать, язычества противъ христіанства, какъ будто самъ князь міра сего (Іоан. 12. 31) въ лицѣ своихъ служителей поднялъ войну со Христомъ и его послѣдователями. Невольно думается, что онъ почувствовалъ свою силу, видя нравственное расслабленіе христіанъ и борется съ христіанами въ намѣреніи истребить самое христіанство.

Предостереженія вѣрующимъ въ Бога истиннаго отъ

подобныхъ возстаній противъ нихъ народовъ языческихъ Господь давалъ еще въ ветхомъ завѣтѣ. Такъ въ числѣ угрожающихъ наказаній народу Израильскому за измѣну Богу и Его закону Господь сказалъ чрезъ Моисея: «за то, что ты не служилъ Господу, Богу твоему, съ веселіемъ и радостію сердца, при изобиліи всего..., пошлетъ на тебя Господь народъ издалека, отъ края земли: какъ орелъ налетитъ народъ, котораго языка ты не разумѣешь, народъ наглый, который не уважитъ старца и не пощадитъ юноши» (Втор. 28, 47. 49. 50). Подобныя предостереженія были дѣлаемы и другими пророками. Спустя нѣсколько вѣковъ Исаія говорилъ израильтянамъ: „если захотите и послушаетесь, говоритъ Господь, то будете вкушать блага земли. Если же отречетесь, то мечъ пожретъ васъ, ибо уста Господни говорятъ сіе“ (Ис. 1, 19. 20). Очевидно, что въ основаніе всѣхъ нашихъ человѣческихъ предпріятій и усилій къ прекращенію бѣдствій мы должны положить внутреннее самоиспытаніе и размышленіе о нашемъ нравственномъ состояніи, чтобы по совѣсти рѣшить, не сами ли мы виновны въ постигшемъ насъ несчастіи, и не требуется ли отъ насъ покаяніе и исправленіе? Никто изъ христіанъ, хотя отчасти сохранившій вѣру, не осмѣлится сказать, что это не нужно. Такъ ясно для всѣхъ глубокое и всеобщее растлѣніе и развращеніе современныхъ христіанскихъ народовъ, особенно въ высшихъ и образованныхъ сословіяхъ ихъ, стоящихъ во главѣ народовъ и своими ложными воззрѣніями, убѣжденіями и примѣрами увлекающихъ ихъ на путь невѣрія и пороковъ. Нужно ли подробно говорить о нихъ? Всѣ заблужденія и пороки нашего вѣка такъ намъ извѣстны изъ современной жизни христіанскихъ народовъ и у насъ передъ глазами въ отечествѣ нашемъ, усердно перенимающемъ все дурное у

иноземцевъ. Всюду съ необычайною быстротою распространяется въ народахъ невѣріе и отрицаніе бытія Божія, души человѣческой и вѣчной ея жизни, а вѣра въ Бога истиннаго замѣняется боготвореніемъ матеріи и служеніемъ плоти. Въ нравственной жизни усиливаются отрицаніе власти родительской и правительственной, цареубійства, бунты, возмущенія противъ богатыхъ, стремленіе уничтожить право собственности, нарушеніе супружескихъ союзовъ и необузданное сладострастіе, страсть къ роскоши и плотскимъ наслажденіямъ, и ради ихъ подлоги, кражи, убійства и пр. Нѣтъ во всемірной исторіи такого вѣка, въ которомъ бы мы нашли между христіанами такое открытое пренебреженіе къ добродѣтели, и такое безстрашіе по отношенію къ порокамъ и преступленіямъ. И все это видимъ во время не только называемое христіанскимъ, но и просвѣщеннѣйшимъ, гордящимся процвѣтаніемъ наукъ и искусствъ. Отчего это? Какая сила отторгаетъ христіанъ нашего времени отъ вѣры въ живого истиннаго Бога и отъ нравственной жизни, заповѣданной намъ Христомъ Спасителемъ нашимъ, которою предшествовавшія поколѣнія такъ были сильны, и такъ преусиѣвали въ истинномъ духовномъ просвѣщеніи? Гдѣ причины этого страшнаго и гибельнаго поворота въ жизни христіанскихъ народовъ, за которымъ, какъ Божіе наказаніе, послѣдовало постигшее насъ несчастіе? Попытаемся по силамъ нашимъ раскрыть эти причины.

Всѣ благонамѣренныя христіанскіе мыслители согласны въ томъ, I. что главная причина распространенія невѣрія и пороковъ въ наше время есть неограниченная свобода мышленія и сужденія о высшихъ предметахъ знанія и жизни, которую нынѣ каждый считаетъ своимъ правомъ, не признавая никакого

авторитета—ни божественнаго, ни человѣческаго. Эта свобода, не огражденная уваженіемъ къ авторитету и не упорядоченная христіанскимъ воспитаніемъ широко открываетъ двери души человѣческой для всякаго лжеученія, навѣта или клеветы на истину и соблазна. „Что хочу, то и принимаю; что мнѣ не нравится, то и отвергаю; никто указывать мнѣ не въ правѣ“,—вотъ девизъ современныхъ, особенно молодыхъ мыслителей. Поэтому намъ нужно прежде всего разсмотрѣть границы, которыя полагаетъ этой свободѣ слово Божіе.

II. Вторая причина,—происходящее отсюда общее и крайнее превозношеніе ума человѣческаго, уклонившагося нынѣ въ новый, невиданный въ исторіи родъ идолопоклонства, который, по внѣшнему виду, отличается отъ идолопоклонства древняго образованнаго языческаго міра, но который въ сущности оказываетъ то же развращающее вліяніе на жизнь современнаго человѣчества. Наконецъ, сюда относятся III. мѣры, принимаемыя нынѣ образованными людьми, повидимому, благонамѣренныя и назначаемыя для противодѣйствія развращенію народовъ, но оказывающіяся на дѣлѣ не только безплодными, но, къ удивленію нашему, вредными и содѣйствующими размноженію невѣрія и пороковъ.

I.

Мы не беремъ на себя задачи препираться съ матеріалистами и иными лжеучителями нашего времени съ цѣлію обличать и убѣждать ихъ въ истинѣ; они слишкомъ горды для того, чтобы склонить слухъ къ тихому голосу христіанской проповѣди. Мы будемъ счастливы, если изъ христіанъ не утратившихъ благоговѣнія къ ученію Христову, Богъ поможетъ намъ утвердить въ вѣрѣ хотя нѣкоторыхъ колеблющихся, остеречь неосторожныхъ, возвратитъ на правый путь

уклоняющихся отъ него. Поэтому мы будемъ говорить не изысканно-литературнымъ языкомъ писателей, стыдящихся точныхъ и твердыхъ выраженій Слова Божія, но будемъ пользоваться подлинными выраженіями Вожественнаго Откровенія, изрекающими истину не для угожденія людямъ, но для спасенія ихъ (Гал. 1, 10).

Для христіанъ истинно вѣрующихъ и знающихъ ученіе своей религіи совершенно ясны, и всегда открыты для изученія и наблюденія двѣ противоположныя стороны: первая—скажемъ—*правая*¹⁾, на которой сіяетъ свѣтъ истины, исходящій отъ Бога и провозвѣщенный пророками, апостолами и Самимъ Богочеловѣкомъ Іисусомъ Христомъ. Вторая, — скажемъ—*лѣвая*, на которой мракъ лжи и порока, распространяемый *дѣяволемъ*, по слову Спасителя *отцемъ лжи*, и его сотрудниками въ дѣлѣ размноженія ложныхъ ученій и соблазновъ, которымъ въ лицѣ фарисеевъ іудейскихъ сказалъ Іисусъ Христосъ: „вашъ отецъ дѣяволъ, и вы хотите исполнять похоти отца вашего. Онъ былъ челоуѣкоубійца отъ начала и не устоялъ въ истинѣ, ибо нѣтъ истины въ немъ; когда говоритъ онъ ложь, говоритъ свое, ибо онъ лжець и отецъ лжи“ (Іоан. 8, 44).

Ясно, что ученики Христовы видимо должны принадлежать правой сторонѣ. Здѣсь для нихъ открыты всѣ источники истинныхъ познаній объ ихъ происхожденіи, назначеніи, способностяхъ, недостаткахъ и средствахъ исправленія и усовершенствованія. Здѣсь благодатныя, даруемыя отъ Бога, силы къ преодолѣнію трудностей въ достиженіи совершенства, идеальнаго совершенства во Христѣ и добродѣтеляхъ истинныхъ его послѣдователей. Здѣсь указаны опасности отъ заблужденій и паденій, и наставленія къ

¹⁾ Примѣнительно къ словамъ Іисуса Христа „Когда творишь милостыню, пусть лѣвая рука твоя не знаетъ, что дѣлаетъ правая“ (Мат. 5, 5).

исправленію и возстанію. Здѣсь домъ Отца небеснаго и начало вѣчной жизни, гдѣ царствуютъ миръ и любовь, гдѣ обрѣтаются утѣшенія въ скорбяхъ жизни, гдѣ освящаются земныя радости и охраняется человеческое счастье. Знаемъ мы, что намъ противъ этого говорятъ, и что еще скажутъ: „Гдѣ же все это? Развѣ нѣтъ между христіанами раздѣленій, вражды, страстей, пороковъ и пр.“. Все это есть между христіанами, только носящими это имя, о чемъ мы и разсуждаемъ и о чемъ мы скорбимъ; но не по нимъ надобно судить о христіанствѣ, а по ученію Христову и начертанному имъ образу Церкви Его, какъ царства Божія на землѣ, и по свѣтлымъ временамъ процвѣтанія христіанской жизни, а не по временамъ ея упадка, каково наше бѣдственное время и каково еще страшнѣе будетъ предъ кончиною міра, о чемъ сказалъ Господь: „Сынъ человеческій придетъ ли вѣру на землѣ?“ (Лук. 18, 8).

Если такъ ясно христіанамъ предначертанъ путь къ совершенству и вѣчному блаженству, то оставалось бы имъ только безъ всякихъ сомнѣній и недоумѣній, легко и съ радостью идти по этому пути, но не то указано премудростію Божіею, и не того требуетъ природа человеческая. Человѣкъ долженъ свободно и сознательною дѣятельностію достигать совершенства, чтобы оцѣнить его по достоинству, и твердо устоять на вершинѣ его недоступнымъ для паденія, которому подвергся діаволь и аггелы его. Для христіанина, и при всѣхъ заслуженныхъ для него Искупителемъ правахъ на вѣчное блаженство, и при всѣхъ благодатныхъ дарованіяхъ, стало непремѣннымъ правиломъ его жизни: *не бывай побѣжденъ отъ зла, но благимъ побѣждай злое!* (Рим. 12, 21). И здѣсь—истинное, единственно вѣрное употребленіе свободы, дарованной отъ

Бога человеку. Здѣсь—начало духовной брани Христа съ діаволомъ и христіанина съ нимъ и его служителями, о которой современные христіане день ото дня больше забываютъ.

Прежде всего мы должны быть бдительны въ духовной жизни, такъ какъ, по притчѣ Спасителя о сѣятелѣ, къ душамъ безпечнымъ „приходитъ діаволь и уносить сѣмя слова Божія изъ сердца ихъ, чтобы они не увѣровали и не спаслись“ (Лук. 8, 12). Его приближеніе къ человеку и нападенія съ цѣлью похитить у насъ вѣру знаютъ христіане, проходящіе подвигъ дѣятельной жизни. Помыслы сомнѣній и невѣрія, хулы, гордости, плотскихъ страстей, зависти, мщенія, унынія, отчаянія и множество имъ подобныхъ—вотъ стрѣлы, непрестанно бросаемаы врагомъ въ душу христіанина, составляющія различные виды той брани „противъ козней діавольскихъ“, о которой говоритъ Св. Апостолъ Павелъ: „наша брань не противъ плоти и крови, но противъ начальствъ, противъ властей, противъ міроправителей тьмы вѣка сего, противъ духовъ злобы поднебесныхъ“ (Еф. 6, 12). Это брань трудная, пожизненная, никогда насъ не покидающая, которая оканчивается только или вѣнцомъ побѣдителя, или гибелью побѣжденнаго.

Такова же брань и съ людьми, вмѣстѣ съ діаволомъ враждующими противъ Христа и Его послѣдователей. Но, по ученію святыхъ отцевъ, она представляетъ для насъ еще особенную опасность. Діаволь невидимъ для насъ тѣлесными очами, мы не имѣемъ съ нимъ никакихъ связей, ничѣмъ ему не обязаны, и съ нимъ намъ не дозволена никакая дружба, напротивъ заповѣдана вѣчная война, за которой никогда не должно ожидать мира. Не то съ невѣрующими и враждебными христіанству людьми. Многіе изъ нихъ съ нами въ родствѣ, съ

иными мы въ постоянныхъ сношеніяхъ во время воспитанія, потомъ по дѣламъ службы и по общественной дѣятельности; они могутъ имѣть свои человѣческія достоинства, могутъ быть любезны, талантливы, образованны, могутъ заслуживать уваженіе подвигами военными и гражданскими и въ то-же время быть заклятыми врагами Христа и христіанства, какъ видимъ нынѣ. Отъ нихъ невѣріе незамѣтно прилипаетъ къ намъ, заражаетъ насъ, какъ чума, мы усвоаемъ ихъ мысли, выраженія, пріемы, увлекаемся ихъ примѣромъ и хладѣемъ къ вѣрѣ, отвыкаемъ отъ благочестивыхъ упражненій и обычаевъ, и иногда поздно догадываемся, какъ друзья наши сдѣлали насъ врагами Божиими и похитили у насъ надежду спасенія. Такимъ образомъ, отъ невѣрующихъ людей труднѣе отбиться, чѣмъ отъ самаго діавола. Удаленіе діавола отъ насъ мы узнаемъ по очищенію нашего ума отъ грѣховныхъ помысловъ, по умиротворенію сердца и совѣсти, и отъ насъ зависитъ отогнать его отъ себя: *повинитесь Богу и пропавитесь діаволу, и бѣжитъ отъ васъ*, говоритъ Апостолъ (Іак. 4, 7). Съ людьми же не всегда это возможно. Потому Псалмопѣвецъ проситъ въ этомъ помощи Божіей: *изми мя, Господи, отъ человека лукава, отъ мужа неправедна избави мя* (Пс. 139. 1).

И эта борьба лжи съ истиною идетъ съ самаго начала бытія рода человѣческаго, съ тѣхъ поръ, какъ сказано было Богомъ искусителю первыхъ человѣковъ: *вражду положу между тобою и между женою, между степенемъ твоимъ и между степенемъ твоимъ; той твою сотретъ главу, и ты будешь блюсти его пяту* (Быт. 3, 15). Грубые язычники насиліемъ и чувственными соблазнами во всѣ вѣка отвлекали народъ избранный отъ богооткровенной религіи, а съ возникновеніемъ письменности и просвѣщенія ложные мудрецы изъ всѣхъ

народовъ, не исключая и самаго избраннаго, вели съ вѣрующими эту борьбу съ оружіемъ развращенныхъ умовъ и прелестями искусствъ и утонченныхъ наслажденій. Эту борьбу весьма ясно изображали ветхозаветные пророки; и самъ Искупитель нашъ, Господь Иисусъ Христосъ лично, и чрезъ своихъ Апостоловъ, св. отцевъ и подвижниковъ, раскрылъ до послѣдней глубины всѣ ея разнообразныя движенія и приемы, всѣ роды коварства и хитрыхъ замысловъ, и всю адскую злобу сатаны и его служителей. „Дочь Вавилона“! восклицалъ Исаія, обращаясь къ ложной наукѣ въ народѣ Израильскомъ, „мудрость твоя и знаніе твое,—они сбили тебя съ пути, и ты говорила въ сердцѣ твоёмъ: Я и никто кромѣ меня“ (Ис. 47, 10). „Вожди сего народа, говорилъ тотъ же пророкъ, введутъ его въ заблужденіе, и водимые ими погибнутъ“ (Ис. 10, 16). „Пророки пророчествуютъ ложь и священники господствуютъ при посредствѣ ихъ, и народъ мой любитъ это. Что же вы будете дѣлать послѣ всего этого? (Іер. 5, 31). „Господи Боже мой! Вотъ пророки говорятъ имъ: не увидите меча, и голода не будетъ у васъ, и постоянный миръ дамъ вамъ на семь мѣстѣ. И сказалъ мнѣ Господь: Я не посылалъ ихъ. и не давалъ имъ повелѣнія, и не говорилъ имъ; они возвѣщаютъ вамъ видѣнія ложныя, и гаданія, и мечты сердца своего“ (Іер. 14. 13, 14). Обольщаемый лжепророками народъ говоритъ пророкамъ истиннымъ, отъ Бога посылаемымъ: „перестаньте провидѣть, не пророчествуйте намъ правды, говорите намъ лестное, предсказывайте пріятное, сойдите съ дороги, отклонитесь отъ пути; *устраните отъ глазъ нашихъ Святаго Израилева*“ (Исаія 30, 10, 11). И Самъ Иисусъ Христосъ предупреждалъ учениковъ Своихъ не только о томъ, что явятся между ними лжепророки, но и лжехристы, что опаснѣе и страшнѣе для вѣ-

рующихъ. „Берегитесь лжепророковъ, которые приходятъ къ вамъ въ овечьей одеждѣ, а внутри суть волки хищные“ (т. е. ищущіе похитить васъ, какъ овецъ, изъ стада церкви Христовой). „Берегитесь, чтобы кто не прельстилъ васъ, ибо многіе придутъ подъ именемъ Моимъ и будутъ говорить: Я Христось, и многихъ прельстятъ. Если кто скажетъ вамъ: вотъ здѣсь Христось, или тамъ, не вѣрьте, ибо возстанутъ лжехристы и лжепророки и дадутъ великія знаменія и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранныхъ. Вотъ я напередъ сказалъ вамъ“ (Мат. 24, 45. 5. 23—25). Св. Апостоль Павель, при самомъ первоначальномъ устройствѣ церкви Христовой, говорилъ ученикамъ своимъ: «войдутъ къ вамъ лютые волки, не щадящіе стада, и изъ васъ самихъ возстанутъ люди, которые будутъ говорить превратно, дабы увлечь учениковъ за собою» (Дѣян. 20. 29, 30).

Пророчества, предупрежденія и предостереженія ясны. Остановимся на нихъ съ размышленіемъ. Изъ всѣхъ свидѣтельствъ слова Божія о борьбѣ между истинною и ложью, между христіанами и сатаною видно, что борьба эта не прекратится до скончанія міра. Слѣдовательно, она должна быть и въ наше время. Она и есть; это видятъ всѣ, не утратившіе духовнаго зрѣнія, у которыхъ внутреннія очи чисты и которые не поражены духовною слѣпотою, о которой сказалъ Іисусъ Христось: «если око твое будетъ худо, то все тѣло твое будетъ темно. Итакъ, если свѣтъ, который въ тебѣ, тьма, то какова же тьма?» (Мат. 6, 23). Объ этой борьбѣ слышатъ всѣ, не утратившіе внутренняго слуха, къ коимъ часто возглашалъ Господь во время своей проповѣди: «*имѣяй уши слышати, да слышитъ*». (Мат. 11, 15). И такъ, всѣ христіане, остающіеся, по милости Божіей, способными видѣть и слышать, смот-

рите на движеніе этой борьбы и слушайте громъ смертоносныхъ орудій, направленныхъ на насъ врагами нашего спасенія.

Прежде всего мы должны видѣть, что поле для этой борьбы въ наше время избрано врагами нашими иное, чѣмъ какое было въ вѣка предшествовавшіе. Тогда она происходила на почвѣ вѣры; тамъ она плодила ереси, расколы, раздѣленія церкви, религіозныя войны, разные виды развращенія нравовъ и пр.; въ нынѣшнее же время, съ конца осьмнадцатаго и въ продолженіе всего девятнадцатаго вѣка, она увлекаетъ христіанъ главнымъ образомъ на необозримое поле свободнаго, ничѣмъ неограничиваемаго мышленія и знанія, гдѣ ни исчислить враговъ, ни предусмотрѣть способы ихъ борьбы, невозможно, такъ какъ истина одна, а свободныхъ лжей безконечное множество и разнообразіе.

Чтобы найти намъ исходный пунктъ для разсмотрѣнія общаго характера этой борьбы, возьмемъ поставленный новыми врагами вѣры главный принципъ, изъ котораго исходятъ всѣ развѣтвленія ихъ лжеученія и развиваются всѣ положенія и выводы, направленные противъ истины. Вотъ этотъ принципъ: «Христіанство отжило свой вѣкъ. Оно составляло первую стадію развитія человѣчества; оно подготовило пробужденіе умовъ и отворило двери для свободы мышленія, знанія, совѣсти и дѣятельности. Оно остается и нынѣ такимъ же для народныхъ массъ, не созрѣвшихъ для свободы, а нуждающихся въ руководствѣ, которое представляетъ для нихъ христіанство съ своими вѣроученіями, церковными обрядами и правилами жизни. Люди же новаго времени могутъ управлять сами собой: они открыли всѣ пути знанія и всѣ средства усовершенствованія; они провидятъ впереди безграничныя успѣхи во

всѣхъ родахъ человѣческой дѣятельности и справедливо надѣются на всѣ виды благосостоянія и счастья. Для новыхъ свободныхъ людей не нужна никакая опека; ихъ девизъ: культура, цивилизація и обезпечиваемый ими безконечный прогрессъ человѣчества».

Спрашивается: „если эта новая борьба происходитъ въ церкви, въ которой боролись истинные пророки съ лжепророками, то какое же отношеніе могутъ имѣть наставленія и предостереженія истинныхъ пророковъ къ нашему времени, когда, повидимому, о пророкахъ и лжепророкахъ въ христіанскомъ мірѣ совсѣмъ не слышно“? Чтобы правильно отвѣтить на этотъ вопросъ, надобно знать, въ чемъ состояло служеніе истинныхъ пророковъ и дѣятельность лжепророковъ. Въ двухъ видахъ состояло служеніе истиныхъ пророковъ:—въ проповѣди богооткровеннаго ученія о единомъ истинномъ Богѣ и богоугодной жизни, и въ предсказаніяхъ о будущихъ судьбахъ народовъ и преимущественно о грядущемъ царствѣ Христовомъ. Этой проповѣди и противились лжепророки, искажали ученіе и заподозрѣвали истинность предсказаній. Вдумайтесь, и увидите, что забыты только древнія имена, и замѣнились новыми, а дѣятели остаются тѣ же, и борьба лжи и истины продолжается та же. Служители и подвижники Церкви Христовой, унаслѣдовавшіе права и дары пророковъ, и нынѣ отвергаются, какъ люди бесполезные и ненужные, а лжепророки прикрываются новыми идеями, воззрѣніями и именами: философовъ, прогрессистовъ, либераловъ, цивилизаторовъ, передовыхъ людей и пр. Это тѣ же служители *лѣвой стороны*, о которой говорили мы выше, но значеніе ихъ въ дѣлѣ борьбы противъ истины опредѣляйте не столько оцѣнкою и разборомъ внутреннихъ качествъ каждаго лжеученія, сколько *духомъ*, т. е. направленіемъ и дви-

женіемъ ихъ противъ богооткровеннаго ученія и его исповѣдниковъ. Этотъ тлетворный духъ чувствуется вѣрующимъ сердцемъ. Какъ бы ни были многочисленны эти лжепророки—учители современнаго христіанскаго міра, сколько бы ни издавали книгъ и газетъ противъ христіанства, сколько бы ни говорили съ профессорскихъ кафедръ въ школахъ и обществахъ противъ установленій церковныхъ и духовной жизни,—они опредѣляются однимъ словомъ древняго пророка Іереміи: „Такъ говоритъ Господь Саваоѣ: не слушайте словъ пророковъ, пророчествующихъ вамъ: они обманываютъ васъ, рассказываютъ мечты сердца своего, а не отъ устъ Господнихъ“ (Іер. 23. 16). Мы имѣемъ ученіе „отъ устъ Господнихъ“, слѣдовательно, всѣ современные проповѣдники либеральныхъ идей „рассказываютъ намъ мечты сердца своего“. Также обличаетъ Іеремія и предсказанія лжепророковъ: „Я не посылалъ ихъ“, сказалъ Господь пророку; „они возвѣщаютъ вамъ видѣнія ложныя и гаданія, и пустое, и мечты сердца своего“ (Іер. 14. 14). Но какое ясное указаніе мы видимъ у Іереміи на отношенія къ лжепророкамъ народовъ, уклоняющихся съ истиннаго пути! „Пророки пророчествуютъ ложь, говоря народу: не увидите меча и голода не будетъ у васъ, но постоянный миръ дамъ вамъ на семь мѣстѣ и народъ мой любитъ это“ (Іер. 5. 31. 14. 13). Такіе народы говорятъ, по свидѣтельству Исаіи, истиннымъ пророкамъ: „перестаньте провидѣть, не пророчествуйте намъ правды, говорите намъ лестное, предсказывайте пріятное; сойдите съ дороги, уклонитесь отъ пути; устранили отъ глазъ нашихъ Святаго Израилева“ (Исаіи 30, 10, 11). Не замѣчаете ли, какое поразительное указаніе и на наше время мы находимъ въ этихъ пророческихъ словахъ? И наши лжепророки высказываютъ намъ мечты сердца своего, во-

преки слову Божію, и народы, называющіе себя просвѣщенными, любятъ это. Они любятъ слушать предсказанія философовъ о вѣчномъ прогрессѣ человечества на землѣ, достигаемомъ ихъ самодѣятельностью, объ уничтоженіи, съ успѣхомъ знанія, бѣдности, болѣзней и всѣхъ страданій земной жизни, о блаженствѣ будущихъ поколѣній, приготовляемомъ нашимъ временемъ. Только одно условіе ставятъ они намъ: „устраните отъ глазъ нашихъ Святаго Израилева“, т. е. Господа Іисуса Христа и Его ученіе, и всѣ предупрежденія, какія Онъ даетъ намъ объ опасности вѣчной гибели въ невѣрїи и развращенїи.

Еще яснѣе указываютъ опасности для христіанъ во времена подобныя нашему времени пророчества самаго Іисуса Христа. „Придутъ къ вамъ, говоритъ Онъ, лжепророки въ одеждахъ овчихъ, а внутри они суть волки хищные“ (Мат. 7, 15). Что это значитъ? Во времена грубости нравовъ въ духовной борьбѣ враги истины употребляли насилія, гоненія и избїенія, какъ говорилъ Господь Іудеямъ: „Іерусалимъ, Іерусалимъ, избивающій пророковъ и камнями побивающій посланныхъ къ тебѣ“ (Мат. 13, 34); но въ вѣкъ свободы и смягченія нравовъ, какимъ мы считаемъ свой вѣкъ, и безпощадные враги вѣры являются „въ одеждахъ овчихъ“, т. е. (скажемъ безъ преувеличенія) съ обращеніемъ мягкимъ, съ словами льстивыми, съ убѣжденіями увлекательными, съ мыслями блестящими и поражающими новизною и ученостію. Но внутри это—волки хищные. Не таковы ли проповѣдники современныхъ либеральныхъ идей, успѣховъ просвѣщенія, блеска цивилизаціи, безостановочнаго прогресса и вѣчно возрастающаго благополучія? Но это—хищные волки, безвозвратно похищающіе овецъ изъ двора Христова; они умерщвляютъ въ своихъ послѣдователяхъ самую *прїемлемость*

слова Божія и благодатныхъ впечатлѣній, наполняя души ихъ гордостію и самомнѣніемъ и затрудняя имъ самую возможность раскаянія и возвращенія ко Христу.

Господь предсказываетъ, кромѣ лжепророковъ, появленіе среди Его послѣдователей въ извѣстныя времена „лжехристовъ“. Вамъ будутъ указывать, говоритъ Онъ, вотъ здѣсь Христосъ; не выходите. Лжехристы будутъ давать великія знаменія и чудеса, — не вѣрьте. „Вотъ Я напередъ сказалъ вамъ“, знаменательно заключаетъ Господь Свое пророчество (Мат. 24. 23—25). Чѣмъ отличаются эти лжехристы отъ лжепророковъ? Тѣмъ, что они не только будутъ стремиться „устранить Святого Израилева“ и отвлечь вѣрующихъ отъ Него къ какой-либо другой вѣрѣ, или ученію, напримѣръ, къ магометанству, буддизму и т. под., но будутъ стараться замѣнить Христа собой, поставить на мѣсто Его самихъ себя. Отвергая Христа и Его ученіе, они будутъ проповѣдывать свою вѣру, давать свое евангеліе, писать свои законы жизни для человѣчества. Ихъ будетъ много — и тамъ и здѣсь: не ходите къ нимъ, не вѣрьте имъ. Замѣчательно, что въ исторіи всѣхъ вѣковъ нигдѣ мы не находимъ мыслителей и проповѣдниковъ новыхъ ученій, которые бы съ сатанинскою гордостію говорили: „доселѣ были мыслители все ограниченные и малосвѣдующіе: Я скажу вамъ безусловную истину, мнѣ вѣрьте“. Наблюдающіе за ходомъ образованія и умственной жизни современнаго человѣчества знаютъ многихъ такихъ лжехристовъ въ разныхъ странахъ христіанскаго міра. Осмотритесь; можетъ быть, найдете такихъ и недалеко отъ себя.

Доселѣ мы раскрывали по указаніямъ слова Божія борьбу истины съ ложью, „Христа съ веліаромъ“ (2 Кор. 6, 15) за благо и спасеніе рода человѣческаго, — по пророческимъ предупрежденіямъ и предостереже-

ніямъ начатымъ съ древнѣйшихъ временъ и доведеннымъ, какъ мы видимъ, до нашего времени въ чертахъ поразительно ясныхъ и страшныхъ для тѣхъ изъ христіанъ, которые сохранили въ себѣ способность бояться за благосостояніе церкви и собственное спасеніе. Перейдемъ отъ изображенія пророческой истины въ смыслѣ умозрительномъ къ оправданію ея въ смыслѣ практическомъ. Что заступаетъ мѣсто христіанства, когда человѣчество отрекается отъ него и уклоняется въ противоположныя ученія? *Язычество*, и съ нимъ свойственные ему пороки и преступленія. Оно то и водворяется нынѣ въ образованномъ христіанскомъ мірѣ. Представимъ доказательства.

II.

Что такое язычество? Въ общемъ понятіи оно есть поклоненіе твари вмѣсто Творца. Въ самомъ грубомъ видѣ оно является въ моленіяхъ и жертвахъ предъ истуканами и идолами, о которыхъ говорили пророки и учитель ветхозавѣтной церкви: пошелъ человѣкъ въ лѣсъ, вырубилъ кусокъ дерева, обдѣлалъ его, какъ умѣлъ, въ образъ человѣка, поставилъ его передъ собою и поклоняется ему и просить его о своихъ дѣлахъ и нуждахъ (Прем. 13, 11—19). „Идолы язычниковъ—серебро и золото, дѣло рукъ человѣческихъ. Есть у нихъ уста, но не говорятъ; есть у нихъ глаза, но не видятъ...“ (Пс. 113, 12, 13). Высшій видъ язычества составляетъ поклоненіе вмѣсто Творца Его твореніямъ: свѣтиламъ небеснымъ, огню, животнымъ, растеніямъ и пр. Далѣе язычество представляетъ служеніе существамъ невидимымъ: душамъ умершихъ предковъ, героевъ и т. под. Наконецъ, является служеніе богамъ вымышленнымъ, представляющимъ идеи человѣческой мудрости, силы, мужества, воинскихъ подвиговъ, кра-

соты, любви и пр., какими переполнены были храмы древняго классическаго міра, и миѳологическія сказанія о вымышленныхъ дѣянiяхъ этихъ божествъ. Такъ съ развитіемъ душевныхъ силъ и способностей человѣческихъ въ различныхъ видахъ житейской дѣятельности,—въ промышленности, наукахъ, искусствахъ и проч. представленія о богахъ переходили изъ грубыхъ чувственныхъ формъ въ высшіе идеальныя образы, соотвѣтствовавшіе стремленіямъ человечества къ истинному имъ совершенству и счастью. Въ какомъ же видѣ мы находимъ язычество въ наше просвѣщенное время? Во всѣхъ указанныхъ нами видахъ. У народовъ грубыхъ, которыхъ не коснулось просвѣщеніе, каковы наши инородцы глубокаго сѣвера, дикари Америки, Африки, Австралія,—мы и теперь видимъ безобразныхъ идоловъ, которымъ приносятся столь же безобразныя жертвы. У народовъ восточной и южной Азіи, нѣсколько развитыхъ, мы видимъ, вмѣстѣ съ идолами, поклоненіе душамъ умершихъ, а также духамъ и божествамъ вымышленнымъ (исключая магометанъ), каковы Китай, Индія и Японія. Въ чемъ же состоитъ язычество измѣнившихъ Христу новыхъ образованныхъ людей христіанскаго міра?—Также въ обоготвореніи твари. только не въ свѣтилахъ небесныхъ, не въ растительномъ и животномъ царствѣ, а въ родѣ же человѣческомъ, т. е., въ горделивомъ обоготвореніи самихъ себя, или признаніи богами самихъ людей и поклоненіи себѣ. Новый современный человѣкъ дерзнулъ сказать: „я самъ богъ“. Какимъ же образомъ просвѣщенные христіане могли дойти до такого удивительнаго ослѣпленія и безразсудства? Постепенно и незамѣтно, какъ вообще одинъ человѣкъ и цѣлыя народы уклоняются отъ истины и добродѣтели ко лжи и пороку.

До XIII—XIV вѣка просвѣщеніе почерпалось хри-

стіанами главнымъ образомъ изъ Священнаго Писанія, твореній Отцовъ и учителей церкви. Со времени знаменитой эпохи „возрожденія наукъ“ христіане западной церкви увлеклись изученіемъ твореній классическаго міра и интересъ знанія раздѣлился между ученіемъ христіанскимъ и языческимъ въ ущербъ первому, а потомъ получилъ и преобладаніе надъ первымъ. Со времени реформациі, когда потрясенъ былъ авторитетъ церкви, допущена свобода пониманія слова Божія каждымъ по своему разумѣнію, явилась критика не только текста, но и самыхъ книгъ Священнаго Писанія, сличеніе и смѣшеніе догматовъ вѣры, какъ отвлеченныхъ мыслей съ идеями человѣческими. Въ то же время неустанно работала философія, пользуясь неограниченною свободою мысли и совѣсти, и изъ всѣхъ своихъ направленій — раціонализма, пантеизма, деизма, натурализма, позитивизма, матеріализма, — и косвенно, и прямо направляла свои выводы противъ чистой истины божественнаго откровенія. При охлажденіи къ ученію христіанскому и упражненіямъ духовнымъ, при чрезвычайномъ развитіи наукъ естественныхъ, умноженіи открытій и усовершенствованій въ области общежитія, при разнообразіи и изысканности удовольствій и наслажденій, сердца ученыхъ людей, оторванные отъ общенія съ Богомъ, одичали, охладѣли къ Христову ученію и духовнымъ утѣшеніямъ, затѣмъ, естественно, совѣсть притупилась, время и трудъ посвящались исключительно наукамъ, далекимъ вообще отъ истинъ отвлеченныхъ и тѣмъ болѣе христіанскихъ; человѣчество устремилось къ пріобрѣтенію богатства и средствъ для роскошной жизни. — и мы очутились по отношенію къ знанію и жизни подъ давленіемъ грубаго матеріализма; невѣріе и безбожіе выступили открыто со свойственною имъ гордостію и

дерзостию. Происхожденіе міра отъ Всемогущаго Творца замѣнено вырожденіемъ его изъ матеріи (эволюціею), а человѣка—изъ царства животнаго; высшимъ правиломъ нравственной жизни поставленъ законъ свободнаго удовлетворенія всѣхъ естественныхъ потребностей и склонностей человѣка безъ разбора. Всѣ средства усовершенствованія, пріобрѣтеніе всѣхъ родовъ счастья человѣкъ, забывъ о своей ограниченности, предоставилъ самому себѣ. Онъ—господинъ природы. онъ, съ успѣхомъ наукъ, пріобрѣтетъ все знаніе; онъ своею изобрѣтательностью устранить всѣ неудобства и страданія земной жизни; онъ не нуждается ни въ какой небесной, невидимой силѣ. онъ все сдѣлаетъ самъ для себя: „онъ самъ Богъ“.

Чтобы этотъ нашъ выводъ не казался преувеличеннымъ, намъ надлежало-бы представить доказательства изъ сочиненій самихъ философовъ матеріалистовъ. но ихъ такъ много, и они такъ разнообразны, что для этого требуется (да уже и написаны нѣкоторыми благонамѣренными мыслителями) особыя ученныя книги. Мы ограничимся краткимъ свидѣтельствомъ одного самаго смѣлаго и рѣшительнаго философа-матеріалиста, пользующагося большимъ уваженіемъ отъ своихъ единомышленниковъ, многими уважаемаго и въ нашемъ отечествѣ,—Фейербаха. Въ краткомъ изрѣченіи, которое приводимъ, выражена самая сущность матеріалистическаго идолослуженія въ смыслѣ обоготворенія человѣка.

„Каковы мысли человѣка, говоритъ философъ, таковы его и Богъ: сколько достоинства въ самомъ человѣкѣ, столько же, —не болѣе, имѣетъ достоинства и Богъ его. Сознаніе Бога есть самосознаніе человѣка, познаніе Бога—самопознаніе человѣка. Изъ его Бога

узнаешь ты человекъ, и наоборотъ,—изъ человекъ—его Бога; *оба они тождественны*» ¹⁾).

«Религія, особенно христіанская, есть отношеніе человекъ къ себѣ самому, или правильнѣе,—къ своей и при томъ субъективной—сущности, но только какъ сущности другой. *Божественная сущность есть не что иное, какъ сущность человеческая, или лучше: сущность человекъ очищенная, освобожденная отъ ограниченій человекъ индивидуальнаго, объектированная, т. е., созерцаемая и почитаемая какъ другая отличная отъ него, собственная сущность; всѣ опредѣленія божественной сущности суть поэтому опредѣленія сущности человеческой*» ²⁾).

Этихъ немногихъ словъ довольно, чтобы понять, кого Фейербахъ и его единомышленники признаютъ за Бога. *Сущность Бога и человекъ—тождественны*, т. е. тотъ, кого люди признаютъ за Бога, есть не кто иной, какъ человекъ; слѣдовательно, самъ человекъ есть Богъ. *Но эта сущность человекъ, во первыхъ, есть очищенная, освобожденная отъ ограниченій человекъ индивидуальнаго, т. е., отдѣльнаго человекъ съ его недостатками, а взятаго въ отвлеченномъ смыслѣ въ совокупности свойствъ прогрессивно совершенствующагося человечества. Во вторыхъ, это есть сущность созерцаемая и почитаемая какъ и другая, отличная отъ него, собственная сущность, т. е., человекъ идеальный, отдѣльно изображаемый въ произведеніяхъ искусства,—ваяніи, живописи, поэзіи и пр. Иначе,—какъ же его представить отдѣльно отъ реальнаго, живаго человекъ? Этому совершенному человекъ и принадлежитъ религіозное почитаніе. И такъ, говоря обыкновенными, общепонятными словами, этотъ богъ матеріалистовъ есть *идолъ*, а религіозное почи-*

¹⁾ Изъ сочиненій Фейербаха „Сущность христіанства“. Русскій переводъ Филадельфа Теомахова. Лондонъ, 1861 г. стр. 29.

²⁾ Стр. 27.

таніе его есть *идолослуженіе*. Вотъ до какого бога, до какой религіи додумались матеріалисты!

Теперь разберемъ нравственное значеніе этого ученія и вліяніе его на размноженіе пороковъ и преступленій, что составляетъ предметъ нашего разсужденія. Вліяніе это обнаруживается двояко: *въ смыслъ отрицательномъ, т. е., въ устраненіи и ослабленіи христіанскихъ средствъ для усовершенствованія, или спасенія чловѣка, и въ смыслъ положительномъ, въ возбужденіи страстей чловѣческихъ, въ разрѣшеніи преступныхъ средствъ для ихъ удовлетворенія, или въ поощреніи къ преступленіямъ.*

Всѣ философы согласны въ томъ, что чловѣкъ, въ своей свободной дѣятельности, для своего усовершенствованія долженъ имѣть предъ собою идеаль совершенства, къ которому долженъ стремиться и который долженъ осуществлять въ себѣ. Гдѣ онъ его найдетъ? Со стороны ли кто его представитъ чловѣку, или онъ самъ его для себя изобрѣтетъ? Последнее невозможно, потому что чловѣкъ, имѣющій нужду въ идеалѣ совершенства, идеала высшаго его самаго представитъ себѣ не можетъ. И все чловѣчество въ своихъ мечтахъ о совершенствѣ, и при желаніи его, *всегда будетъ толочься на одномъ мѣстѣ*, безъ внутренняго, нравственнаго движенія впередъ, т. е., бросать одну за другою свои мечты и теоріи совершенства и счастья, не имѣя несомнѣннаго указателя (критерія) истиннаго достоинства каждой. Потомъ оно не можетъ по своей ограниченности выжать изъ своей природы больше того, что въ ней есть, если жизнь его не будетъ постоянно восполняема изъ самаго его идеала, къ которому оно стремится. Такъ совершенно согласно съ природой чловѣка учитъ христіанство, изъ котораго и получено самое понятіе объ истинномъ идеалѣ. Оно указало

человѣчеству высочайшій идеаль въ живомъ, всесовершенномъ Богѣ-Духѣ, въ Отцѣ нашемъ небесномъ: *будьте совершенни, якоже Отецъ вашъ небесный совершенъ есть* (Мат. 5, 48). Оно открыло и путь къ высочайшему Духу, по образу Котораго сотворена бессмертная душа человека, сознающаго родство свое съ Отцемъ своимъ. Этотъ путь есть земная жизнь Единороднаго Сына Божія, приблизившагося въ своемъ воплощеніи къ человеку и явившему ему въ Своемъ богочеловѣческомъ совершенствѣ и добродѣтеляхъ образъ Отца небеснаго, какъ Онъ и сказалъ о Себѣ: „*Азъ есмь путь, и истина, и животъ. Никто же придетъ къ Отцу только мною*“ (Іоан. 14, 6). Я есмь путь для васъ, какъ бы такъ говорить Господь, потому что, только проходя путемъ Моей жизни на землѣ, вы почувствуете, что идете отъ тьмы къ свѣту; Я есмь истина, потому что только во Мнѣ вы увидите потребныя для васъ истинныя совершенства и по нимъ познаете ваши недостатки и пороки и пожелаете ихъ исправленія; Я есмь жизнь, потому что только отъ Меня получите силы и средства для восполненія вашей жизни и возвышенія духа вашего къ небу и вѣчной жизни, такъ какъ безъ Мене не можете творити *ничего* (Іоан. 15, 5). Что, отрицая эти истины, въ замѣнъ этого ученія объ истинномъ идеалѣ совершенства дастъ человеку материализмъ?

Не было и нѣтъ въ мірѣ такого человека, который вмѣщалъ бы въ себѣ всѣ дарованія и совершенства, въ которыхъ нуждается и которыхъ ищетъ весь родъ человѣческій, при безконечномъ разнообразіи свойствъ и потребностей каждой отдѣльной человѣческой личности. Всѣ великіе люди, всѣ геніи человечества, отличавшіеся совершенствомъ въ одномъ родѣ дѣятельности, имѣли недостатокъ въ другихъ ея видахъ, и

даже пороки. Собрать всѣ достоинства въ одномъ лицѣ невозможно; а изобразить ихъ въ идеальномъ представленіи и описаніи бесполезно, потому что это изображеніе подвергнется, при разнообразіи людскихъ мнѣній и воззрѣній, спорамъ и пререканіямъ,—не всѣми людьми, по неразвитости большинства ихъ, можетъ быть усвоено, забудется въ преданіяхъ, затеряется во множествѣ писаній человѣческихъ. И гдѣ возьмутъ философы пужныя краски для изображенія жизни высшей, чѣмъ столь неудовлетворительная жизнь земная съ ея недостатками и бѣдствіями? Они могутъ только замѣчать эти недостатки, какъ не соотвѣтствующіе естественнымъ стремленіямъ человѣчества къ совершенству, но замѣнить ихъ чѣмъ-либо лучшимъ—не могутъ. Какъ, наконецъ, они проникнутъ въ ту непроглядную тьму, которою закрыта отъ нихъ жизнь загробная? А этой лучшей загробной жизни такъ желаютъ всѣ народы, изображая ее для себя въ своихъ религіяхъ въ самыхъ разнообразныхъ и до крайности несовершенныхъ видахъ, въ которые однакоже они вѣруютъ, не зная лучшихъ. Душу человѣческую, крѣпкую въ сознаніи своей неразрушимой личности, сознаваемой даже дикарями, никогда не удовлетворитъ мечта о вѣчномъ прогрессѣ всего человѣчества на землѣ въ нарождающихся вновь поколѣніяхъ съ безвозвратнымъ зарытіемъ на кладбищахъ всѣхъ отжившихъ. Всѣ люди рождающіеся послѣ меня на землѣ будутъ годъ отъ году счастливѣе меня въ своемъ прогрессѣ, а гдѣ же я буду? Этого вопроса никакія хитросплетенія матеріалистовъ не вырвутъ изъ души человѣческой. Пусть они въ своемъ умоизступленіи въ виду смерти, насильственно подавляя въ себѣ при болѣющемъ и разрушающемся тѣлѣ непокидающее ихъ сознаніе душевной жизни, скрѣпя сердце, ложатся въ могилу для всецѣ-

лаго истлѣнія, какъ имъ кажется, всего своего существа; но мы, христіане, *начинающіе еще на землѣ, по благодати Христовой, вѣчную духовную жизнь* и озаренные надеждою на возвышеніе ея за гробомъ, согласиться на это не можемъ. Нашъ Господь и Спаситель, *сшедшій съ небесе Сынъ человѣческій*, разъяснилъ намъ всѣ виды и причины бѣдствій и страданій земной нашей жизни и средства избавленія отъ нихъ; Онъ же *и возшедшій на небо и сѣи на небеси* (Іоан. 3, 13) открылъ намъ, сколько вмѣстить можемъ, тайны жизни будущей, представивъ ее намъ въ опытахъ духовныхъ понятною и вождедѣнною, и давъ обѣтованіе: *такъ прииду, и поиму вы къ себѣ, да идѣ же есмь Азъ и вы будете* (Іоан. 14. 3). И вотъ, когда, при всеобщемъ упадкѣ нравственности въ современномъ христіанскомъ мірѣ, мы видимъ, что и нынѣ добрые христіане, руководимые ученіемъ Христовымъ о совершенствѣ и счастіи, даютъ намъ въ себѣ образцы благочестія и добродѣтелей—семейныхъ и общественныхъ,—матеріалисты своими идеалами и примѣрами только разрушаютъ нравственную жизнь человѣчества. Между тѣмъ, ожидаемый ими идеальный человѣкъ—богъ не является и подобія ему не видимъ. Есть восторженные описанія прогресса ожидаемаго въ будущемъ въ такихъ чертахъ: желѣзныя дороги обойдутъ весь земной шаръ, телеграфы, телефоны, аэростаты облегчатъ сношенія всѣхъ народовъ и сдѣлаютъ одну семью изъ человѣчества; машины облегчатъ всѣ трудныя работы, фабричная промышленность всюду распространитъ довольство, богатство разольется по всѣмъ классамъ народовъ и уравниваетъ сословія и пр. Но всѣ эти блага цѣнны только для внѣшней жизни, вождедѣнны только для ищущихъ покоя, роскоши и плотскихъ наслажденій,—но что же достанется изъ всего этого для внут-

ренняго душевнаго усовершенствованія человѣчества, потребность въ которомъ, и при отрицаніи души, не могутъ отрицать матеріалисты? И имъ нужны въ людяхъ: здравомысліе, честность, вѣрность, любовь, чуждая эгоизма и своекорыстія, трудолюбіе, мужество въ борьбѣ съ препятствіями и пр. Всего этого не достанешь въ облакахъ съ аэростатовъ, не выдѣлаешь никакими машинами. Чувство неудовлетворенности современнымъ направленіемъ жизни и сознанія необходимости возвышенія ея въ нравственномъ отношеніи возникаетъ уже и между самими матеріалистами и еще болѣе между писателями, которыхъ еще не поработили совершенно себѣ матеріалисты: «у насъ утрачиваются идеалы, говорятъ они; дайте намъ идеаловъ». Они сами сознаютъ, что сама жизнь наша даетъ только опыты, факты, а не производитъ идеаловъ. Не трудно понять, что изысканіе и изображеніе истинныхъ *идеаловъ частныхъ*, для каждаго человѣка и для каждаго рода его дѣятельности, *безъ единого общаго идеала*, объемлющаго всю жизнь человѣческую во всей ея широтѣ и глубинѣ,—невозможно. Только чертами идеала общаго могутъ быть изображены идеалы частные. Это во всей ясности даетъ намъ видѣть только христіанство. Единый Богъ—высочайшій идеаль всѣхъ совершенствъ—Своею истиною и премудростію можетъ освѣтить частный идеаль человѣка мудраго,—Своею правдою—идеаль честнаго и справедливаго,—Своимъ всемогуществомъ—идеаль человѣка мощнаго, обладающаго не только всѣми естественными, но и благодатными силами;—Своею любовію—идеаль человѣка милостиваго, сострадательнаго, служащаго благу человѣчества съ самоотверженіемъ и т. под. Не имѣя ничего подобнаго въ своемъ идолѣ человѣкѣ—богѣ, матеріалисты не могутъ указать своимъ послѣдовате-

лямъ идеаловъ частныхъ. Поэтому-то именно и создаетъ каждый изъ нихъ для себя свой собственный идеаль совершенства и благополучія, и по настоящее время, по множеству матеріалистовъ и ихъ заблужденій и пороковъ, создается ими множество ложныхъ и гибельныхъ идеаловъ. Ихъ имѣютъ и къ нимъ стремятся—и социалисты, и анархисты, и забастовщики, и бунтовщики, и цареубійцы, и грабители, и казнокрады, и даже злодѣи и разбойники; отъ нихъ распространяются въ христіанскомъ народѣ и всѣ преступленія, о которыхъ мы говорили выше. Таковы послѣдствія отрицанія христіанскихъ началъ знанія и жизни.

Но если очевидно распространеніе заблужденій и пороковъ *отъ одного отрицанія матеріалистами христіанскаго ученія*, то какимъ же образомъ они еще могутъ *поощрять людей къ преступленіямъ и порокамъ*? Конечно, они, какъ и всѣ болѣе или менѣе образованные люди, могутъ располагать къ себѣ другихъ своимъ образомъ мыслей и своимъ примѣромъ, но мы видимъ въ нихъ нѣчто несравненно большее и крайне гибельное для народной нравственности. Такъ какъ они, по внутреннему своему складу, суть новые, невиданные въ мірѣ язычники, то и объясненія ихъ вліянія на народы мы найдемъ только въ сличеніи ихъ съ древними греко-римскими язычниками такъ называемаго классическаго міра, т. е., язычниками образованными. При всемъ внѣшнемъ образованіи и, какъ нынѣ говорятъ, при высокой культурѣ, классическіе язычники были люди, какъ и всѣ, т. е., были ограничены и носили въ себѣ прирожденное зло отъ грѣха первороднаго, еще умноженное свободными порочными дѣйствіями. Не имѣя руководства въ чистыхъ нравственныхъ законахъ, они изобрѣли себѣ боговъ съ добродѣтелями, которыхъ себѣ желали, но и съ пороками, отъ кото-

рыхъ освободиться не могли. Всѣ мифологическія сказанія объ ихъ безчисленныхъ богахъ преисполнены описаніями пороковъ и злодѣяній самихъ боговъ. Въ порокахъ боговъ и находили себѣ ихъ чтители разрѣшеніе на всѣ преступленія и, такъ сказать, освященіе самыхъ преступленій, въ чемъ, очевидно, и было *поощреніе къ преступленіямъ*. Приведемъ свидѣтельство объ этомъ христіанскаго писателя IV вѣка Лактанція, близко знакомаго съ греческою мифологіею и видѣвшаго своими глазами языческой культъ, бывшій еще въ силѣ въ его время. Не трудно доказать, говоритъ Лактанцій, ¹⁾ почему поклонники боговъ не могутъ быть ни правосудны, ни добры. Какъ могутъ не проливать крови люди обожающіе Марса или Беллону? Какъ могутъ почитать родителей поклонники Юпитера, изгнавшаго отца своего, или любить дѣтей поклонники Сатурна, пожиравшаго своихъ сыновъ? Какой стыдъ могутъ имѣть обожающіе Венеру, обнаженную, блудо-дѣйствующую, такъ сказать, со всѣми богами? Какъ имъ воздерживаться отъ воровства и хищничества, вѣдая обманъ Меркурія, который учитъ, что обманъ есть похвальное искусство? Какимъ образомъ отстать имъ отъ любодѣянія, когда они обоготворяютъ Юпитера, Геркулеса, Вахуса, Аполлона и другихъ, которыхъ развратная и скверная жизнь не только извѣстна ученымъ людямъ, но возвѣщается и воспѣвается на театрахъ, дабы никто невѣдѣніемъ не отговаривался? Можетъ ли кто изъ нихъ быть правосуднымъ, хотя бы по природѣ былъ и добръ, тогда какъ сами боги учатъ ихъ неправосудію? Угодить Богу, тобою почитаемому, иначе нельзя, какъ дѣлая то, что ему благопріятно. Примѣръ его долженъ служить закономъ для тебя, и подражаніе дѣяніямъ его есть наилучшее богослуженіе, какое

¹⁾ Изъ твореній Лактанція. Переводъ Е. Корнеева. Спб. 1848. Часть I, стр. 364.

ты воздать ему можешь? Прозерпину похитилъ дядя ея Плутонъ, не заботясь о томъ, что скажетъ свѣтъ, видя совершенное богомъ насиліе и кровосмѣшеніе. Геркулесъ наполнилъ землю ужаснѣйшими и чудовищными дѣлами своими, такъ что скорѣе можно было изумляться множеству его прелюбодѣйствъ и кровосмѣшеній, нежели числу его побѣдъ. Да и чему тутъ дивиться? Онъ самъ былъ плодъ дѣйствительнаго прелюбодѣянія, происходя отъ Юпитера и Алкмены, жены Амфитріона».

„Касторъ и братъ его Поллуксъ, безъ всякаго уваженія къ священнымъ правамъ гостепріимства, похитили женъ у своихъ хозяевъ“.

„Какую славу оставилъ по себѣ Меркурій, развѣ только, что совершенно зналъ искусство обманывать? Онъ по всей справедливости получилъ отъ людей приличное себѣ имя *бога сорова*. Кромѣ того дано ему мѣсто на небѣ еще и за то, что онъ научилъ людей борьбѣ и дракѣ“.

„Юпитеръ не уважалъ ни дѣвства, ни замужества. Богини или смертныя, свободныя или рабыни, на царскомъ престолѣ или въ хижинѣ: все ему нравилось, все ощущало дѣйствіе буйной его страсти“.

„Рея, обманувъ мужа своего Сатурна, стала покровительницею женской невѣрности и женскихъ обмановъ“.

„Но однихъ ли поэтовъ должно обвинять въ распространеніи между людьми суевѣрія? Нѣтъ сомнѣнія, что и живописцы и ваятели много тому способствовали. Искусства ихъ могли также приводить людей въ обаяніе. Эти-то искусства наполнили храмы тѣми фигурами, которыя столь мало внушаютъ благочестія, изображая столь неблагопристойныя вещи“).

1) Чтобы не заподозрила Лактанція, какъ христіанина, въ пристрастныхъ отзывахъ о богахъ язычниковъ, приведемъ свидѣтельства изъ самой мифологіи языч-

Какое же отношеніе къ этимъ языческимъ божествамъ и вѣрованіямъ въ нихъ классическихъ язычниковъ имѣютъ современные матеріалисты, ихъ ученіе и поведеніе ихъ послѣдователей? Весьма близкое, такъ что можно провести параллель между классическими и современными намъ язычниками.

Основатели матеріализма и ихъ наиболѣе видные послѣдователи, какъ и ученые классическаго міра, суть философы своей особой школы и своего направленія. Они обладаютъ дарованіями, многостореннею учено-

викою. Изъ „Реальнаго словаря классической древности“ Фр. Любкера. Перев. проф. В. И. Модестова 1884.

„*Афродита* или *Венера*—богиня любви и красоты, полового стремленія, брака, вульгарной чувственной любви и разврата, войны; у римлянъ она называлась еще *Стоасина* (вышедшая изъ помойной ямы), *Салва*—обманщица.

Аресъ или *Марсъ*—бурный богъ боевой свалки, которому ничто такъ не пріятно, какъ бой и гибельная борьба и убійство; онъ наследовалъ сварливый и неуступчивый характеръ своей матери—Геры. Даже своему отцу Зевсу онъ ненавидѣлъ всѣхъ боговъ. Онъ покровитель всякой драки, ссоры и убійства.

Артемида или *Диана*—богиня кровожадная. Въ Спартѣ во время ея праздника мальчиковъ сѣкли до такой степени, что кровь обрызгивала оltарь. Жрецомъ ея бывалъ лишь бѣглый рабъ, который долженъ былъ добиться своего мѣста убійствомъ своего предшественника.

Діонисъ или *Бахусъ*, *Вакхъ*—богъ винограда и винодѣлія, пьянства и невоздержанія, чтимъ былъ возмутительными оргіями и вакханаліями. Онъ представляется вѣчно пьянымъ и буйнымъ; онъ шествуетъ съ прислуживающей толпой менадъ или вакханокъ, сатировъ или селеновъ. Въ дни празднествъ, посвященныхъ ему, предавались обыкновенно буйному опьяненію и съ шумными звуками флейтъ, бубновъ и кимваловъ при крикѣ *эбоі* (въ родѣ нашего ура) бѣгали въ опьянѣломъ необузданномъ бѣснованіи, растерзывали животныхъ и ѣли окровавленное мясо. Кто напивался раньше всѣхъ, тотъ получалъ, какъ призъ, мѣхъ вина. Главную роль при этихъ частяхъ ночныхъ празднествъ (никтелиахъ) играли бѣснующіяся женщины, которыя, подъ именемъ вакханокъ, менадъ, еіадъ, мималловокъ, бассаридъ, бистонидъ, представляли спутницъ Діониса. Греческому Діонису соответствуетъ римскій богъ вина *Вакхъ* или *Либеръ* (отъ *liber*—свободный, но пріятнѣ свободы и распущенности его культа). Въ честь его были установлены въ Римѣ *вакханаліи*, которыя совершались въ ночное время съ величайшимъ безстыдствомъ, такъ что сенатъ въ 186 г. до Р. Х. долженъ былъ выступить противъ нихъ съ крайнею строгостію, но вакханаліи не уничтожилъ.

Гермесъ или *Меркурій*, сынъ Зевса и Майи, воръ, едва родившійся, укралъ у Аполлона 50 быковъ; хитрый и ловкій, онъ—богъ проворства, ловкости, хитрости, богъ адвокатовъ и воровъ, богъ многихъ изобрѣтеній, торговлѣ, обмана, богъ гимнастики, проворной умной рѣчи, путей, —особенно былъ почитаемъ купцами“.

стію и ревностію къ распространенію своихъ воззрѣній. Выходя изъ христіанской среды, но отрекшись отъ Христа и Его церкви, они изобрѣли себѣ, какъ мы сказали, матеріальное божество въ прогрессирующей чувственной природѣ человѣчества, обрисовавъ его, *какъ челоузка—бога*. Согласно съ этимъ понятіемъ о своемъ божествѣ, они съ логическою послѣдовательностію вывели изъ своихъ началъ и ученіе о душѣ, какъ произведеніи (продуктѣ) всемірной матеріи. Всѣ ея силы и стремленія они признали за неотразимыя естественныя требованія ея природы, обратили эти требованія въ законы и, какъ древніе язычники, перемѣшавъ все, что есть въ человѣкѣ, и доброе и худое, составили, какъ говоритъ Фейербахъ, свою религію, свои правила нравственности, проекты законовъ семейныхъ, общественныхъ и государственныхъ. Авторитетъ, или обязательную силу всѣмъ ихъ воззрѣніямъ и постановленіямъ сообщаетъ особое второстепенное божество, какъ древняя Минерва, богиня мудрости, такъ называемая «Наука». Наукою дознано, наукою доказано,—вотъ священное основаніе для признанія истинными всѣхъ ихъ убѣжденій, противныхъ христіанскому ученію, нравамъ и обычаямъ. Это особенно любятъ твердить послѣдователи матеріализма, знающіе его по наслышкѣ, и повторяющіе матеріалистическія мысли по одному подражанію. Но что это за наука?

По обыкновенному значенію слова «наука», можно подумать, что матеріалисты могли создать науку, вмѣщающую въ себѣ всю сумму человѣческихъ познаній, отвѣчающую на всѣ вопросы знанія и жизни. Но такая единая и цѣльная наука не существуетъ. Есть *науки* о разныхъ предметахъ по разнымъ отраслямъ знанія, но соединить всѣ отрасли познанія въ одну науку и вмѣстить ее во всѣ человѣческія головы,—чтобы каждому почерпать изъ нея отвѣты на всѣ во-

просы.—невозможно. И такъ, это слово—«наука» въ устахъ матеріалистовъ должно имѣть особый смыслъ. Такъ оно и есть. Производя весь міръ, со всѣми наполняющими его существами, изъ единой матеріи, наблюдая развитіе животныхъ и растеній изъ самихъ себя, научившись усовершенствовать ихъ посредствомъ воспитанія и ухода, или такъ называемой культуры, матеріалисты не могли исключить изъ неразумнаго царства природы разумнаго человѣка; и его они признали такимъ же произведеніемъ матеріи, изъ себя развивающимся и подлежащимъ культурѣ. Присутствіе въ человѣкѣ разумной самосознающей души не останавливало ихъ. Они замѣтили признаки разумности и въ животныхъ, поэтому признали человѣка высшимъ животнымъ, и принялись объяснять всѣ явленія духовной жизни въ человѣкѣ произведеніемъ матеріи, приписывая мысли, чувствованія и движенія воли дѣйствіямъ головного мозга, нервной системы, общаго возбужденія жизни и пр. Они подчинили все въ человѣкѣ механическимъ законамъ. Поэтому и вся наука матеріалистовъ о человѣкѣ состоитъ изъ опытовъ, дающихъ, какъ имъ кажется, несомнѣнные результаты, несравненно болѣе убѣдительные, чѣмъ всѣ раціональныя изслѣдованія прежде бывшихъ философовъ и христіанскихъ мыслителей. Тамъ были, говорятъ они, мечты и предположенія, представлявшія низшую ступень знанія, и вообще человѣческаго развитія, здѣсь напротивъ сообщаются несомнѣныя данныя неотразимаго опытнаго наблюденія; стало быть, здѣсь предлагается несомнѣнное и высшее знаніе, истинно заслуживающее имя «Науки». Этой то «Наукѣ» и должно все подчиняться и покоряться; потому что только то, что ею добыто и доказано, несомнѣнно истинно. Правда, имъ доселѣ не удается объяснить изъ рефлекцій головного мозга всѣ явленія въ области мысли и всѣ ея самостоятельные законы;

но за то они успѣли овладѣть всѣми инстинктами и стремленіями нашей плотской, или душевно-плотской жизни и приложить культуру ко всѣмъ естественнымъ потребностямъ и страстямъ человѣческимъ. Здѣсь-то и заключается то практическое идолопоклонство матеріалистовъ, о которомъ мы разсуждаемъ.

Человѣкъ—богъ матеріалистовъ, какъ и классическіе боги, имѣетъ достоинства, которыхъ нельзя отрицать, но онъ привлекъ къ себѣ и всѣ пороки, какъ и древніе боги отъ своихъ поклонниковъ. Отсюда происходятъ и всѣ извиненія и оправданія самыхъ очевидныхъ для здравомыслящаго человѣка, и столь возмутительныхъ для неразвращенныхъ сердца и совѣсти пороковъ и преступленій. Перечислять ихъ голословно мы не станемъ, а укажемъ ихъ въ опытахъ жизни, противопоставляя имъ ученіе христіанское, такъ какъ одними философскими разсужденіями нельзя точно опредѣлить и изобличить всю мерзость и злобредность языческихъ пороковъ, разрѣшаемыхъ и распространяемыхъ матеріалистами. Философскія системы могутъ бороться между собою, но не могутъ побѣдить совершенно одна другую, а всегда, какъ свидѣтельствуется исторія философіи, изъ двухъ борющихся системъ происходитъ третья, новая. Только богооткровенная истина обличаетъ и окончательно поражаетъ язычество.

Мы не можемъ отказать матеріалистамъ въ достоинствѣ громко провозглашаемыхъ ими принциповъ: свободы, справедливости, любви, состраданія, благотворительности, прощенія виновнымъ и проч., какъ нельзя назвать пороками тѣ добрыя свойства и въ языческихъ богахъ, какія приписываютъ имъ классическіе язычники; но нельзя не видѣть, какъ эти свойства, и въ богахъ языческихъ, и у матеріалистовъ искажены и затемнены лживыми ихъ толкованіями и примѣненіями къ жизни. Какъ тамъ самъ верховный богъ—Зевесъ или

Юпитеръ былъ преступникомъ, такъ и здѣсь чело-
вѣкъ-богъ, или обоготворяемое челоѳчество во всемъ
своёмъ составѣ преисполнено преступленій и злодѣя-
ній: *весь мїръ во злѣ лежитъ*, по слову Божию (1 Іоан.
5, 19). Какъ тамъ второстепенные боги были учите-
лями всякаго разврата, такъ и здѣсь проповѣдники
матеріализма, — эти маленькіе *божки* новой религіи, —
возстановили предъ нами своими дѣйствіями всѣ по-
роки второстепенныхъ боговъ языческихъ. Вы слы-
шите со скорбію отъ матеріалистовъ хулы на имя
Бога христіанскаго и Искупителя нашего Іисуса Хри-
ста; но не думайте пристыдить и усовѣстить ихъ тѣмъ,
что оии сами родились въ христіанствѣ. Они отвѣтятъ
вамъ, что вѣрованія ваши и всѣ ваши религіозныя
учрежденія и обряды устарѣли и свойственны невѣж-
дамъ, что нынѣ иной богъ, возвѣщаемый новой на-
укой, — это само прогрессирующее челоѳчество. Вы
выражаете ужасъ при новыхъ извѣстіяхъ о царубій-
ствахъ, вамъ скажутъ соціалисты и анархисты, — (это
отродье матеріалистовъ) — что такъ должно быть, по-
тому что такимъ способомъ уничтожаются тираны и
враги свободы челоѳческой. Вы скажете, что анар-
хисты убиваютъ и президентовъ республикъ, этихъ,
по мнѣнію многихъ, наилучшихъ представителей сво-
бодныхъ государственныхъ учрежденій: вамъ отвѣтятъ,
что это — гнилыя учрежденія, что прогрессъ челоѳче-
ства ведетъ къ истинной свободѣ, при которой каж-
дый челоѳкъ будетъ самъ себѣ господинъ, и безъ
всякаго правительства управитъ собою, и будетъ пол-
ноправнымъ членомъ въ средѣ своего истинно свобод-
наго народа. Вы укажете на забастовки, возмущенія
противъ богатыхъ владѣльцевъ фабрикъ, на убійства,
ограбленія богатыхъ людей, — и услышите отвѣтъ, что
эти люди сами грабители, присвоившіе себѣ богатства,
которыя должны принадлежать всѣмъ людямъ поровну,

какъ имѣющимъ естественныя права на всѣ земныя блага. Вы укажете на возрастающее развращеніе молодыхъ поколѣній, и прежде всего на неблагодарность и неповиновеніе ихъ власти родительской,—вамъ отвѣтять, что такъ должно быть, потому что новое поколѣніе совершенноѣе отжившаго и не можетъ подчиняться устарѣвшимъ понятіямъ и наставленіямъ родителей. Вы выражаете негодованіе при слухахъ, что тамъ бросилъ мужъ свою жену, тамъ жена убѣжала отъ мужа, и ихъ дѣти остались безъ призора,—вамъ матеріалисты замѣтятъ, что пора разрывать эти рабскія цѣпи, приковывающія мужчину и женщину другъ къ другу, что чувство свободно и нельзя стѣснять его насильно. Вы напрасно будете стыдить новыхъ ученыхъ, даже не заявившихъ себя рѣшительно матеріалистами и не отрехшихся еще совсѣмъ отъ христіанства, за то, что они подъ великіе праздники, въ часы богослуженій идутъ въ театръ, устраиваютъ въ домахъ игры и пирушки; вамъ отвѣтять, что они имѣютъ право на свободу совѣсти. Имъ не растолкуете, что свобода совѣсти есть понятіе христіанское, и означаетъ, что для праведника, воплотившаго предписанія закона въ себѣ и своей жизни, и ставшаго выше буквы обрядоваго закона, въ потребныхъ случаяхъ, дозволено поступать по своему усмотрѣнію и по своей совѣсти (1 Тим. 1, 9). Они присвоили себѣ свободу поступать и по отношенію къ заповѣдямъ закона нравственнаго вопреки общечеловѣческой совѣсти, и совсѣмъ безъ совѣсти. Наконецъ, надъ вами насмѣются, если вы будете осуждать постыдныя собранія и зрѣлища лѣтомъ въ садахъ, а зимою въ особыхъ домахъ, и скажутъ вамъ, что каждый воленъ имѣть свои понятія о красотѣ и любви и выбирать для себя удовольствія по своему вкусу. Это ли не язычество?

Отсюда ясно видно, какимъ образомъ матеріалисти-

ческія понятія всѣхъ, особенно молодыхъ, людей *поощряютъ къ преступленіямъ*. Для сохранившихъ еще въ сердцахъ своихъ стыдъ и совѣсть они отворяютъ широкія двери къ развращенію, вселяя въ нихъ убѣжденія, что все дозволено новѣйшею „наукою“; а тѣхъ, которые уже вступили на путь современнаго разврата, и при пробужденіи ихъ совѣсти, успокоиваютъ тѣмъ, что они все себѣ дозволяютъ съ разрѣшенія „науки“. Не такъ-ли древніе язычники, видя въ исторіи своихъ боговъ дозволенными и освященными всѣ плотскія мерзости и пороки, слѣдовали ихъ примѣрамъ?

Теперь подумайте, что будетъ съ христіанскимъ міромъ, когда онъ утратитъ вѣру въ истиннаго, живаго Бога и страхъ Божій, когда рунутся христіанскій строй и порядокъ въ семейной жизни, когда расшатаются всѣ государственныя установленія, законы и обычаи общественной жизни, когда молодая поколѣнія распаленныя жаждою чувственныхъ наслажденій, какъ разгоряченные кони, бросятся стремглавъ въ распутство и утратятъ способность внимать голосу истины и внушеніямъ добродѣтели, когда среди народовъ водворится безначаліе и власть потеряетъ свой авторитетъ и силу? Будетъ то, что и великія христіанскія государства падутъ еще скорѣе, чѣмъ древнія царства Греко-Римскаго міра, такъ какъ современная „наука“ въ разрушеніи всѣхъ основныхъ началъ человѣческой жизни пошла далѣе заблужденій классическаго язычества. А примѣры паденія великихъ христіанскихъ государствъ разоренныхъ Гуннами и Вандалами, и поработенныхъ магометанами, должны убѣдить насъ въ томъ, что одно имя христіанское, безъ христіанской жизни, не спасетъ новый міръ отъ кары Божіей правосудія. Промысль Божій найдетъ преемниковъ современнымъ христіанскимъ народамъ въ обладаніи наслѣдіемъ Церкви Христовой, по слову Спасителя, сказавшаго Іудеямъ: *„отнимется отъ*

васъ Царствіе Божіе и дано будетъ народу, приносящему плоды его (Мат. 21, 43). Не надо людямъ нашего времени, особенно *передовымъ*, въ упованіи на культуру, прогрессъ и цивилизацію, медлить возвращеніемъ къ христіанскимъ воззрѣніямъ и правиламъ жизни. Тогда Богъ вашъ будетъ нашимъ помощникомъ и защитникомъ. А „если Богъ за насъ, кто противъ насъ“ (Рим. 8. 31)?

III.

Мы сказали, что матеріалисты находятъ себѣ поддержку даже въ людяхъ благонамѣренныхъ, которые, замѣчая возрастающее развращеніе народовъ, принимаютъ мѣры, — но по недоразумѣніямъ, — мѣры не прямыя, двусмысленныя и недостигающія цѣли. Трудно намъ говорить объ этомъ, потому что при обсужденіи этихъ мѣръ придется сказать горькое слово людямъ властнымъ, которые, большею частію, считаютъ за обиду указанія на ихъ ошибки. Но, по завѣту Спасителя нашего и по примѣрамъ святыхъ Пророковъ и Апостоловъ, мы, служители Церкви, должны безбоязненно говорить истину и сильнымъ земли, употребляющимъ власть вопреки ученію Слова Божія не „къ созиданію, а къ разоренію“ (2 Кор. 13, 10). Извѣстно, что преобладающія въ разныя времена ложныя ученія составляютъ, такъ называемый, „духъ времени“, который, выступая изъ области научныхъ воззрѣній и понятій, распространяется въ обществахъ незримо и неуловимо, путемъ впечатлѣній, примѣровъ, новыхъ обычаевъ, и, овладѣвая на ряду съ другими, — и людьми властными, *не желающими отставать отъ вѣка*, проникаетъ въ законы и государственныя учрежденія. Здѣсь то матеріализмъ, какъ міазмъ, и производитъ наиболѣе разрушительное дѣйствіе.

На первомъ мѣстѣ въ этомъ родѣ стоитъ народное образованіе. Мы непрестанно слышимъ въ печати голоса

писателей заботящихся о народной нравственности: „свѣта, больше свѣта, больше образованія“. Но всякое ли образованіе есть свѣтъ? На этотъ вопросъ мы находимъ ясный отвѣтъ въ словахъ Самаго Іисуса Христа. Онъ далъ намъ предостереженіе противъ матеріализма: „не собирайте себѣ сокровищъ на землѣ,.. но собирайте себѣ сокровища на небѣ; ибо гдѣ сокровище ваше, тамъ будетъ и сердце ваше (Мат. 6. 19, 21). Для вразумленія нашего,—какія сокровища намъ предпочесть, земныя или небесныя,—Онъ повелѣлъ намъ заботиться о чистотѣ и вѣрности нашего зрѣнія, т. е., нашего разума и сердца: „Свѣтильникъ для тѣла есть око, говорилъ Онъ. Итакъ, если око твое будетъ чисто, то все тѣло твое будетъ свѣтло. Если же око твое будетъ худо, то все тѣло твое будетъ темно. Итакъ, если свѣтъ, который въ тебѣ, тьма, то какова же тьма?“ (Мат. 6. 22, 23). Ясно, что въ этихъ словахъ Господа разумѣется вѣрное познаніе нашего назначенія, слѣдовательно и образованіе. Къ чему направляется образованіе народовъ, въ томъ имъ указываетъ и сокровище, къ которому они будутъ стремиться въ своей жизни и дѣятельности. Если образованіе, ложно направленное, указываетъ имъ не тѣ сокровища, которыя имъ наиболѣе нужны, то оно лишаетъ ихъ свѣта, т. е., яснаго познанія своего истиннаго блага. Когда люди лишаются этого свѣта, какъ зрѣнія, то они ходятъ ощупью, какъ слѣпые, и направляются туда, куда не должно; а если слѣпецъ слѣпца водить, по слову Спасителя, оба въ яму упадутъ (Мат. 18, 14). Если же такимъ недугомъ поражаются цѣлыя народы и государства,—то „какова же тьма?“ Эта тьма все больше и больше въ наше время сгущается надъ христіанскимъ міромъ. Нынѣ люди больше всего полюбили наслажденія плотской жизни и роскоши, потому и ищутъ обогащенія и золота,—на землѣ и подъ землею. Къ нему, какъ къ любимому сокровищу, стремятся сердца ихъ, къ нему направляется и современное образованіе.

Но и къ законному прибутку и ко. всѣмъ земнымъ благамъ люди должны быть направляемы такъ, чтобы впослѣдствіи они не злоупотребляли ими,—были трудолюбивы, воздержны, честны, не предавались грубымъ и постыднымъ страстямъ и порокамъ; а это не достигается *однимъ образованіемъ*, каково бы оно ни было. Образованіе даетъ знаніе; знаніе принадлежитъ уму; но въ человѣкѣ есть грѣхολюбивое сердце, слабая и неустойчивая воля. Эти силы души нашей требуютъ всегда особеннаго наблюденія, выправки, выдержки и продолжительнаго упражненія *въ дѣлахъ добрыхъ*. Слѣдовательно, изученія однѣхъ наукъ по предметамъ естествознанія, техники, промышленности недостаточно для воспитанія добродѣтельныхъ людей, такъ какъ онѣ не облагораживаютъ сердца, а только распаляютъ воображеніе надеждою обогащенія; онѣ и не укрѣпляютъ воли, такъ какъ не даютъ ей опытовъ иной дѣятельности, кромѣ развѣ усидчивости и терпѣнія въ научныхъ работахъ. А между тѣмъ для доброй нравственной дѣятельности намъ нужны—чистота помысловъ, ограниченіе пожеланій, борьба съ возникающими отъ юности страстями, чего не могутъ дать никакія успѣхи въ естествознаніи и наукѣ. Этого не можетъ дать и философія, такъ какъ ея правила жизни противорѣчивы и измѣнчивы. Скажемъ больше: даже и христіанское образованіе, когда состоитъ въ пріобрѣтеніи только богословскихъ познаній, безъ упражненія въ добродѣтели, не воспитываетъ людей нравственно чистыхъ и твердыхъ, а только мыслителей, совопросниковъ (1 Кор. 1, 20), не дорожащихъ своими убѣжденіями не проникшими въ сердце, и—лицемѣровъ, такъ какъ въ нихъ сквозь благочестивую внѣшность прорывается страстное сердце и беспорядочныя движенія воли. И такъ какъ даже при единственно надежномъ христіанскомъ образованіи, одни познанія недостаточны,

чтобы дать народамъ *истинный свѣтъ*, т. е., здравыя убѣжденія и навыки къ добродѣтели, то нельзя особенно радоваться, въ нравственномъ отношеніи, когда безъ конца плодятся спеціальныя школы механики, электротехники, винодѣлія, пчеловодства, садоводства, хмѣлеводства и пр., отдѣляемыя отъ общеобразовательныхъ заведеній, до нельзя суживающія горизонтъ мысли и совершенно отвлекающія дѣтей и юношей отъ самонаблюденія и размышленій о себѣ и высшемъ своемъ назначеніи.

Такимъ образомъ, чѣмъ больше преуспѣваетъ естествознаніе въ ущербъ религіи, тѣмъ больше отвлекаются отъ нея сердца народовъ; чѣмъ громче раздается стукъ и громъ фабричной дѣятельности, тѣмъ больше тупѣетъ слухъ къ тихимъ вѣщаніямъ божественной истины; чѣмъ глубже вдаются люди въ плотскую жизнь, тѣмъ больше подавляется въ нихъ жизнь и сила духа.

Не можемъ еще не отмѣтить губительнаго вторженія матеріализма въ разсужденія и планы ревнителѣй нашего народнаго образованія относительно преподаванія Закона Божія въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ. Говорятъ законоучителямъ: „надобно въ преподаваніи истинъ религіи больше дѣйствовать на сердце, а не обращать ихъ въ обременительную науку“. Въ этихъ сужденіяхъ очевидны:—во первыхъ, совершенное незнаніе не только христіанской религіи, но и элементарныхъ понятій психологіи, во вторыхъ, въ этомъ—явная уступка матеріалистическимъ воззрѣніямъ. Спрашивается: какимъ образомъ можетъ чтонибудь проникнуть въ сердце человѣческое помимо ума? И самая красота природы, и произведенія искусства, и качества самыхъ предметовъ чувственныхъ наслажденій,—*сначала понимаются и усвояются умомъ, потомъ увлекаютъ сердце.* Это знали и язычники, называя сердце слѣпымъ, когда оно не руководится разумомъ. Отодвигая въ сторону великую науку христіанскаго *Богопознанія*, составив-

шую въ теченіе двухъ тысячелѣтій по Рождествѣ Христовомъ необъятную сокровищницу не только богодухновенныхъ писаній, но и богомудрыхъ произведеній великихъ умовъ, съ которыми не могутъ сравняться всѣ геніальныя произведенія философовъ и поэтовъ, — устраняя эту науку, реформаторы системы нашего просвѣщенія не чувствуютъ, что они работаютъ на материалистовъ. Здѣсь такъ и слышится ихъ умиленная рѣчь: предоставьте простому народу мистическія (?) мечтанія, заключающіяся въ христіанскомъ ученіи, и наслажденіе сердца въ символическихъ обрядахъ и пѣснопѣніяхъ богослуженій, — эту низшую стадію человѣческаго развитія, — пробавляйте ими пока и дѣтей, а устраненіемъ богословскихъ схоластическихъ учебниковъ сократите имъ путь къ истинной „наукѣ“, которая ожидаетъ ихъ впереди“.

Что ожидаетъ впереди при этихъ условіяхъ нашихъ дѣтей и юношей, по отношенію ихъ къ вѣрѣ, — мы знаемъ. Не усвоивши умомъ ученія Христова, котораго имъ основательно не преподавали, они не могутъ полюбить его и сердцемъ, не могутъ имѣть и благоговѣнія къ нему. Имъ не будетъ, какъ истинно просвѣщеннымъ христіанамъ, тяжело и оскорбительно слышать глумленія и хуленія на христіанство отъ людей невѣрующихъ, имъ не будетъ жалко поправія и церковныхъ установленій и благочестивыхъ обычаевъ, къ которымъ съ такимъ презрѣніемъ относятся материалисты; они легко и сами откажутся отъ нихъ. А незнаніе догматовъ вѣры (которыхъ, какъ видно, не знаютъ порядкомъ и сами реформаторы нашей православной системы образованія) сдѣлаетъ ихъ безотвѣтственными предъ всякими лжеучителями, отъ чего предостерегаетъ христіанъ слово Божіе. Святой Апостоль Петръ говоритъ: „будьте всегда готовы всякому, требующему у васъ отчета въ вашемъ упованіи, дать отвѣтъ съ кротостію и благоговѣніемъ“ (1 Пет. 3. 15).

А какой основательный отвѣтъ о своемъ упованіи или исповѣданіи можетъ дать юноша, въ глазахъ котораго науки Богопознавія не только не отдавали по ея достоинству первенства предъ науками человѣческими, но даже лишали ее *равноправности съ другими науками*? Христіанскіе догматы, столь повидимому простые въ исповѣданіи вѣры и начальныхъ урокахъ Закона Божія, суть высочайшія истины, точныя, строго опредѣленныя, тѣсно связанныя между собою, обнимающія и рѣшающія всѣ вопросы человѣческой жизни, сообщающія христіанину полное, вѣрное и ясное міросозерпаніе, вполне и совершенно согласное съ естественными стремленіями человѣка; это истины, которыхъ не можетъ замѣвить никакая наука человѣческая. Онѣ раздѣляются на двѣ части. Первую часть составляютъ истины *понятныя*, удовлетворительныя для всякаго ума, въ смыслѣ разрѣшенія трудныхъ вопросовъ нашей жизни: о началѣ нашего бытія, о происхожденіи зла въ мірѣ, о средствахъ къ борьбѣ съ нимъ и побѣдѣ надъ нимъ и къ устроенію путемъ добродѣтелей возможнаго для насъ счастья на землѣ и пр. Вторую часть составляютъ истины *таинственныя*, превышающія наше разумѣніе, и потому требующія вѣры, какъ и должно быть съ предметами для насъ недоступными, каковы: существо Бога, безконечно совершеннаго, жизнь міра безплотнаго, къ которому мы по душѣ принадлежимъ, и вѣчная жизнь, за гробомъ насъ ожидающая. Одно надобно помнитъ образованному христіанину, что вѣрно понятая имъ благотворность для вашего усовершенствованія истинъ и заповѣдей христіанскихъ, для насъ *доступныхъ*, ручается за истинность всего для насъ *непонятнаго* и таинственнаго. Заблужденія людей не желающихъ понять это, какъ должно, и предаться руководству Искупителя, Господь указалъ намъ съ удивительною ясностью: *аще земная рекохъ вамъ, и не вѣруете: како, аще реку вамъ небес-*

ная, *уструете?* (Іоан. 3. 12). Поэтому справедливо можно сказать, что устраненіе основательнаго, научнаго преподаванія Закона Божія въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ не только не разсудительно, но и губительно.

Но нигдѣ такъ глубоко не внѣдрился въ нашихъ учрежденіяхъ матеріализмъ, какъ въ нашихъ гласныхъ судахъ. Они нынѣ часто совсѣмъ теряютъ изъ виду указанныя христіанствомъ *правильныя отношенія между правдою и милостію*. У насъ любятъ повторять, что *христіанство есть религія всепрощенія*; потому многіе присяжные повѣренные, защитники, защищающіе подсудимыхъ во что бы то ни стало, стараются добиться прощенія даже самымъ тяжкимъ преступникамъ. Но ученіе Христова требуетъ отъ cadaго изъ насъ прощенія безъ конца только людей, причиняющихъ намъ личныя обиды, указывая въ этомъ нравственный подвигъ и обѣщая за это дѣло смиренія намъ самимъ помилованіе и прощеніе нашихъ согрѣшеній отъ Отца нашего небеснаго. Здѣсь мы имѣемъ полное право прощать, такъ какъ только противъ насъ совершены проступки. Не то требуется отъ государственнаго суда, обязаннаго охранять силу законовъ и народовъ отъ бѣдствій и развращенія, утрашая всѣхъ карою закона за преступленія, какъ и Самъ Господь угрожаетъ нераскаяннымъ грѣшникамъ вѣчными мученіями за грѣхъ. Поэтому и судъ человѣческій долженъ прежде всего раскрыть всю силу преступленія, всѣ подробности преступнаго дѣянія и всю глубину развращенія преступника, поправшаго законъ. Послѣ этого только, судя по обстоятельствамъ, можетъ имѣть мѣсто снисхожденіе и освобожденіе отъ кары закона, или прощеніе. Между тѣмъ, въ дѣйствіяхъ защитниковъ, мы часто прежде всего видимъ усилія *ослабить значеніе преступленія*, а иногда и запутать обсужденіе его, возбуждать въ присяжныхъ засѣдателяхъ и судьяхъ неумѣстную жалость къ преступнику и

разными изворотами добиться его освобожденія отъ наказанія. Мы не хотимъ сказать, что здѣсь кроется въ защитникахъ недобросовѣстность, но что они сами лишены свободы безпристрастнаго и точнаго сужденія о силѣ преступленій, будучи запутаны ложными идеями и воззрѣніями, которыми заразилъ ихъ духъ, и иногда и сознательно усвоенные ими *принципы матеріализма*.

Отрицая бытіе въ человѣкѣ разумной души, какъ самостоятельнаго существа, и представляя человѣка произведеніемъ, цѣльнымъ кускомъ матеріи, матеріалисты отвергли и всѣ проявленія духа въ дѣятельности человѣка. Присущее человѣку сознаніе самаго себя личнымъ и отдѣльнымъ существомъ, несвязаннымъ неразрывно съ другими существами, ощущаемая всѣми въ себѣ свобода и совѣсть, различающая добро и зло, грѣхъ и преступленіе, наконецъ, самоосужденіе и раскаяніе незаконнѣлыхъ преступниковъ,—всѣ эти свойства, и принадлежности души человѣческой отнесены къ дѣйствіямъ и произведеніямъ матеріи и утратили всякое значеніе въ разборѣ и обсужденіи всѣхъ человѣческихъ поступковъ, а за тѣмъ и преступленій. Вотъ относительно этого предмета принципы матеріалистовъ. Если человѣкъ имѣетъ мысли, побужденія, желанія, цѣли, то все это потому, что его возбуждаетъ, движетъ, нудитъ и направляетъ мозгъ и нервная система. Добрыя его дѣла суть проявленія правильно поставленнаго организма, пороки и преступленія —суть не что иное, какъ неправильности, ненормальности, слѣдствія недоразвитости, или разстройство его природы. Эти недоразвитости и искаженія происходятъ не по его винѣ, а передаются каждому, какъ наслѣдство отъ болѣзненныхъ предковъ и родителей (атавизмъ, дегенерація), или отъ той среды, въ которой каждый рождается и воспитывается. Виновать не преступникъ, а общество, воспитавшее преступника, и несовер-

шенство государственнаго устройства. Нѣтъ людей совершенно здоровыхъ и здравомыслящихъ. Каждый человекъ долженъ быть признанъ сумасшедшимъ въ большей, или меньшей степени. Такъ называемый нравственный законъ есть дѣло произвола и эгоизма. Человеку позволено все, что способно удовлетворять его естественнымъ потребностямъ. Награды и наказанія суть изобрѣтенія политики ¹⁾. На этихъ-то принципахъ нерѣдко и основываются разсужденія и рѣшенія въ нашихъ судахъ, удивляющія здравомыслящихъ православныхъ людей. Вотъ потому именно, что всѣ люди болѣе, или менѣе сумасшедшіе, тяжкаго преступника непременно подвергаютъ изслѣдованію экспертовъ, и психіатры, осмотрѣвъ его черепъ, уши, лицо и пр., рѣшительно утверждаютъ: „должно быть, — сумасшедшій“. Что эти приговоры ученыхъ людей смущаютъ и стѣсняютъ совѣсть судей и присяжныхъ засѣдателей, на это сами юристы начинаютъ жаловаться ²⁾. Изъ этихъ же принциповъ выводятся сужденія, ослабляющія вину преступника—убійцы и грабителя—тѣмъ, что преступленіе совершено въ пьяномъ видѣ, или въ раздраженіи, тогда какъ пьянство само по себѣ есть преступленіе, требующее наказанія, и должно увеличивать, а не уменьшать тяжесть преступленія. Сильное же раздраженіе, отъ чего бы оно ни происходило, есть также преступленіе, обнаруживающее въ человекѣ развращеніе сердца, необузданную волю и помраченіе совѣсти—вслѣдствіе утраты, подъ вліяніемъ страстей, самообладанія, отъ чего человекъ дѣлается звѣремъ, котораго не устрашаетъ даже убійство. Такъ какъ, по ученію матеріалистовъ, человеку позволено все, что можетъ удовлетворять его естествен-

1) Ломброзо, Пордау, Бухнеръ, Фейербахъ, Фогт.

2) См. въ Моск. Вѣд. 1900 г. №№ 283 и 284 «Роль врачей психіатровъ въ уголовномъ судѣ».

нымъ потребностямъ, то слышатся на судахъ и такія сужденія защитниковъ, напримѣръ, о молодомъ человѣкѣ, укравшемъ казенныя деньги: „вѣдь онъ молодой человѣкъ, ему надобно было пожить“. Тѣмъ же, конечно, облегчается вина и прелюбодѣя, и другихъ тяжкихъ преступниковъ противъ седьмой заповѣди, такъ какъ, по изреченію Бюхнера, — „бракъ есть могила истинной любви“. Мы уже не говоримъ о томъ, какъ эти мотивы въ оправданіи преступниковъ искусно и прикровенно развиваются въ нашей либеральной печати.

Какъ матеріализмъ—не посредствомъ только печати, — но *практически* какъ бы намѣренно распространяется въ нашемъ народѣ, это видно для всякаго русскаго человѣка, сохранившаго неповрежденнымъ духовное зрѣніе. Выработанный, такъ называемый либералами, особый принципъ—въ видахъ улучшенія народной нравственности—отучать простой народъ отъ грубыхъ наслажденій и привычекъ мягкими и невинными удовольствіями и упражненіями: отъ пристрастія къ водкѣ—чаемъ и другими легкими и неопьяняющими напитками, отъ безобразной гульбы и безчинныхъ сборищъ—*легкимъ чтеніемъ* въ приличныхъ собраніяхъ, посѣщеніемъ музеевъ и всего лучше—театральными представленіями. Въ этомъ планѣ улучшенія народной нравственности кроется затаенная вражда къ христіанскимъ правиламъ нравственнаго самоисправленія и борьбы со страстями и порочными навыками посредствомъ покаянія, молитвы, посѣщенія богослуженій, поста, воздержанія и пр., такъ какъ все это современная наука признаетъ предразсудками, напрасною тратою времени и самоискаженіемъ. Удовольствія составляютъ естественную и безспорную потребность человѣка: стало быть, и противъ злоупотребленія удовольствіями надобно дѣйствовать на той же почвѣ замѣной грубыхъ и вредныхъ—благородными и невинными. Но во всемъ этомъ современная матеріалистиче-

ская наука, по узкости своего кругозора, обманываетъ и сама себя и своихъ послѣдователей. Можно ли поврежденный слухъ глухого человѣка, едва разбирающаго громкіе звуки, излѣчить тихою мелодическою музыкой? Она для глухого пропадаетъ безслѣдно. Такъ и многолѣтнихъ порочныхъ привычекъ и плотскихъ страстей, глубоко внѣдрившихся во весь человѣческій организмъ, нельзя искоренить легкимъ возбужденіемъ нервной системы въ органахъ, требующихъ сильныхъ впечатлѣній и ощущеній. Это всего яснѣе видно въ страсти пьянства, отъ которой главнымъ образомъ и стараются излѣчить простой народъ ревнители народной нравственности. Спросите въ откровенномъ разговорѣ человѣка, пьющаго особенно, такъ называемымъ, *запоемъ*: что онъ чувствуетъ, когда нетерпѣливо ищетъ водки, какъ облегченія отъ какого-то мучительнаго состоянія; что его къ этому нудитъ? Мнѣ объяснилъ это одинъ старикъ изъ образованныхъ, пившій много лѣтъ запоемъ и, особенною милостію Божіею, излѣчиншійся отъ своей страсти. „Представьте, говорилъ онъ, что васъ накормили соленой селедкой и посадили въ горячую баню: запросите выпить, или нѣтъ? Такова жажда вина у запивающаго человѣка“. Чай оживляетъ того, кто отсталъ отъ пьянства, а не удовлетворяетъ того, кто, какъ свидѣтельствуя печальные опыты, убиваетъ человѣка для того, чтобы добыть денегъ на *похмѣлье*. Ясно, что и мягкія мѣры, принимаемыя въ борьбѣ съ пьянствомъ комитетами трезвости, не принесутъ желаемыхъ результатовъ. *Нужно во всеуслышаніе народа объявить пьянство преступленіемъ и пьяницу преступникомъ* противъ себя, семейства и общества, опредѣлить за него, какъ за воровство, штрафы и наказанія; нужно, чтобы сельскія власти отмѣчали такихъ несчастныхъ въ своихъ волостяхъ и доносили о нихъ подлежащимъ начальникамъ для опредѣленія имъ наказаній; а для погибающихъ такъ называемыхъ, *алкоголиковъ*, устраивать особыя ко-

лоніи съ медицинскою помощію и принудительными работами, которыя уже и появляются. Пьянство не можетъ быть наследственнымъ, какъ привычка къ вину, а развѣ только въ смыслѣ природной слабости душевныхъ силъ, лишаящихъ человѣка надлежащей способности владѣть собой и бороться съ своими порочными пожеланіями. Но отъ кого бы ни родился человѣкъ, въ дѣтствѣ онъ не проситъ водки и при наблюденіи за собою въ юности и зрѣломъ возрастѣ, не употребляя ея совсѣмъ, или часто, пьяницею не будетъ. Я прошу извинить меня, что такъ долго остановился на этомъ предметѣ, но уже очень горько христіанину видѣть въ людяхъ образованныхъ непониманіе истиннаго значенія этой страсти, и въ судахъ, отъ представителей науки, слышать оправданіе одного преступленія, напр., убійства, другимъ, еще болѣе тяжкимъ, такъ какъ пьянство есть источникъ безчисленныхъ преступленій.

Что сказать о народныхъ театрахъ, въ которыхъ надѣются найти училище нравственности? Театръ есть мѣсто не науки, а наслажденіе. Если бы въ немъ не было элемента *страсти*, онъ былъ бы такъ сухъ и скученъ, что его скоро бы позабыли. Все въ театрѣ умное, талантливое, изящное, даже нравственное могло бы само по себѣ очищать вкусъ зрителей, облагораживать ихъ склонности, но, группируясь вокругъ страстей, любви, ревности, коварства, мщенія и пр., а иногда и окрашиваясь яркими красками преступленій, все, въ смыслѣ нравственнаго вліянія, колеблется на зыбкой почвѣ наслажденій, волнующихъ и раздражающихъ сердце, и не приводитъ къ подвигамъ добродѣтели и даже къ воспитанію гражданскихъ доблестей. Спрашивается: что же театръ дастъ простому народу? Истинно изящнаго неразвитые люди въ немъ не поймутъ, а прилаживаются въ пьесахъ къ уровню ихъ разумѣнія и къ ихъ вкусамъ значить уронить достоинство искусства и употребить усиліе и средства безъ надежды на достиженіе цѣли.

Но ужь несомнѣнно то, что люди пьющіе и развращенные не преминутъ послѣ спектакля отправиться въ мѣста своихъ любимыхъ наслажденій. Мы боимся, что въ этихъ усиліяхъ привлечь народъ къ театру, кроется не всеми понимаемая мысль современнаго духа, — поднять народъ до образованныхъ сословій и подѣлиться съ нимъ любимыми идеями равенства и свободы, а на простой взглядъ сдѣлать его подобнымъ себѣ, т. е., отвлечь подь большіе праздники отъ вечернихъ богослуженій и познакомить съ свободою просыпать на утро и литургію. Въ устройствѣ театровъ можно видѣть желаніе либераловъ *поднять народъ до себя*, а въ другомъ учрежденіи, о которомъ сейчасъ скажемъ, *снизойти къ нему* и съ особыми цѣлями сблизиться съ нимъ. Какое же это учрежденіе?

Это такъ называемыя *чайныя*, гдѣ предлагается народу, въ видахъ отученія его отъ пьянства, удешевленный чай. Народъ посѣщаетъ ихъ, но выражаетъ недоумѣніе: что даютъ тамъ дешевый чай, это хорошо; но зачѣмъ тутъ барыни и барышни? Онѣ могли-бы сами и не беспокоиться. А именно ихъ личное участіе въ этомъ угощеніи народа и составляетъ всю сущность этихъ учрежденій. Здѣсь образованныя особы высшихъ сословій хотятъ внушить простому народу, что и онъ имѣетъ равныя права съ ними на всѣ блага жизни, что онъ долженъ уходить изъ своего угнетеннаго состоянія и смотрѣть на высшія сословія, какъ на равныхъ ему людей, т. е. народъ долженъ привыкать къ уничтоженію разстоянія между разными сословіями и къ общему *братскому труду для достиженія равноправности всѣхъ гражданъ*. Здѣсь чувствуется тлетворный *духъ социализма*. Можетъ быть, мы и ошибаемся; но какъ рады были бы мы сами, если бы ошиблись ¹⁾!

Такимъ-то образомъ въ современномъ христіанскомъ

---

¹⁾ Наша періодическая печать начинаетъ опасаться возвращенія въ наше время броженія умовъ бывшихъ въ шестидесятыхъ годахъ. Моск. Вѣд. 1900 г. № 286 „Къ вопросу о нашемъ интеллигентномъ пролетаріатѣ“.

міръ утрачивается вѣра въ истиннаго Бога и распространяется невѣріе; отрицается богоучрежденная религія и замѣняется новымъ идолопоклонствомъ; отвергаются, или ослабляются науки, ведущія къ высшему развитію умовъ и основательному изученію христіанства и замѣняются наборомъ мелкихъ ремесленныхъ свѣдѣній; отвергаются духовные подвиги личнаго самоусовершенствованія и возлагаются надежды на матеріальный *огульный прогрессъ*, или движеніе къ высшему благополучію всего человѣчества; осмѣивается простота жизни и умеренность и увеличивается роскошь и страсть къ наслажденіямъ; унижается супружеская вѣрность и восхваляется сладострастіе; исчезаетъ страхъ и отвращеніе предъ совершеніемъ преступленія и является дерзость отчаянія. Отдаваться безъ оглядки этому губительному направленію нельзя: „*грядетъ гнѣвъ Божій на сыны противленія*“ (Колос. 3, 6). Что же дѣлать? Измышлять новые пути къ совершенству и счастью человѣчества, въ чемъ уже дѣлаются попытки на западѣ, — напрасный трудъ. Подобные замыслы въ дѣлѣ, превышающемъ силы ума человѣческаго, будутъ новыми заблужденіями. Остается покаяться и обратиться къ Богу истинному и Его святой религіи, какъ Онъ самъ призываетъ насъ: „*Ко Мнѣ обратитесь, и будете спасены, всѣ концы земля, ибо Я — Богъ, и нѣтъ инаго*“ (Пс. 45, 22). Объ этомъ напоминали древніе пророки заблуждавшимся членамъ ветхозавѣтной церкви: „*такъ говоритъ Господь, восклицаетъ Іеремія: остановитесь на путяхъ своихъ и разсмотрите, и спросите о путяхъ древнихъ, гдѣ путь добрый, и идите по нему, и найдете покой душамъ вашимъ*“ (Іерем. 6. 16). А къ членамъ церкви новозавѣтной, въ предвѣдѣніи наступающихъ заблужденій, усиленно возглашалъ Св. Апостоль Павелъ: „*тѣмъ же, братіе, стойте и держите преданія, имже научитесь или словомъ, или посланіемъ нашимъ*“ (2 Сол. 2, 15).

ПЛАЧЪ ПРОРОКА ІЕРЕМІИ.

(ИСАГОГИКО-ЭКЗЕГЕТИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

Избранная нами предметомъ исагогико - экзегетическаго очерка ветхозавѣтная книга—*Плачъ Іереміевъ*,—заключающая съ себѣ всего пять главъ, на первый взглядъ едва-ли возбудишь въ читающемъ много вопросовъ, которые бы могли поставить его въ недоумѣніе. Прежде всего, что касается писателя, то онъ въ славянской и русской библии ясно указывается въ заглавіи,—это пророкъ Іеремія. Содержаніе книги точно также не представляетъ ничего такого, что бы могло затруднить насъ: оно понятно каждому; это—выраженіе скорби пророка, вызванной паденіемъ царства Іудейскаго. Что касается, наконецъ, времени написанія, то этотъ вопросъ также легко рѣшается на основаніи указаній самой книги: скорбь писателя настолько еще ясна и сильна, что никакъ не позволяетъ отдалять время написанія отъ того событія, которое послужило поводомъ къ этому написанію. Нѣкоторое недоумѣніе можетъ, пожалуй, вызвать еще внѣшняя форма *Плача*,—это названія еврейскихъ буквъ, поставленныя въ алфавитомъ порядкѣ послѣднихъ—предъ каждымъ стихомъ въ славянской библии. Но и эта особенность нашей книги, являясь въ такомъ видѣ, ничего почти не сообщаетъ читателю о дѣйствительномъ своемъ значеніи и, быть можетъ, покажется ему обстоятельствомъ, насколько непонятнымъ, настолько же и маловажнымъ, которое, онъ безъ особаго ущерба можетъ и пропустить.

Въ такомъ положеніи будетъ находиться дѣло до тѣхъ поръ

пока мы будемъ довольствоваться болѣе или менѣе поверхностнымъ обзоромъ книги, но оно должно совершенно измѣниться, какъ скоро мы захотимъ познакомиться съ ней глубже. Въ такомъ случаѣ *Плачъ Іереміевъ* откроетъ предъ нами не мало вопросовъ, которые ранѣе были или совершенно неизвѣстны намъ, или же казались намъ слишкомъ маловажными, а между тѣмъ правильное рѣшеніе этихъ вопросовъ можетъ много способствовать и правильному пониманію и вѣрной оцѣнкѣ книги.

Такъ, прежде всего, если мы обратимся къ библии еврейской, то не найдемъ здѣсь нашей книги въ томъ мѣстѣ, гдѣ она поставлена въ славянской и русской библии—среди книгъ пророческихъ, непосредственно за большой книгой Іереміи, а увидимъ ее совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ—между книгами Екклесіастъ и Руѣв. Отсюда легко можетъ возникнуть вопросъ о причинахъ отдѣленія *Плача* отъ пророческой книги Іереміи. Затѣмъ слѣдующее обстоятельство, на которое невольно наталкиваемся при дальнѣйшемъ изслѣдованіи текста еврейскаго, требуя у насъ объясненія для себя, въ то же время можетъ подсказать намъ отвѣтъ на первый вопросъ,—отвѣтъ, который еще болѣе усложнитъ дѣло. Именно, здѣсь мы находимъ нашу книгу съ совершенно инымъ заглавіемъ, чѣмъ какое носитъ она въ славянской и русской библии: такимъ заглавіемъ служить ея первое слово или выраженіе, которое не заключаетъ въ себѣ никакого указанія на писателя. Весьма вѣроятно, что при сопоставленіи этихъ двухъ обстоятельствъ отвѣтъ нашъ на вопросъ о писателѣ кн. *Плача* приметъ простую форму сомнѣнія: Іеремія ли писатель *Плача*? Какъ увидимъ впоследствии, подобный отвѣтъ дѣйствительно и давался. Итакъ уже самые первые шаги по пути болѣе близкаго ознакомленія съ книгой *Плача Іереміева* вызываютъ насъ на изслѣдованіе двухъ весьма важныхъ вопросовъ, изъ которыхъ одинъ ранѣе не возникалъ вовсе, а другой, если и возникалъ, то рѣшался нами лишь поверхностно, это вопросы—относительно положенія *Плача* среди другихъ книгъ ветхозавѣтнаго канона и затѣмъ—относительно его писателя. Обращаясь, далѣе, къ содержанію книги *Плача*, мы находимъ его при первомъ чтеніи довольно однообразнымъ; вся книга состоитъ, повидимому, изъ болѣе или менѣе одно-

родныхъ, поставленныхъ въ случайную связь лирическихъ выраженій впечатлѣній и чувствъ, являвшихся у автора при мысли о паденіи и разрушеніи Иерусалима, опустошеніи храма, пораженіи всего Иудейскаго царства, отведеніи Иудеевъ въ Вавилонъ и печальномъ положеніи оставшихся въ Иудеѣ. Но при болѣе вниманіи наше сужденіе постепенно измѣняется: мы начинаемъ все болѣе и болѣе чувствовать нѣкоторую послѣдовательность въ изложеніи предмета, пока, наконецъ, у насъ не явится вопросъ о логическомъ планѣ книги. Съ вопросомъ о внѣшней формѣ и времени написанія *Плача Иереміева* дѣло обстоитъ точно также. Уже на первый взглядъ еврейскій текстъ книги *Плача* даетъ понять, что во внѣшней его формѣ мы имѣемъ дѣло съ предметомъ совершенно особеннымъ, который нельзя обойти молчаніемъ именно въ силу его оригинальности. Наконецъ, что касается времени написанія то и здѣсь мы убѣждаемся въ необходимости тщательнаго изслѣдованія: по этому вопросу мы находимъ въ книгѣ, повидимому, различныя указанія; отсюда открывается для насъ новая задача—сличить эти указанія и затѣмъ уже на основаніи ихъ составить одно опредѣленное рѣшеніе.

Такимъ образомъ, при ближайшемъ знакомствѣ съ книгою *Плача* возникаютъ различныя вопросы, настоятельно требующіе для себя особаго разсмотрѣнія. Но при этомъ необходимо замѣтить, что сказаннымъ нами до сихъ поръ была намѣчена только сущность или даже, точнѣе, только предметъ ихъ. Само собою разумѣется, что при дальнѣйшемъ обсужденіи эти вопросы могутъ осложниться, каждый изъ нихъ можетъ распасться на нѣсколько другихъ самостоятельныхъ. Съ другой стороны, всѣ указанные вопросы сейчасъ поставлены нами въ порядкѣ, такъ сказать, ихъ психологическаго возникновенія; но въ изложеніи ничто не препятствуетъ намъ расположить ихъ иначе. Такъ мы на дѣлѣ и поступимъ, предпочитая психологическому логическій порядокъ. Въ частности мы расположимъ эти вопросы по ихъ значенію для главнаго или, по крайней мѣрѣ, для того, который мы считаемъ главнымъ,—это вопросъ объ писателѣ книги *Плача*. Въ такомъ случаѣ нашъ очеркъ будетъ расположенъ по слѣдующему плану:

прежде всего мы изложимъ каноническую исторію книги *Плача Иереміа*, далѣе—постараемся рѣшить вопросъ о планѣ книги, затѣмъ рассмотримъ внѣшнюю форму книги, наконецъ займемся рѣшеніемъ вопроса о писателѣ *Плача* и времени написанія.

I.

Исторія книги Плача прор. Иереміи.

Плачь Иереміевъ въ еврейскомъ (масоретскомъ) канонѣ занимаетъ мѣсто въ третьемъ отдѣлѣ, среди Ketubim писаній ¹⁾, здѣсь же ставятъ его раввины и Талмудъ, именно въ разрядѣ Megillot ²⁾. Рядомъ съ этимъ порядкомъ идетъ другой, принятый

¹⁾ Въ еврейской библии канонъ ветхозавѣтныхъ книгъ, какъ извѣстно дѣлится на три части Thoira—законъ, Neviim—пророки и Ketubim—писанія. Здѣсь весьма важенъ для насъ принципъ, лежащій въ основаніи этого трехчастнаго дѣленія. Но съ точностью опредѣлить этотъ принципъ—дѣло не легкое: ученые изслѣдователи не приходятъ къ соглашенію по данному вопросу. Такъ, напр., по мнѣнію Оклера три части канона соотвѣтствуютъ разнымъ періодамъ въ исторіи развитія ветхозавѣтной религіи. Кейль полагаетъ, что дѣленіе канона основывается на различномъ положеніи священ. писателей по отношенію къ Богу, теократія и божественному откровенію. По Эвальду, оно есть результатъ всего постепеннаго собранія (въ канонѣ) вообще и тройственность группъ еврейскихъ писаній, пользовавшихся высшимъ уваженіемъ, соотвѣтствуетъ тройственности главныхъ ступеней въ развитіи послѣднѣйшей исторіи. По Генгстенбергу, Блееку и Дилльману дѣленіе это основывается на различной степени богодухновенности писаній. Но какъ бы различно не опредѣляли названные изслѣдователи принципъ трехчастнаго дѣленія в.—з. канона, во всякомъ случаѣ мы видимъ, что всѣ они—далеки отъ мысли вѣстать въ основаніи этого дѣленія большую или меньшую степень достовѣрности того или другаго писанія. А для нашей цѣли и этого результата вполне достаточно: мы можемъ слѣдов. смотрѣть (въ данномъ случаѣ, конечно, съ точки зрѣнія канона) на каждую книгу въ отношеніи ея достовѣрности, какъ на совершенно равную по значенію съ другими,—въ какомъ бы отдѣлѣ она ни стояла. Не можетъ быть исключеніемъ и *Плачь Иереміевъ*, находящійся въ отдѣлѣ Ketubim.

²⁾ Считаемо не лишнимъ объяснить эти термины. Названіе Ketubim, какъ сказано выше, носитъ третій отдѣлъ канона. Само по себѣ это слово означаетъ просто „писанія“ и, если теперь имѣетъ болѣе опредѣленный смыслъ, то лишь благодаря историческому употребленію: примѣняясь къ тѣмъ книгамъ, которыя не вошли въ составъ первыхъ двухъ отдѣловъ и именно съ тою только цѣлью, чтобы отличать первыя отъ послѣднихъ оно затѣмъ утвердилось за первыя въ качествѣ ихъ спеціального названія. Обозначенныя этимъ названіемъ книги—разнобразнаго содержанія: частію пророческія, частію историческія, частію поэтическія. Въ свою очередь онѣ раздѣляются на три группы и одна изъ этихъ группъ, со-

въ славянской и въ русской библии, по которому *Плачь Іереміевъ* стоитъ непосредственно за пророческой книгой Іереміи. Его держатся уже LXX. Онъ же принятъ въ древнихъ каталогахъ Мелитона и Оригена (у Евсевія). По нему располагаетъ ветхозавѣтныя книги и Іосифъ Флавій¹⁾. Этотъ порядокъ утвержденъ затѣмъ Лаодикійскимъ соборомъ (прав. 60) и встрѣчается у Епифанія, блаж. Августина, блаж. Іеронима (въ Вульгатѣ) и др. отцовъ и учителей Церкви.

Чѣмъ же объяснить это различное положеніе *Плача Іереміева* въ Библии Еврейской и Греческой съ ихъ послѣдователями?

Можно думать, что греческіе переводчики и слѣдовавшіе за ними позднѣйшіе составители каталоговъ установили свой порядокъ по двумъ побужденіямъ. Прежде всего, во времена, къ которымъ относится образование собственно греческаго канона, у всѣхъ, причастныхъ къ этому дѣлу лицъ, было весьма замѣтное стремленіе — уравнивать число библейскихъ книгъ съ числомъ буквъ еврейскаго алфавита, чтобы чрезъ это символическимъ образомъ придать имъ значеніе религіознаго знанія²⁾.

Подъ вліяніемъ такого стремленія, они стали считать и *Плачь Іереміевъ* за одну книгу съ прочествами Іереміи, почему и поставили ихъ рядомъ (какъ и книгу Руѣъ — съ книгой Судей). Что же касается до фактическаго основанія для такого счисленія, то его давало имъ преданіе, приписывавшее книгу *Плачь* именно пророку Іереміи. А затѣмъ, давая *Плачу* мѣсто непосредственно за пророческой книгой Іереміи, греческіе переводчики могли въ этомъ случаѣ слѣдовать древнѣйшему порядку, который сохранился въ рукописи, которою они пользовались при переводѣ. Правда, у насъ нѣтъ прамыхъ основаній утверждать, что въ древнѣйшемъ канонѣ былъ имен-

держащая въ себѣ книги литургическаго характера, назначаемыя для чтенія въ опредѣленные праздничные дни называется Megillot. Ср. Bleek, Einleitung in das Alte Testament. Drit. Aufl. Berlin 1870 г. S. 34—35 § 17.

¹⁾ Въ каталогахъ Мелитона и Іосифа *Плачь Іереміевъ* собственно не имѣетъ отдѣльнаго заглавія; но это значитъ только, что они считали его за одну книгу съ пророчествомъ Іереміи.

²⁾ Ср. *Thenius*. Die Klagelieder (Kurzgefasstes exegetisches Handbuch zum Alten Testament. XVI) s. 115; *Keil* und Dr. F. *Delitzsch*, Biblische Commentar über das Alte Testament. Th. 3. B. 2, s. 556.

по такой порядокъ, но тѣмъ не менѣе наше предположеніе можно обосновать косвеннымъ путемъ. Въ переводѣ LXX *Плачь* имѣетъ особое надписаніе, которое читается такъ: καὶ ἐγένετο μετὰ τὸ αἰχμαλωτισθῆναι τὸν Ἰσραὴλ καὶ Ἱερουσαλὴμ ἐρημωτῆναι ἑκαθήσεν Ἱερεμίας καὶ κλαίων καὶ ἐθρήνησεν τὸν θρήνον τοῦτου ἐπὶ Ἱερουσαλὴμ καὶ εἶπε¹⁾. Какъ показываетъ конструкція надписанія—оно несомнѣнно переводъ съ еврейскаго²⁾. Съ другой стороны, очевидно, что, начинаясь прямо съ соединительнаго союза καὶ—и, оно служитъ связью между *Плачемъ* и какой-то другой книгой. Теперь спрашивается, откуда же могли взять это надписаніе переводчики, какъ не изъ древнѣйшаго еврейскаго подлинника, бывшаго предъ ихъ глазами, и какая другая книга могла соединиться посредствомъ него съ *Плачемъ*, какъ не пророческая книга Іереміи? Болѣе вѣроятнаго предположенія, намъ кажется, высказать нельзя³⁾.

1) Въ славянской библіи это надписаніе переводится такимъ образомъ: „и бысть, повнегда въ плынь отведенъ бѣ Израиль и Іерусалимъ опустошенъ бѣше, сяде Іеремія пророкъ плачуиць, и рыдаше рыданіемъ своимъ надъ Іерусалимомъ и глаголаше“.

2) Ср. Thenius, l. c., s. 118. Gerlach, die Klageleier Jeremia erklärt. Berlin 1868 г. s. 2—3.

3) Гевіусъ, Негельсбахъ и Кейль держатся по этому вопросу другаго взгляда. По мнѣнію этихъ изслѣдователей *Плачь Іереміевъ* и въ древнѣйшемъ ветхозавѣтномъ канонѣ занималъ то же мѣсто, какое имѣетъ и въ современномъ еврейскомъ. Относительно положенія вашей книги у LXX Кейль говоритъ слѣдующее: „ея причисленіе къ пророческой книгѣ Іереміи произошло отъ Александрійскихъ переводчиковъ, которые не имѣли понятія о ветхозавѣтномъ канонѣ (?). Что это положеніе ея уклоняется отъ традиціи палестинскихъ Іудеевъ, показываетъ Іеронимъ въ замѣчаніи: „нѣкоторые относятъ Руѣ и Плачь (Купот) къ числу агіографовъ и полагаютъ, что число этихъ книгъ должно быть сокращено, вслѣдствіе чего число книгъ В. З. двадцать четыре“. Bibl. Comment. ō. d. A. Test., s. 556. Но представляется непонятнымъ, почему Кейль думаетъ, что подъ словомъ нѣкоторые (nonnulli) Іеронимъ разумѣлъ палестинскихъ іудеевъ и непременно, слѣдовавшихъ древнѣйшему ветхозавѣтному канону. Всего вѣроятнѣе онъ имѣлъ въ виду современныхъ ему раввиновъ и Талмудъ (которые, дѣйствительно, считаютъ 24 книги В. З. Ср. Nägelsbach. d. Klageleier, Bibelwerk Lange s. 5), о которыхъ онъ говорилъ нѣсколько ранѣе этого замѣчанія. Раввины же и Талмудъ, на самомъ дѣлѣ относятъ *Плачь Іереміевъ* къ числу агіографовъ, хотя, какъ увидимъ ниже, совершенно по особымъ побужденіямъ. Доводы Nöldeke. (Altest. Lit., s. 144) говорятъ не болѣе противъ насъ: „Причисленіе плачевныхъ пѣсней къ книгѣ Іереміи было вынуждено лишь благодаря (можетъ быть изъ еврейскихъ рукописей взятому, греческому) введенію; послѣ того, какъ обѣ были переведены, тогда изъ характера переводовъ выяснилось различіе переводчиковъ, такъ какъ переводъ плачевныхъ пѣсней вполнѣ дословенъ, а переводъ книги Іереміи свободенъ и

Такимъ образомъ, мы будемъ держаться того мнѣнія, что помѣщеніе *Плача* непосредственно за пророческой книгой Іереміи у LXX-ти и др. обуславливалось, съ одной стороны, особыми символическими мотивами, находившими себѣ опору въ преданіи о писаніи его прор. Іереміею, а съ другой—такимъ же помѣщеніемъ нашей книги въ древнѣйшемъ ветхозавѣтномъ канонѣ.

Но если *Плачъ* занималъ въ первоначальномъ канонѣ мѣсто среди пророческихъ книгъ то какъ же объяснить, что въ Библии еврейской онъ помѣщенъ въ отдѣлѣ Ketubim среди Megillot?

Вѣроятно же всего перемѣщеніе это произошло слѣдующимъ образомъ. Первоначально *Плачъ Іереміевъ* употреблялся наравнѣ съ пятокнижіемъ и пророческими книгами для чтенія въ синагогахъ. Впослѣдствіи же, именно послѣ разрушенія втораго храма, онъ получилъ, благодаря своему содержанию и лирическому характеру, назначеніе болѣе специальное: сталъ употребляться для чтенія въ опредѣленные праздничные дни въ качествѣ литургической книги. Послѣднее обстоятельство, вѣроятно, и дало поводъ къ тому, что изъ втораго отдѣла *Плачъ* былъ перенесенъ въ третій и присоединенъ здѣсь къ другимъ литургическимъ книгамъ Megillot ¹⁾.

Такова каноническая исторія *Плача Іереміи*. Что же касается судьбы этой книги до принятія ея въ канонъ, то никакихъ указаній на это мы не имѣемъ. Впрочемъ, существуетъ по этому вопросу особое мнѣніе, которое мы считаемъ не лишнимъ обсудить здѣсь.

Полагаютъ (изъ сравнительно новѣйшихъ ученыхъ *De-Vette*), что 2 Парал. 35, 25 ст. содержитъ въ себѣ указаніе на *Плачъ Іереміевъ* и что будто бы изъ упомянутого тамъ собра-

---

очень небреженъ. Еврейское преданіе абсолютно ничего не знаетъ о томъ, чтобы эта книжка когда либо имѣла другое мѣсто, нежели среди агиографовъ (als unter den Hagiographen gehabt haben sollte). У Bleek'a, I, с., s. 501, Anm. Изъ различія перевода и переводчиковъ, однакоже, вовсе не слѣдуетъ, что *Плачъ* былъ отдѣленъ отъ пророческой книги Іереміи; если они стояли и вмѣстѣ, то ничто не мѣшало переводить ихъ различнымъ лицамъ. Что же касается отсутствія преданія у евреевъ въ пользу нашего мнѣнія, то должно сказать, что и взглядъ, отстаиваемый Nöldeke тоже, кажется, не имѣетъ никакихъ древнихъ извѣстій за себя.

¹⁾ Подобная мысль встрѣчается у Bleek'a, Einleitung in das A. Test., s. 679 § 298.

нiя погребальныхъ пѣсенъ онъ былъ въ послѣдствiи перенесенъ въ канонъ. Здѣсь именно говорится: *И Иеремiя возрыда по Иосiи* (рус. текстъ—оплакалъ Иосiю и Иеремiя въ пѣсни плачевной), *и глаголаша вси князи и княгини плачь по Иосiи даже до днесь: и даша его въ повелѣнiе Израиллю: и се писано есть въ рыданiихъ.* „Пѣснь плачевная“, въ которой оплакалъ пророкъ Иеремiя Иосiю, говорятъ, и есть *Плачь Иеремiевъ*. Однако это мнѣнiе рѣшительно не выдерживаетъ критики. Прежде всего, если бы *Плачь Иеремiевъ* былъ написанъ по случаю смерти Иосiи, то во всякомъ случаѣ это должно было бы такъ или иначе сказаться въ его содержанiи. А между тѣмъ здѣсь мы не находимъ рѣшительно ни одной черты, которая бы указывала на подобный частный поводъ къ написанiю книги. Подъ царемъ, который упоминается въ 4, 20 ст. *Плача*, всего вѣроятнѣе должно разумѣть Иоакима, а никакъ не Иосiю ¹⁾ Еврейское названiе плачевной пѣсни, упоминаемой во 2 Пар. 35, 25 точно также не позволяетъ принимать эту пѣснь и *Плачь Иеремiевъ* за одно и то же. Здѣсь употреблено слово *vaikoinein*—(оплакалъ); это глаголь, поставленный въ въ пiэльной формѣ и въ этой формѣ означающiй: пѣть жалобную пѣснь по комъ. Де—Ветте переводитъ это слово: „онъ написалъ въ стихахъ (*dichtete*) печальную пѣснь на Иосiю“ и поступаетъ совершенно произвольно. Глаголь (*vaikoinein*—оплакалъ, оставляемъ его въ той же формѣ), вовсе не заключаетъ въ себѣ указанiя на то, что пѣснь была именно *написана* Иеремiей; напротивъ, изъ другихъ библейскихъ мѣстъ, гдѣ употребляется это слово (2 Ц. 1, 17—18; 3, 33), ясно видно, что подобныя пѣсни только *произносились*: „и плакася Давидъ плачемъ симъ о Саулѣ и Ионафанѣ сынѣ его... и рече“; и плакася царь надъ Авениромъ и рече“... Основываясь на этомъ, мы, можемъ утверждать, что и Иеремiя не записывалъ своей пѣсни, а только

¹⁾ W. Neumann, *Ieremias von Anathoth. Die Weissagungen und Klagelieder des Propheten nach dem masoretischen Teste ausgelegt.* B. 2., s. 488, 528,—разумѣть подъ царемъ Седекiю, но характеръ самого упоминанiя 4,20 о царѣ заставляеть склоняться на сторону Эвальда. См. *Geschichte des Volkes Israel* B. 4 3 Aufl., s. 9.

изустно произнесъ ее. Остается предположить, что эта его пѣснь была записана другими и такимъ образомъ вошла въ упомянутое собраніе. Но, съ одной стороны, характеристическія особенности *Плача Іереміева*,—главнымъ образомъ, его внѣшняя форма показываютъ, что онъ могъ явиться не иначе, какъ непосредственно ихъ рукъ самаго писателя. А съ другой стороны такое предположеніе уже само по себѣ совершенно исключаетъ мысль, что будто въ этой плачевной пѣснѣ мы имѣемъ *Плачъ Іереміевъ* и чрезъ подобное предположеніе мы ничего не выигрываемъ въ пользу обсуждаемаго мнѣнія. Въ такомъ случаѣ нужно допустить, что плачевная пѣснь Іереміи вошла въ упомянутыя выше „*рыданіи*“, или, какъ говоритъ рус. перев.—„книгу плачевныхъ пѣсней“. Но что это была за книга? Рѣшить этотъ вопросъ опять помогаетъ намъ библейскій текстъ. Собраніе печальныхъ пѣсней названо здѣсь *Kinoth*—плачи (пѣсни плача); это существительное, точно также какъ и глаголъ *kip*—оплакивать (въ шл. фор. *koinein*) указывающая вообще на печальное пѣніе, примѣняется въ священныхъ книгахъ исключительно къ погребальнымъ пѣснямъ (Ср. 2 Ц. 1, 17—18; 3, 33; Іер. 9, 16, 19, 20; Іезек. 27, 32). Такое именно примѣненіе особенно ясно выступаетъ въ другомъ словѣ, образованномъ отъ того же корня *tesoipeno*, которое значитъ прямо—плакальщица (надъ умершими). Нужно думать, что и цѣлая книга, о которой упоминается въ 2 Пар. 35, 25 должна была имѣть назначеніе, соответствовавшее ея названію. По мнѣнію Геніуса, она и была именно „собраніемъ погребальныхъ пѣсней, которыя употреблялись при торжественномъ погребеніи того или другого царя“. Весьма возможно, что и пѣснь, воспѣтая пр. Іереміею надъ умершимъ Іосіей, находилась среди такихъ пѣсней, но уже по тому самому нельзя видѣть въ ней нашу книгу *Плачъ Іереміевъ*, которая въ составъ *погребальнаго богослуженія* никогда не входила ¹⁾.

¹⁾ Ср. Themius, l. c., s. 115, 116. То же самое относительно разобраннаго мнѣнія высказываетъ и Калкаг, когда замѣчаетъ, что изъ 2 Пар. 35, 25 ст. не слѣдуетъ ничего болѣе, какъ то, что „плачъ надъ Іосіей существовалъ еще во

Такимъ образомъ, мы приходимъ къ тому заключенію, что упоминаемая въ 2 Пар. 35, 25 печальная пѣснь прор. Іереміи не могла быть книгой *Плачемъ Іереміи*. Въ пользу такого заключенія говоритъ смыслъ еврейскаго названія первой, помѣщеніе ея въ книгѣ погребальныхъ пѣсней и содержаніе *Плача*.

Л. Багрецовъ.

(Продолженіе будетъ).

времена автора Паралипомена и тѣ рыданія, которыя мы называемъ „Eicho“—не представляютъ плачевныхъ пѣсней надъ Іосіей“. Мнѣніе, что въ то время едва ли существовала другая пѣснь, опровергается словами кн. Паралимен. „которыя ясно указываютъ, что существовало собраніе плачевныхъ пѣсней, такъ какъ говорятъ, что плачи надъ Іосіей были внесены въ эту книгу“ *Lamentationes crit. et exeg. illustr.* Р. 43. Существованіе особой плачевной пѣсни, воспѣтой прор. Іереміей надъ Іосіей, допускаетъ также Neumann, l. c., I В. s. 73—74. Также, повидѣмому, Bleek. l. c., s. 504.

МАТЕРІЯ, ДУХЪ И ЭНЕРГІЯ, КАКЪ НАЧАЛА ОБЪЕКТИВНАГО БЫТІЯ. КРИТИЧЕСКІЙ РАЗВОРЪ ЭТИХЪ ПОНЯТІЙ.

(Продолженіе *).

III. Психологія понятія объ объективномъ бытіи.

Остановливаясь на психологическихъ началахъ, входящихъ въ составъ понятія объ объективномъ бытіи, слѣдуетъ прежде всего замѣтить, что понятіе объ объективности вообще возникаетъ непосредственнымъ, естественнымъ путемъ, какъ результатъ дѣйствія извѣстнаго отъ насъ независящаго начала на нашу субъективность. Сія послѣдняя сводится къ чувству нашего собственнаго самостоятельнаго бытія. Все, чего мы не можемъ отнести къ нашему бытію, а что мы все-таки принуждены признать дѣйствительно существующимъ, представляется намъ, какъ объективное бытіе, существующее внѣ и независимо отъ насъ. Если я свое собственное бытіе обозначаю мѣстоименіемъ *я*, въ такомъ случаѣ объективнымъ бытіемъ является для меня то, *что не есть мое я*, что есть *не я*, т. е., *чуждое* мнѣ. Итакъ все, что навязывается мнѣ, какъ начало чуждое, чего я не могу вывести изъ моего собственнаго личнаго бытія, все, что не есть *я*, я принужденъ признать объективнымъ бытіемъ, независимымъ отъ меня.

Остается разрѣшить вопросъ: что именно является чуждымъ для меня, каково начало, не дающееся вывести изъ моего собственнаго личнаго бытія?

---

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1900 г., № 21.

Субъективизмъ утверждаетъ, что для меня нѣтъ ничего совершенно чуждаго, что все, что для меня существуетъ, существуетъ во мнѣ, въ формѣ мысли, слѣдовательно есть мое произведеніе, сводится къ моей дѣятельности. Но такой взглядъ не принимаетъ во вниманіе фактическихъ данныхъ психологіи, которая указываетъ на дѣйствительныя начала моего я, на то, что я есть, что я на дѣлѣ могу отнести къ самому себѣ.

Фактически мое я сводится къ *моей* самодѣятельности, къ *моимъ* стремленіямъ, однимъ словомъ къ *моей личной энергіи*. Съ этой точки зрѣнія я ни на минуту не могу сомнѣваться въ томъ, что весьма много происходитъ во мнѣ безъ участія моей личной энергіи, слѣдовательно безъ моей воли, и даже прямо вопреки моимъ стремленіямъ, усиліямъ, пожеланіямъ и т. п. Не отступая отъ фактической истины, отъ непосредственныхъ данныхъ моего сознанія, не допуская никакихъ сомнѣній, я не могу утверждать, что такого рода явленія, навязывающіяся моему сознанію вопреки моей воли, вопреки моей личной энергіи, суть *мои* произведенія, сводятся къ моей дѣятельности. Правда, и въ этихъ явленіяхъ обнаруживается извѣстная дѣятельность съ моей стороны, но дѣятельность *принужденная*, вызванная не мною, но чуждыми мнѣ началами; дѣятельность, въ которой я не выступаю, какъ активный дѣятель, актеръ, а лишь какъ пассивный зритель, подвергающійся дѣйствию чуждыхъ началъ, не находящихся въ моемъ распоряженіи, не подвергающихся даже моему вліянію.

Можетъ ли существовать разумный человѣкъ, который могъ бы утверждать, что, напр, физическая боль есть его собственное произведеніе, что хотя онъ не желаетъ ея чувствовать, то все-таки онъ ей подвергается вслѣдствіе своей собственной дѣятельности? Кто пожелалъ бы сомнѣваться во внѣшнемъ, слѣдовательно независимомъ отъ него, объективномъ происхожденіи всѣхъ этого рода пассивныхъ, недобровольныхъ, вынужденныхъ состояній, тотъ послѣдовательно долженъ бы вообще сомнѣваться въ истинѣ непосредственныхъ фактовъ сознанія, а слѣдовательно онъ могъ бы сомнѣваться и въ томъ, существуетъ ли онъ вообще, истинны ли чувства, мысли и стремленія, которымъ онъ въ данный моментъ подвергается.

Но такой человѣкъ лишилъ бы себя возможности знанія о чемъ либо, такъ какъ онъ не найдетъ ничего болѣе вѣрнаго, чѣмъ непосредственные факты сознанія, подвергаемые имъ сомнѣнію.

Признавая, такимъ образомъ, несомнѣнность непосредственныхъ фактовъ сознанія, какъ фактовъ сознанія, безъ всякихъ добавокъ, безъ всякихъ предвзятыхъ воззрѣній касательно ихъ разьясненія, мы имѣемъ точное психологическое основаніе для отличенія нашего субъективнаго бытія, нашего я, нашей личной энергіи, отъ всякихъ внѣшнихъ началъ, не имѣющихъ своего источника въ насъ самихъ, слѣдовательно объективныхъ.

Разьяснивъ такимъ образомъ психологическій генезисъ понятія объ объективномъ бытіи вообще, мы приходимъ вмѣстѣ съ тѣмъ съ вышеуказанной точки зрѣнія, къ психологическому взгляду на сущность и развитіе помянутыхъ началъ этого понятія, а именно началъ *матеріи и духа*.

Самымъ непосредственнымъ выраженіемъ субъективнаго сознанія и существованія извѣстныхъ объективныхъ началъ служитъ ощущеніе *сопротивленія*. Такъ какъ мое я сводится для меня непосредственно къ моей личной активной энергіи, то все, что какимъ либо образомъ ограничиваетъ эту мою энергію, что ей сопротивляется, я долженъ признать началомъ чуждымъ, слѣдовательно объективнымъ.

Когда моя умственная дѣятельность ничѣмъ не ограничена, когда моя мысль свободно паритъ, переходя отъ одного предмета къ другому, не чувствуя въ этомъ отношеніи никакихъ ограниченій,—тогда я вполне свободенъ, тогда понятіе объ объективномъ бытіи, независимомъ отъ меня, совершенно не существуетъ для меня; я, какъ будто бы все во всемъ. Таково, безъ сомнѣнія, чувство генія въ моменты свободнаго неограниченнаго творчества. Но это моменты весьма исключительные въ жизни всякаго вообще человѣка. Обычное теченіе жизни, внутренней и внѣшней, заставляетъ насъ на каждомъ шагу чувствовать нашу зависимость и ограниченность, вслѣдствіе сопротивленія, которое мы встрѣчаемъ при осуществленіи нашихъ стремленій, при свободномъ развитіи нашей субъективной дѣятельности по тому или другому направленію.

Дознаваемое нами на каждомъ шагѣ сопротивленіе убѣждаетъ насъ въ томъ, что мы со всѣхъ сторонъ окружены объективнымъ бытіемъ. Но изъ содержанія нашей собственной дѣятельности, равно какъ изъ характера сопротивленія, противопоставляющагося этой дѣятельности, мы составляемъ себѣ понятіе о содержаніи и характерѣ объективнаго бытія. Здѣсь, однако уже нѣтъ рѣчи о непосредственномъ проникновеніи въ объективное бытіе,—такъ какъ непосредственно мы вникаемъ лишь въ наше собственное субъективное бытіе. Мы въ самомъ дѣлѣ знаемъ непосредственно, что нѣчто независимое отъ насъ, оказывающее намъ сопротивленіе, существуетъ, что мы имѣемъ передъ собою какое-то чуждое, объективное бытіе; но конкретнаго опредѣленія его содержанія и качествъ мы достигаемъ лишь посредственно, а именно при помощи заключеній, выведенныхъ нами изъ приведенныхъ ощущеній сопротивленія и вообще изъ ограниченія нашей субъективной самодѣятельности.

Упомянутое чувство ограниченія нашей свободной, хотя бы самой энергической дѣятельности, ощущеніе сопротивленія, противопоставляющагося нашей самодѣятельности, принимаетъ для нашего сознанія двѣ основныя формы: какъ ограниченіе *внѣшнее и внутреннее, чувственное и умственное*, или, пожалуй, *сверхчувственное*.

Я чувствую, во первыхъ, ограниченіе моей дѣятельности когда я, такъ сказать, выступаю изъ себя и желаю дѣйствовать наружу. Тогда я обыкновенно встрѣчаю сопротивленіе со стороны началъ внѣшней окружающей меня среды, и дохожу вслѣдствіе этого до понятія объ извѣстномъ, независимомъ отъ меня объективномъ бытіи, какъ существующемъ извнѣ. Это чувство ограниченія и сопротивленія становится основаніемъ возрѣнія на міръ *внѣшній, матеріальный*, сводимый въ концѣ концовъ къ понятію о *матеріи* и ея свойствахъ.

Такъ какъ мое я, согласно высказанному, сводится исключительно къ моей личной самодѣятельности, или *энергіи*, то чувственное, внѣшнее бытіе представляется мнѣ въ разныхъ формахъ, смотря по тому, подчиняется ли оно непосредственно моей волѣ, энергіи, т. е., владѣю ли я имъ непосредственно, или нѣтъ. Отсюда истекаетъ, что чѣмъ непосред-

• ственнѣе внѣшнее бытіе зависитъ отъ моей личной энергіи, тѣмъ тѣснѣе я его соединяю съ моимъ собственнымъ бытіемъ, тѣмъ болѣе я его связываю со мною въ моемъ сознаніи.

Такимъ образомъ я дохожу до понятія о моемъ *тѣлѣ*, какъ о бытіи, правда, до извѣстной степени внѣшнемъ, объективномъ, независимомъ отъ меня, а все таки съ другой стороны принадлежащемъ мнѣ, сросшимся, такъ сказать, со мною, ибо я завладѣлъ имъ до извѣстной степени, оно въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ подчиняется моей непосредственной власти. Вслѣдствіе, однако, ограниченности моей власти надъ собственнымъ тѣломъ, зависимымъ безусловно не отъ меня, но преимущественно отъ началъ, дѣйствующихъ въ немъ самомъ, я говорю, что *у меня есть тѣло*, но не могу сказать, что *я есмь тѣло*, такъ какъ я непосредственно испытываю разнородныя ограниченія со стороны тѣла. Оно часто сопротивляется моимъ стремленіямъ, принуждаетъ меня къ состояніямъ, противящимся моей волѣ и энергіи, и вслѣдствіе того я вынужденъ въ этихъ отношеніяхъ смотрѣть на свое тѣло, какъ на нѣчто чуждое, объективное для меня. Но все таки мое тѣло становится тѣмъ болѣе *моимъ*, тѣмъ тѣснѣе соединяется со мною, чѣмъ оно является болѣе удобнымъ вспомогательнымъ орудіемъ для моей самостоятельной дѣятельности, для проявленія моей личной энергіи, для осуществленія моихъ стремленій и цѣлей. Чѣмъ здоровѣе мое тѣло, чѣмъ правильнѣе оно дѣйствуетъ, и притомъ чѣмъ болѣе оно приучено къ цѣлесообразнымъ движеніямъ, соотвѣтствующимъ моимъ стремленіямъ (напр. къ письму, рисованію, игрѣ, шитью и т. п.), тѣмъ менѣе я чувствую свою зависимость отъ него, тѣмъ тѣснѣе соединяется его бытіе съ моимъ личнымъ, съ моимъ *я*. Съ другой стороны, чѣмъ менѣе я владѣю тѣломъ, чѣмъ болѣе оно противопоставляется моей энергіи, тѣмъ болѣе оно для меня принимаетъ внѣшній, объективный характеръ; тѣмъ болѣе оно сливается въ моемъ сознаніи съ остальнымъ чувственнымъ, внѣшнимъ бытіемъ, которое представляется мнѣ такимъ именно лишь потому, что я не имѣю надъ нимъ никакой непосредственной власти, что оно подчиняется моей волѣ лишь при посредствѣ моего тѣла.

Впечатлѣніе ограниченія, сопротивленія не касается, однако,

только моей внѣшней дѣятельности въ чувственномъ мірѣ. Я подвергаюсь ему также на поприщѣ моей внутренней, умственной дѣятельности. Рефлексія надъ самимъ собою убѣждаетъ меня въ томъ, что и на этомъ поприщѣ я не долженъ и даже не могу дѣйствовать исключительно по моему желанію, слѣдовательно произвольно.

Прежде всего я сознаю, что мнѣ навязываются фактически самыя разнообразныя *чувствованія*, добрыя и дурныя, благородныя и неблагородныя, возвышенныя и низкія. Я, какъ самостоятельное мыслящее существо, обладающее самосознаніемъ, размышляющее о самомъ себѣ, оцѣниваю эти мои чувствованія. Одни по тѣмъ или другимъ причинамъ я признаю достойными, другія недостойными, одни я поддерживаю собственной энергіей, другія стараюсь ограничить, а всетаки они обыкновенно существуютъ и завладѣваютъ мною безъ моей воли; поэтому я принужденъ свести ихъ источникъ къ извѣстнымъ, независящимъ отъ меня началамъ, которыхъ я не могу отождествлять съ самимъ собою, которыя, однако, дѣйствуютъ на меня, вызывая во мнѣ упомянутыя пассивныя состоянія, болѣе или менѣе принужденныя.

Ту же самую зависимость я чувствую на поприщѣ мысли. Мои мысли часто развиваются совершенно произвольно, но этотъ ихъ произволь не всегда соотвѣтствуетъ моей волѣ. Я вижу, что движеніе моихъ мыслей происходитъ часто болѣе или менѣе случайно, по сходству, контрасту, по сложности или связи ихъ чертъ, т. е., по извѣстнымъ мнѣ законамъ сочетанія мыслей (ассоціаціи идей); между тѣмъ я желалъ бы развить свои мысли по логическимъ законамъ, слѣдовательно не по случайной, но по причинной связи и притомъ съ исключеніемъ всякихъ противорѣчій.

Кромѣ того, самыя законы логической связи между мыслями являются началами, ограничивающими мою собственную, самостоятельную мыслительную дѣятельность, такъ какъ эти законы даны мнѣ, независимо отъ моей воли. Напротивъ того, я вынужденъ подчиняться имъ, если желаю осуществить извѣстныя цѣли, а именно познать тотъ или другой предметъ, разрѣшить тотъ или другой вопросъ, навязывающійся моему уму. Итакъ

вся эта логическая законность моего ума не есть мое произведение, но нечто отъ меня независимое, объективное.

Наконецъ, и моя личная энергія, составляющая ядро моего самостоятельнаго бытія, на каждомъ шагу связана извѣстными, независимыми отъ меня, хотя и внутренними началами. И тутъ мнѣ навязываются самыя различныя влеченія, пожеланія, потребности, стремленія, которымъ я часто подвергаюсь пассивно, и которыми я часто даже не могу завладѣть. Я убѣждаюсь, что и моя самостоятельная дѣятельность не есть и не можетъ быть произвольна, что она должна подчиняться извѣстному независимому отъ меня общему порядку вещей, извѣстнымъ требованіямъ моего умственнаго устройства разума, если я желаю осуществить извѣстныя вождельныя для меня цѣли, а именно внутреннее довольство самимъ собою.

Итакъ моя самобытность ограничена также на поприщѣ внутренней дѣятельности цѣлымъ рядомъ умственныхъ началъ, источникъ которыхъ я долженъ отнести къ объективному, независящему отъ меня бытію.

Всѣ вышеуказанныя психологическія данныя служатъ основаніемъ естественнаго возникновенія понятія о *духѣ*, какъ объ одномъ изъ началъ объективнаго бытія. Чувствуя непосредственно приведенныя внутреннія ограниченія, человеческое сознаніе принуждено признать, что умственныя, раціональныя начала существуютъ не только въ немъ самомъ, но и внѣ его, что само устройство ума, то что мы называемъ *разумомъ*, есть явленіе независимыхъ отъ насъ, слѣдовательно, объективныхъ началъ съ характеромъ, конечно, соотвѣтствующимъ этому явленію, слѣдовательно умственнымъ, раціональнымъ духовнымъ.

Представленныя психологическія данныя имѣютъ слѣдствіемъ, что мы не отождествляемъ съ нами самими ни нашего разума, ни нашей души. Мы говоримъ, какъ о тѣлѣ; у меня есть разумъ, есть душа, а не: я *есмь* разумъ или душа. Въ этомъ обнаруживается именно непосредственное сознаніе о томъ, что вся наша психика, вмѣстѣ съ ея раціональной организаціей, не есть наше произведение, но дана намъ, какъ объективное, въ сущности отъ насъ независящее начало. Мы и здѣсь, какъ и въ сферѣ тѣла, прежде всего должны завладѣть нашей умствен-

ной организаціей, нашимъ разумомъ и его способностями, чтобы дойти до полной внутренней связи съ ними. Чѣмъ болѣе мы это дѣлаемъ, тѣмъ болѣе мы вникаемъ въ рациональныя начала нашего умственного устройства и сами становимся его живымъ, индивидуальнымъ выраженіемъ.

Оказывается такимъ образомъ, что ежели ощущеніе сопротивленія, испытываемое посредствомъ чувствъ, вслѣдствіе дѣйствія на насъ внѣшней окружающей среды, наводитъ насъ на понятіе о *матеріи*, вообще о матеріальномъ мірѣ; то въ свою очередь сознаніе различныхъ внутреннихъ ограниченій, истекающихъ изъ нашей умственной организаціи, изъ нашего *разума*, является психическимъ источникомъ понятія о *духѣ*, вообще объ умственномъ мірѣ, дополняющемъ своимъ содержаніемъ наше понятіе объ объективномъ бытіи. Оба эти основныя понятія нуждаются въ дальнѣйшемъ психологическомъ объясненіи.

Ощущеніе внѣшняго *сопротивленія* соединяется, какъ извѣстно, главнымъ образомъ съ психическими данными чувства *осязанія*. При непосредственномъ соприкосновеніи нашего тѣла, а особенно его оконечностей, съ окружающей насъ средою, мы испытываемъ противодѣйствіе со стороны этой среды, а это противодѣйствіе вызываетъ въ насъ ощущеніе *сопротивленія*. Однако научное воззрѣніе на дѣятельность чувствъ, особенно уже на ихъ развитіе, показываетъ, что всѣ чувства въ своей сущности сводятся первоначально къ ощущеніямъ *осязанія*, что они видоизмѣненія именно этихъ ощущеній. Вслѣдствіе этого съ дѣятельностью каждаго изъ чувствъ соединяется въ нашемъ сознаніи понятіе о чемъ то независимомъ отъ насъ, объ объективномъ бытіи, какъ причинѣ нашихъ чувственныхъ ощущеній. Но съ другой стороны слѣдуетъ замѣтить, что самое ощущеніе сопротивленія не даетъ намъ возможности опредѣлить природу начала, оказывающаго сопротивленіе. Всякое конкретное воззрѣніе на это начало возникаетъ въ нашемъ умѣ лишь какъ заключеніе, выведенное изъ ощущенія сопротивленія и его содержанія. Мы это отмѣтили уже выше; здѣсь же останавливаемся на этомъ фактѣ для психологическаго объясненія причинъ разнообразія воззрѣній людей на объективное бытіе.

Всѣ люди единогласно признають существованіе объективнаго бытія вообще, такъ какъ это существованіе навязывается намъ непосредственно въ ощущеніяхъ сопротивленія, какъ фактъ сознанія. Но конкретное опредѣленіе этого объективнаго бытія приводитъ къ самымъ разнообразнымъ, часто вполнѣ противорѣчивымъ воззрѣніямъ, такъ какъ тутъ принимаетъ участіе логическая дѣятельность ума, результаты которой зависятъ отъ различныхъ условій, каковы: умственное настроеніе субъекта, большій или меньшій навыкъ къ точности въ развитіи мышленія, наконецъ, объемъ фактическихъ данныхъ знанія и т. п. Оттого-то именно важно выяснить психологическій генезисъ разныхъ типическихъ воззрѣній людей на объективное бытіе.

Освободившись отъ вліянія мифологическихъ вѣрованій, большинство людей, въ своемъ обыденномъ міровоззрѣніи, не будучи въ состояніи непосредственно дойти до познанія начала, оказывающаго намъ внѣшнее сопротивленіе, заключаетъ, что это начало принципиально отличается отъ насъ самихъ; а такъ какъ мы себя признаемъ существами сознательными, мыслящими, то для большинства людей является фактомъ, что внѣшнее бытіе, отличное отъ насъ, непроницаемое для насъ, само въ себѣ есть бытіе безсознательное, лишенное мысли, неразумное, слѣдовательно *матерія* въ обычномъ значеніи этого слова. Вотъ генезисъ понятія о матеріи въ нашемъ повседневномъ міровоззрѣніи.

Однако, съ критической точки зрѣнія не трудно замѣтить что это воззрѣніе является результатомъ слишкомъ поспѣшнаго заключенія о природѣ начала, оказывающаго намъ сопротивленіе. Изъ того факта, что это начало противопоставляется намъ, вовсе еще не слѣдуетъ, что оно существенно различно отъ насъ, что оно не похоже на насъ или деже не однородно съ нами. Если я стараюсь открыть дверь, не запертую на ключъ или на замокъ, и не могу этого сдѣлать, то причиной испытываемаго мной сопротивленія можетъ быть человѣкъ, похожій на меня, только посильнѣе. Но мнѣ въ первый моментъ не приходитъ мысль, что за дверью скрывается человѣкъ, поэтому я полагаю, что сопротивленіе происходитъ отъ дѣйствія какихъ, то чуждыхъ мнѣ причинъ, слѣдовательно

отъ причинъ механическихъ, физическихъ. Въ этомъ положеніи находится большинство людей, не признающихъ миеологическихъ вѣрованій. Они не предполагаютъ возможности, чтобы сила внѣшняго міра, оказывающаго имъ сопротивленіе, была похожа на нихъ или даже однородна съ ними. Фактъ, что она не ихъ сила, но чуждая, достаточенъ для того, чтобы они признали весь внѣшній міръ чѣмъ-то чуждымъ, бессмысленнымъ, матеріальнымъ. Это предположеніе можетъ быть истинно, но можетъ быть истинно и прямо противоположное предположеніе.

Теоретическій матеріализмъ догматически воспринимаетъ отъ обыденнаго міровоззрѣнія вышеуказанное понятіе о матеріи и старается при его помощи причинно выяснитъ другое начало объективнаго бытія, начало мыслительное, идеальное. Тутъ однако уже дѣло не ограничивается преждевременными выводами, въ родѣ вышеуказаннаго, но обнаруживаются новые поразительные скачки мысли и постоянныя противорѣчія. Впрочемъ, современная наука достаточно доказала всю поверхностность матеріализма на поприщѣ психологіи, слѣдовательно и на поприщѣ всѣхъ вопросовъ, касающихся умственнаго, идеальнаго начала объективнаго бытія. Поэтому мы и не имѣемъ повода останавливаться на этомъ воззрѣніи. (См. мою докторскую диссертацию: „Самостоятельное начало психическихъ явленій“. Москва 1870).—Замѣтимъ только, что въ своей новѣйшей формѣ матеріалистическій монизмъ въ сущности возвращается къ гилозоизму древнихъ грековъ, приписывая психическій характеръ самимъ началамъ матеріи. Объ этомъ особенно свидѣтельствуетъ послѣднее сочиненіе *Гекеля*, которое вмѣсто научнаго разъясненія двухъ основныхъ началъ объективнаго бытія и ихъ взаимнаго соотношенія, представляетъ только дуалистическое сопоставленіе ихъ, безъ болѣе глубокаго воззрѣнія на ихъ внутреннюю связь.

Переходимъ къ понятію о *духѣ*, какъ составномъ началѣ объективнаго бытія. Въ исторической части настоящаго труда мы уже замѣтили, что первые взгляды на духъ соединяются съ естественнымъ воззрѣніемъ на чувственный, матеріальный міръ. Желая выяснитъ явленія этого міра, первобытный человѣкъ воображалъ себѣ, что онѣ проявленія су-

ществъ, похожихъ на него, и такимъ образомъ возникла мифологія. Но этотъ первобытный антропоморфизмъ подвергался различнымъ видоизмѣненіямъ подъ вліяніемъ естественнаго развитія умственной жизни, особенно же рефлексіи и критики.

Болѣе глубокое пониманіе явленій чувственнаго міра, природы, обличило все болѣе и болѣе фантастическій характеръ мифологическихъ воззрѣній. Люди скоро убѣдились, что дѣятельность природы, особенно же однообразіе и законность ея явленій, не даютъ никакого основанія къ ихъ олицетворенію, ибо явленія эти не представляютъ никакой аналогіи съ произвольною дѣятельностью множества самостоятельныхъ единичныхъ индивидовъ. Напротивъ того, внѣшнее, чувственное бытіе при болѣе близкомъ ознакомленіи съ нимъ, представлялось человѣку, какъ одно стройное цѣлое, единое въ себѣ и поэтому чувственный, фантастическій антропоморфизмъ мифологіи уступилъ со временемъ мѣсто одухотворенному антропоморфизму, сводящему всю природу и ея проявленія къ дѣйствию одного въ себѣ, высшаго существа, Бога. Такимъ образомъ возникъ монотеизмъ, какъ послѣдній результатъ естественнаго воззрѣнія на умственное начало, принимающее участіе въ произведеніи явленій внѣшняго міра.

Въ дальнѣйшемъ развитіи умственной жизни, еще совершенно независимомъ отъ теоретическихъ конструкцій философіи, мыслящій человѣкъ не довольствовался однако самимъ понятіемъ о Богѣ, какъ творцѣ чувственнаго міра, но стремился проникнуть глубже въ его сущность и болѣе конкретно опредѣлить его свойства. И для этого онъ находилъ многочисленныя данныя въ томъ чувствѣ внутренняго, раціональнаго ограниченія своей умственной дѣятельности, о которомъ мы говорили выше. Видя непосредственно, что требованія и законы умственной дѣятельности, все устройство ума, разумъ, не есть его собственное произведеніе, а явленіе объективное, данное ему безъ его личнаго участія; человѣкъ приписывалъ раціональность и идеализмъ своей собственной умственной организаціи дѣйствию Бога и съ этой точки зрѣнія ближе опредѣлялъ его внутреннюю сущность. Идеаль полнаго совершенства, представляющійся человѣческому уму на основаніи его внутреннихъ потребностей и влеченій, онъ поставилъ въ причинную

связь съ Богомъ и видѣлъ въ немъ въ концѣ концовъ самое полное воплощеніе этого идеала. Исторія религій, ихъ постепеннаго прогресса отъ первичныхъ понятій о Божествѣ до самаго высшаго развитія ихъ содержанія, указываетъ всесторонне на этотъ психическій процессъ человѣческаго ума въ созданіи понятія о духѣ, какъ умственномъ, рациональномъ началѣ объективнаго бытія.

Дальнѣйшее развитіе понятія о духѣ, какъ началѣ объективнаго бытія, совершалось въ человѣческомъ сознаніи по двумъ разнымъ направленіямъ, соотвѣтственно разнымъ психическимъ началамъ, принимающимъ участіе въ этой работѣ мысли. Эти направленія мы можемъ назвать: *догматическимъ и критическимъ, религіознымъ и философскимъ.*

Вѣра въ Бога, какъ Высшее Существо, не можетъ остаться безъ глубокаго вліянія на всю умственную жизнь человѣка. Мы говоримъ о живой, истинной вѣрѣ, въ противоположность къ равнодушному признанію той или другой абстрактной истины. Такая живая вѣра влечетъ за собою прежде всего стремленіе къ личному общенію съ Богомъ. Это стремленіе выражается съ одной стороны въ созданіи религіознаго культа, особенно же въ молитвѣ, а съ другой стороны въ подробномъ развитіи идеи о Богѣ, слѣдовательно въ возрѣніи на его качества и его отношеніе къ міру и человѣчеству. Религіозный человѣкъ видитъ во всемъ откровеніе сущности Бога, его воли. Поэтому онъ признаетъ особенное откровеніе Божества не только во внѣшней природѣ, но и въ тѣхъ или другихъ историческихъ фактахъ. Даже упомянутое чувство внутренней зависимости отъ объективныхъ началъ нашей умственной организаціи принимаетъ для него часто характеръ религіознаго воодушевленія, внутренняго божественнаго откровенія и способствуетъ подробной выработкѣ его взглядовъ на Бога. Это опять доказывается исторією религій.

Этимъ религіознымъ возрѣніемъ на духовное начало объективнаго бытія, имѣющимъ *догматическій* характеръ, противопоставляется *критическій* трудъ человѣческаго ума на этомъ поприщѣ, выражающійся въ *философіи*. Характеристическою чертою философскаго взгляда на объективное бытіе, слѣдовательно и на его составныя начала является образованіе этого

взгляда на основаніи фактическихъ данныхъ внѣшняго и внутренняго опыта, равно какъ развитіе его при помощи однихъ только умственныхъ способностей человѣка, слѣдовательно безъ участія какого либо высшаго, сверхчеловѣческаго начала. Изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы философъ непременно, по принципу и напередъ, отрицалъ такое высшее начало. Напротивъ, во имя объективной критики онъ ничего не долженъ предрѣшать напередъ; но его научная задача кончается всестороннимъ разборомъ фактическихъ данныхъ, касающихся изслѣдуемаго вопроса и выводомъ изъ нихъ соотвѣтственныхъ заключеній. Примѣненіе же результатовъ изслѣдованія составляетъ уже задачу жизни, которая, конечно, должна быть практическимъ осуществленіемъ теоретическихъ убѣжденій мыслителя.

Разныя типическія философскія воззрѣнія на объективное бытіе, а особенно на его умственное начало, мы представили выше въ обзорѣ исторіи нашего предмета. Здѣсь, оканчивая разборъ его съ психологической точки зрѣнія, замѣтимъ только еще, что большинство религіозныхъ воззрѣній доходитъ до дуализма между составными началами объективнаго бытія, между духомъ и матеріей, Богомъ и міромъ. Это истекаетъ изъ естественной противоположности между нашимъ субъективизмомъ и объективнымъ бытіемъ. Эту противоположность религіозные умы обыкновенно не разбираютъ, слѣдовательно, и не доводятъ до равновѣсія. Напротивъ, философія съ первыхъ временъ проявляетъ стремленіе урновѣситъ эти составныя начала объективнаго бытія и свести ихъ къ общему знаменателю. Это стремленіе можетъ привести къ разнымъ результатамъ, болѣе или менѣе соотвѣтствующимъ требованіямъ философскаго критицизма. Но этотъ критицизмъ требуетъ въ концѣ концовъ однообразія въ нашемъ міровоззрѣніи, слѣдовательно и синтетическаго уравненія его составныхъ началъ.

Въ этомъ духѣ мы и приступаемъ къ окончательному разрѣшенію нашей задачи на основаніи изложенныхъ данныхъ, почерпаемыхъ изъ исторіи философіи и психологіи.

*Профессоръ философіи Варшавскаго Университета
Генрихъ Струве.*

(Продолженіе будетъ).

ИЗБРАННЫЕ ТРАКТАТЫ ПЛОТИНА.

(Переводъ съ греческаго языка подъ редакціей профессора
Г. В. Малеванскаго).

(Окопчаніе *).

19. Кто, принимая въ соображеніе все вышесказанное, устремится къ Нему мыслию и сподобится узрѣть Его, тотъ не сумѣетъ выразить величіе Его, узрѣвши же Его, за неимѣніемъ подходящихъ выраженій, скажетъ по крайней мѣрѣ одно, что Онъ существуетъ самъ отъ себя или чрезъ себя, и что если въ немъ есть сущность, то она подчинена ему, какъ имъ же самимъ положенная, и уже никоимъ образомъ не дерзнетъ выговорить въ примѣненіи къ Нему такое слово, какъ случай, случилось, а иначе онъ тутъ же самъ остолбенѣетъ отъ своего богохульства. Кому удастся подняться мыслию до Него, тотъ не можетъ даже сказать, гдѣ Онъ, потому что Онъ повсюду и отовсюду предстоить духовнымъ очамъ, и куда бы ни направилъ взоръ свой душа, она повсюду будетъ зрѣть Бога, пока не отвратитъ отъ него взоры и мысли на что либо другое. Должно думать, что загадочное выраженіе древнихъ ¹⁾. „Богъ выше сущности“ имѣетъ такой смыслъ: Богъ выше самой сущности не только потому, что самъ производитъ сущность, но и потому что не стоитъ ни въ какой зависимости отъ нея, да даже и отъ самаго себя; даже сущность не есть начало Его, а напротивъ Онъ есть начало сущности, потому

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“, за 1900 г. № 20.

¹⁾ Вѣролѣтѣ всего, и тутъ разумѣется Платоновское выраженіе ἡ τοῦ ἀγαθοῦ ἰδέα ὑπέκεινα νοῦ ὑπέκεινα οὐσίας (Госуд. кн. 6).

что хотя Онъ произвелъ ее, но произвелъ не для себя и произведши, положилъ ее внѣ себя, не имѣя нужды даже въ бытіи какъ создатель бытія. Поэтому, даже выраженіе „онъ есть, существуетъ“, не выражаетъ вполне того, что Онъ есть.

20. Но,—возразятъ намъ,—по вашему выходитъ, что Богъ существовалъ прежде своего существованія, ибо коль скоро Онъ самъ есть свой создатель; то насколько ему пришлось самого себя создать, онъ не существовалъ до этого, а насколько лишь самъ же Онъ могъ создать себя, Онъ долженъ быть существовать до этого. На это мы отвѣтимъ, что Бога никоимъ образомъ нельзя приравнивать къ созданному, а должно мыслить его исключительно только какъ творческое начало и твореніе его слѣдуетъ представлять, какъ актъ абсолютный (*ἀπόλυτος ποιησις*), т. е., какъ такой, который не простирается ни на что другое и не производитъ ничего другого кромѣ самаго себя, такъ что онъ во всей цѣлости остается въ самомъ себѣ и не содержитъ въ себѣ никакого двойства, а представляетъ чистое единство. Нечего бояться, что въ такомъ разѣ эта первая энергія (*ἐνέργεια ἡ πρώτη*) оказывается какъ бы неимѣющею подъ собою (готовой) сущности, или субстанціи, ибо за то она можетъ быть представляема какъ ипостась (все заключающаяся въ своей энергіи). Иное дѣло, если-бы кто полагалъ (какъ начало) ипостась, но безъ энергіи,—въ такомъ разѣ конечно то начало, которое должно быть совершеннѣйшимъ всѣхъ началъ, оказалось бы несовершеннымъ уже потому, что появленіе въ немъ (позднѣе) энергіи было бы нарушеніемъ его единства. Итакъ, если вѣрно, что энергія совершеннѣе, чѣмъ сама сущность и что первенство всегда принадлежитъ самому совершенному, то ясно, что энергія есть самое первое. Это значить, что Богъ вмѣстѣ съ своею энергіею есть сразу то, что есть, и нѣтъ никакого смысла говорить, что онъ существовалъ, прежде, чѣмъ создалъ себя; прежде чѣмъ создать себя, Онъ конечно не могъ существовать, но Онъ существовалъ сразу весь (въ своей энергіи). Онъ есть энергія, не зависящая даже отъ сущности, абсолютно свободная и вотъ въ какомъ смыслѣ и почему Онъ есть самъ чрезъ себя. Если бы затѣмъ сохраненіе его суще-

ствования зависѣло отъ чего либо другого, то и въ такомъ разѣ Онъ не былъ бы первымъ началомъ—которое изъ себя (ἐξ αὐτοῦ), а такъ какъ правильнымъ слѣдуетъ считать убѣжденіе, что Онъ самъ сохраняетъ свое существованіе, что уже изъ этого само собою слѣдуетъ, что онъ и полагаетъ самъ себя (παράγωγον αὐτόν), что все, заключающееся въ его природѣ, имъ самимъ отъ начала положено въ себѣ. Если бы въ самомъ дѣлѣ было нѣкогда время, когда Онъ не существовалъ, тогда пожалуй можно было-бы сказать, что Онъ создалъ себя; а такъ какъ прежде всѣхъ временъ Онъ былъ, то что есть, то фраза „самъ себя создалъ“ можетъ быть допущена лишь подъ тѣмъ условіемъ, если оба элемента ея мыслятся слитыми воедино, потому, что его существованіе тождественно съ его творческою энергіею, или, если можно такъ выразиться, съ его вѣчнымъ рожденіемъ (γεννησται ἀἰδέω). Равнымъ образомъ, если говорится, что Онъ самъ есть Господь надъ собою (ἄρχων αὐτοῦ), то и это выраженіе можно было-бы принимать въ точномъ смыслѣ, лишь въ томъ случаѣ, если бы въ немъ было двойство; а такъ какъ Онъ есть чистое единство, то очевидно, Онъ есть только Господь, господствующій, ибо нѣтъ въ немъ ничего, что должно было-бы повиноваться (господству); какъ онъ въ самомъ дѣлѣ сталъ бы повелѣвать, когда и повелѣвать-то некому и нечему?! Поэтому, когда все-таки говорится, что Онъ самъ надъ собою господствуетъ, то это лишь въ томъ смыслѣ, что Онъ не имѣетъ никого и ничего надъ собою; а если ничего уже нѣтъ выше Его, то значить Онъ есть самый первый, и это не столько по чину, или порядку, сколько по своему могуществу и владычеству абсолютно свободному. Такъ какъ Онъ абсолютно свободенъ, то несвободнаго ничего въ немъ нѣтъ и быть не можетъ, такъ что Онъ весь во всей цѣлости съ совершенною свободою пребываетъ въ самомъ себѣ. Въ самомъ дѣлѣ, что въ немъ можетъ быть такого, что не было-бы имъ самимъ? Или что такого, въ чемъ-бы не присутствовало его собственная энергія? Или такого, что не было-бы его собственнымъ дѣломъ?! Вотъ, если-бы что либо дѣйствительно не было его собственнымъ дѣломъ, тогда конечно Онъ не былъ бы ни со-

вершено свободнымъ, ни всемогущимъ, не былъ бы совершенно свободнымъ потому, что не былъ-бы властнымъ надъ этимъ (чужимъ и постороннимъ) нѣчто, не былъ-бы и всемогущимъ, потому что того, что не лежитъ въ предѣлахъ его власти, Онъ и совершить не могъ-бы.

21. Но, возразятъ намъ, развѣ Богъ можетъ стать инымъ, чѣмъ каковъ Онъ есть (и если не можетъ, то развѣ онъ всемогущъ)? На это отвѣтимъ, что отсутствіе (въ Немъ) возможности дѣлать злое, вовсе не исключаетъ свободы творить доброе. Богъ всемогущъ вовсе не въ томъ смыслѣ что можетъ дѣлать то и другое, другъ другу противоположное, а напротивъ высшее совершенство его постояннаго и непреложнаго могущества въ томъ и состоитъ, что Онъ не выступаетъ изъ своего единства, способность же и возможность дѣлать другъ другу противное (доброе и злое) есть какъ разъ признакъ безсилія твердо держаться одного—возможно лучшаго. Поэтому и тотъ актъ въ Богѣ, который мы назвали творческимъ актомъ самосознанія, есть такой, который совершенъ имъ разъ навсегда, ибо онъ есть всесовершенный. И что могло-бы отвратить Бога отъ этого акта, или измѣнить его, когда онъ всецѣло вытекалъ изъ одной его воли, даже не инымъ чѣмъ былъ, какъ его волею?! Поэтому, какой смыслъ говорить, что если Богъ совершилъ этотъ актъ своею волею, то, значить, до этого не существовалъ? Развѣ могло-бы возникнуть въ немъ желаніе (совершить этотъ актъ), еслибы ипостасію своею Онъ не хотѣлъ этого? Въ такомъ разѣ откуда къ нему могло придти это желаніе, эта воля,—ужь не отъ сущности-ли, которая сама еще была недѣятельною?! Но въ томъ вѣдь и дѣло, что воля въ Богѣ составляетъ саму сущность его, такъ что въ немъ ничего нѣтъ отличнаго отъ его сущности, и только въ противномъ случаѣ (т. е., еслибы было что либо отличное, особое отъ сущности) могло бы быть въ немъ и нѣчто такое, что не было-бы дѣломъ его воли. Итакъ, Онъ (съ самаго начала) былъ весь и всецѣло воля, такъ что въ немъ не было ничего имъ нежелаемаго, неизволенаго и ничего предшествующаго его изволению. Слѣдовательно, отъ самаго начала воля есть

самъ Богъ, который существуетъ потому что хочетъ этого и существуетъ такъ, какъ хочетъ. Когда же говорится, что то-то и то-то слѣдовало изъ Его воли, что она то-то и то-то произвела, то это неточныя выраженія, ибо она не произвела и не производитъ ничего такого, чего-бы въ немъ не было. А если еще говорится, что Онъ самъ себя сохраняетъ, то и это слѣдуетъ разумѣть лишь въ томъ смыслѣ, что всѣ другія существа, отъ него имѣющія бытіе, имъ же и сохраняются, ибо всѣ они существуютъ только благодаря тому обстоятельству, что нѣкоторымъ образомъ (въ различной степени) участвуютъ въ немъ и всѣ обращены къ нему (своими стремленіями), между тѣмъ какъ онъ не нуждается ни въ какой поддержкѣ, ни въ какомъ участіи, потому что, завися единственно отъ себя, самъ составляетъ для себя все, или пожалуй—ничто, ибо изъ всего ничто ему не нужно.

Поэтому кто хочетъ рассуждать и трактовать о Богѣ, тотъ долженъ отрѣшиться отъ всего прочаго, отрѣшившись же, и направивъ мысль на него одного, долженъ помышлять не о томъ, не слѣдуетъ ли что нибудь Ему усвоить, а о томъ, не слѣдуетъ ли еще что нибудь устранить (изъ понятія его), и только такимъ путемъ можетъ надѣяться дойти до того начала, которому нельзя усвоить ничего иного и которое есть само по себѣ. Богъ есть такое самое высшее начало, между прочимъ потому, что Онъ по истинѣ, свободенъ, и независимъ даже отъ самаго себя, потому что Онъ одинъ только есть абсолютно самъ собою, тогда какъ каждое изъ прочихъ существъ есть все сколько само по себѣ, столько же еще и нѣчто другое.

К Н И Г А 9-я.

О благѣ, или первоединомъ (περί τοῦ ἀγαθοῦ ἢ τοῦ Ἐνός).

Единство, какъ условіе сохраненія бытія всего существующаго. Первоединый, какъ Абсолютное Благо и какъ начало высшей сущности и ума; Онъ есть существо чистѣйшее, безконечное, вседовольное. Наше отношеніе къ нему; путь, которымъ достигается общеніе съ нимъ.

1. Всѣ существа—не только первичныя, которыя обладаютъ истиннымъ бытіемъ, но и тѣ, которыя должны считаться отно-

сительно существующими, существуютъ только благодаря присущему имъ единству, а безъ него что случилось бы съ ними?—Лишенные единства, они перестали бы быть тѣмъ, что они есть и чѣмъ мы ихъ называемъ. Армія наприм. уже не армія, когда въ ней отсутствуетъ всякое единство,—точно также—хоръ, стадо и т. п. Домъ, корабль и т. п. тоже существуетъ лишь дотолѣ, пока ему присуще единство, а коль скоро оно исчезаетъ, тотчасъ перестаетъ быть тѣмъ, чѣмъ былъ. То же самое бываетъ съ тѣмъ, что называется сплошными величинами (или массами), потому что и онѣ какъ только теряютъ свое единство и раздробляются, то вмѣстѣ съ тѣмъ измѣняютъ также и свою (первоначальную) природу. Потомъ, если взять организмы растеній и животныхъ, то они тѣмъ болѣе существуютъ какъ таковыя лишь дотолѣ, пока каждый изъ нихъ представляетъ собою единство, а коль скоро теряютъ его, раздробляемые на многія части, тотчасъ перестаютъ быть тѣмъ, чѣмъ были и становятся вещами совсѣмъ иными, новыми, которыя въ свою очередь тоже лишь настолько могутъ существовать, насколько содержатъ въ себѣ какое либо единство. Наконецъ, то же самое слѣдуетъ сказать о здоровьѣ, которое принадлежитъ тѣлу только тогда, когда въ немъ есть объединеніе и соупорядоченіе (всѣхъ функцій),—о красотѣ, которая обусловливается гармоническимъ единствомъ частей,—и даже о добродѣтели, потому что и добродѣтелью душа обладаетъ настолько, насколько ей удастся установить гармоническое единство (своихъ дѣятельностей).

Не подлежитъ сомнѣнію, что душа все (оживляемое ею) приводитъ въ единство, какъ начало производящее, упорядочивающее, формирующее; но слѣдуетъ ли изъ этого, что она не только сообщаетъ всему единство, но и сама есть (чистое) единство?—Нисколько: подобно тому, какъ многое другое, что сообщается отъ души тѣламъ, какъ напр. форма, фигура и т. под., вовсе не есть то же самое, что и дающая все это душа, такъ и тутъ—хотя душа всему даетъ единство, но это вовсе не потому, что она сама есть единство въ себѣ—(чистое абсолютное), а потому что созерцаетъ такое единство и сообра-

зуется съ нимъ въ своихъ произведеніяхъ, сообщая каждому изъ нихъ единство, какъ напр. когда производитъ человѣка, то сообразуется съ человѣкомъ въ себѣ (съ идеею человѣка). Каждая вещь, называемая единою, всегда въ такой же степени обладаетъ единствомъ, въ какой—и бытіемъ, такъ что низшей ступени бытія соотвѣтствуетъ низшая степень единства, а высшей ступени бытія—высшая степень единства. Поэтому, даже душа не есть само единство; конечно, она какъ имѣетъ высшую форму бытія, такъ и высшую форму единства (въ сравненіи съ тѣломъ), а все таки она не есть само единство; потому что она едина лишь вслѣдствіе присущія ей единства, такъ что тутъ (вмѣсто чистаго единства) оказывается двойство—душа и (присущее ей) единство, подобно тому какъ и тѣло есть само по себѣ, а (зависящее отъ души его) единство само по себѣ. Дальше всего отстоятъ отъ единства все дискретное, раздѣленное, какъ напр. хоръ, ближе къ нему стоитъ все непрерывное, сплошное, а еще болѣе причастна единству душа. Однако, еслибы на томъ только основаніи, что душа не могла бы и душею быть, еслибъ не была единою, сталъ бы кто либо утверждать тождественность души и единства, тому мы поставили-бы на видѣ, во 1-хъ, что и многія другія вещи обладаютъ индивидуальнымъ бытіемъ благодаря участію въ единствѣ, и однако вовсе не суть само единство, ибо напр. даже тѣло причастно единству, и однако вовсе не есть само единство, и во 2-хъ, что сама душа хотя не состоитъ изъ частей однако будучи единою, представляетъ также и множественность, ибо обладаетъ многими силами, или способностями каковы напр. способности разсужденія, желанія, воспріятія и т. п., которыя всѣ соединяются единствомъ, какъ бы нѣкою связью. Итакъ, хотя душа сообщаетъ единство другому (тѣлу), такъ какъ сама обладаетъ единствомъ, но за то въ свою очередь и сама она, что касается единства, стоитъ въ такой же зависимости отъ другого (начала).

2. Однако (возразятъ намъ) развѣ въ каждомъ изъ отдѣльныхъ существъ его сущность не тождественна съ его единствомъ? Да и во всей цѣлости сущаго развѣ его сущность и

его бытіе не тождественны съ его единствомъ, такъ что какое ни взять сущее, оно всегда будетъ также и единымъ? Развѣ сущность въ себѣ не есть также и единство въ себѣ, такъ что если наприм. сущность есть умъ, то и единство должно быть умомъ, который будучи первымъ сущимъ, представляетъ собою и первое единство и который поэтому давая бытіе другимъ сущностямъ, тутъ же каждой изъ нихъ даетъ и единство? И развѣ мыслимо единство само по себѣ (безъ бытія сущности)? Вѣдь оно всегда тождественно съ сущимъ, ибо наприм. сказать просто человѣкъ, и сказать одинъ человѣкъ есть одно и то же. Или быть можетъ тутъ слово одинъ есть такой же численный предикатъ каждой отдѣльной вещи, какъ два служить предикатомъ вещи, когда съ нею соединена бываетъ другая?—Но если такъ, если число стоитъ въ ряду существующаго, то тутъ же, конечно, должно находиться и единое,—вопросъ только въ томъ, что такое оно есть. Если оно есть не что иное, какъ произведеніе (понятіе) души, употребляемое ею при исчисленіи, тогда не можетъ быть и рѣчи о реальномъ бытіи и какомъ либо значеніи въ вещахъ единства. Между тѣмъ выше было показано, что какая-бы-то ни было вещь коль скоро теряетъ единство, то вмѣстѣ съ тѣмъ теряетъ также и бытіе. А потому необходимо изслѣдовать, въ самомъ ли дѣлѣ единство и бытіе тождественны другъ другу какъ въ каждой отдѣльной вещи, такъ и независимо отъ вещей, взятые и мыслимые сами по себѣ.

Вѣдь, если бытіе каждой вещи составляетъ множественность, то какъ единство никоимъ образомъ не можетъ быть тождественно съ множествомъ, такъ и бытіе должно быть отличнымъ отъ единства. Такъ наприм. человѣкъ есть и живое существо, и разумное существо и значитъ содержитъ въ себѣ множественность элементовъ, которые связываются въ одно единствомъ; человѣкъ, очевидно, совсѣмъ не то, что единство, ибо человѣкъ, есть нѣчто дѣлимое, а единство недѣлимо. Потомъ бытіе во всей своей совокупности и цѣлости, заключаетъ въ себѣ все существующее—всѣ существа и значитъ есть множество, слѣдовательно оно вовсе не есть единство, ибо если ему и единство принадле-

жить, то это только благодаря его участию въ единомъ. Далѣе если вѣрно, что сущему принадлежитъ жизнь и умъ, ибо нельзя же мыслить его мертвымъ, то опять выходитъ, что оно есть множественное. Наконецъ сущее есть множественное, насколько оно есть умъ, и уже тѣмъ болѣе множественное, насколько (умъ) содержитъ въ себѣ всю полноту идей, ибо каждая идея вовсе не есть чистое единство, а скорѣе есть число, и это не только индивидуальная, но и общая идея, она есть единство въ такомъ же почти смыслѣ, какъ и мѣръ есть единство. Кромѣ того,— абсолютно-единое есть вмѣстѣ самое первое, тогда какъ ни сущее, ни умъ, ни идеи не суть первое. Каждая идея есть множественная, составная и, значитъ, есть нѣчто производное, ибо что есть составное, тому предшествуютъ тѣ (простые) элементы, изъ которыхъ оно состоитъ. А что самъ умъ не есть первое (начало), то это явствуетъ изъ того, что для ума существовать значитъ мыслить и что умъ совершеннѣйшій, т. е., такой — который не можетъ быть обращенъ (подобно нашему) на внѣшнія вещи, долженъ мыслить (прежде всего) лишь то, что выше его самаго, такъ какъ для него быть обращеннымъ мыслию на самаго себя не иное что значитъ, какъ быть обращеннымъ къ своему началу. Такимъ образомъ, скажемъ ли мы только, что умъ есть мыслящее и мыслимое, то и въ томъ разѣ онъ есть двойство, не есть абсолютно-простое, единое, скажемъ ли, что умъ мыслию своею обращенъ на нѣчто другое, то этимъ другимъ можетъ быть лишь то (начало), которое совершеннѣе и выше его самаго (т. е., абсолютно-единое), наконецъ если, соединивъ то и другое вмѣстѣ, скажемъ, что онъ мыслить и самого себя и то (начало), которое выше его, то и въ такомъ разѣ выйдетъ, что онъ занимаетъ (не первое, а) второе мѣсто (въ ряду истинно-сущаго). Поэтому, слѣдуетъ представлять себѣ положеніе ума такимъ образомъ, что онъ находится въ единеніи съ первымъ (началомъ)—благомъ, которое составляетъ предметъ его созерцанія, но въ то же время онъ и себѣ самому присущъ, т. е., мыслить самого себя, какъ цѣлость всего истинно-сущаго. Само собою понятно, что при такомъ многообразіи (природы и дѣятельности) онъ далекъ отъ того, чтобъ быть абсолютно единымъ.

Итакъ, ясно, что первоединный не есть ни вся совокупность существующаго, ибо въ такомъ разѣ онъ совсѣмъ и не былъ бы единымъ, ни умъ, ибо въ такомъ разѣ онъ, какъ и умъ, былъ бы совокупностію всего сущаго, ни сущее, или бытіе, ибо бытіе тоже есть совокупность всѣхъ вещей.

3. Что же такое есть первоединный и какова его природа? Нечего удивляться, что намъ трудно высказать, что такое онъ есть, когда намъ не легко сказать даже, что есть сущее, бытіе, или что есть идея, не смотря на то, что на идеяхъ зиждется все наше познаніе,—неудивительно это потому, что всякій разъ какъ душа направляется мыслию на нѣчто такое, что не имѣетъ формы, она, будучи безсильна охватить (мыслию) то, что не имѣетъ въ себѣ отпечатлѣвшейся какой-либо изъ разнообразныхъ формъ, тотчасъ какъ бы оступается, или соскользаетъ (внизъ), убоявшись, что тутъ (не имѣетъ подъ собою никакой опоры) имѣетъ дѣло уже съ чистымъ ничто; почувствовавъ непріятное состояніе въ области такого рода вещей, она съ удовольствіемъ направляется внизъ и удаляется отъ нихъ все дальше и дальше, пока не ниспадетъ и не направитъ свое вниманіе на что-либо твердое, тѣлесное, на которомъ затѣмъ какъ-бы отдыхаетъ, подобно тому какъ глазъ, утомленный наблюденіемъ микроскопически малаго, съ удовольствіемъ направляется на большое, объемистое. Или иначе, когда душа пытается созерцать нѣчто сама собою и это нѣчто видитъ, только соединяясь и сливаясь съ нимъ, то ей кажется, что то, чего она искала (своею мыслию), ускользнуло отъ нея, и это потому, что въ такомъ состояніи она не отличаетъ себя отъ того, что составляетъ предметъ ея мысли. А между тѣмъ тому, кто желаетъ философствовать о первоединомъ, слѣдуетъ держаться вотъ какого пути: такъ какъ тутъ цѣль стремленія составляетъ абсолютно единое, такъ какъ предметомъ исканія тутъ служитъ первое начало всѣхъ вещей благо, то желающій достигнуть и постигнуть его, понятно, не долженъ отдаляться отъ высшаго порядка вещей и ниспадать въ низшія, напротивъ всецѣло отрѣшаясь отъ самаго низшаго порядка чувственныхъ вещей, онъ долженъ направить умъ

свой къ тому, что занимаютъ высшее первое мѣсто, и устремляясь къ благу, очиститься отъ всякаго зла; для того, чтобы стать созерцателемъ того, что есть начало и единое, ему слѣдуетъ въ самомъ себѣ найти (одно) начало, самому изъ многого стать единымъ,—другими словами, ставши всецѣло умомъ, ввѣривши всецѣло уму душу свою и утвердивши ее въ немъ для того, чтобы она была дѣятельно воспріимчивою ко всему тому, что мыслить умъ, онъ долженъ созерцать Первоединого только умственными очами, не пользуясь при этомъ ни однимъ изъ внѣшнихъ чувствъ, не допуская въ это созерцаніе никакихъ чувственныхъ представлений, долженъ созерцать чистѣйшее существо лишь однимъ чистымъ умомъ, самую высшую частію ума. Поэтому когда кто либо, предаваясь созерцанію этого начала, воображаетъ его или въ какой-либо величинѣ, или въ какой нибудь формѣ, фигурѣ, массѣ и т. под., то это значитъ, что не умъ руководитъ его созерцаніемъ, такъ какъ все это не впадаетъ въ область ума, а чувственное представленіе и сообразующееся съ нимъ простое разсудочное мнѣніе. Между тѣмъ мы должны ждать отъ ума свидѣтельства (*παράγγελια*). лишь о томъ, о чемъ онъ можетъ свидѣльствовать. Можетъ же умъ созерцать и то, что прежде и выше его, и то, что въ немъ самомъ есть, и то, что послѣ него и отъ него (происходить). Конечно, чисто и все то, что содержится въ самомъ умѣ, но въ несравненно высшей еще степени чисто и просто все, или точнѣе, одно то, что прежде ума, которое уже и потому не есть умъ, что оно прежде ума, а кромѣ того между тѣмъ какъ умъ есть опредѣленная сущность, одна изъ сущностей, оно вовсе не есть опредѣленная сущность, ибо оно прежде каждой сущности и прежде всѣхъ ихъ вмѣстѣ. Оно не есть и сущее, ибо все существующее имѣетъ въ себѣ какъ бы образъ сущаго, между тѣмъ какъ оно не имѣетъ никакого образа, никакой формы, даже ноуменальной. Природа этого Первоединого, по отношенію ко всему существующему, конечно, рождающая (*γεννητική*), но по тому самому онъ не есть что либо изъ существующаго,—къ нему не приложимы ни категория субстанціи, ни качества, ни количества, онъ не есть

ни умъ ни душа, ни движущійся, ни покоющійся, ни въ мѣстѣ и во времени находящійся; онъ пребываетъ лишь самъ въ себѣ—въ своемъ единственномъ образѣ (*μονοειδής*), вѣрнѣе—чуждый всякаго образа (*ἀνείδεος*), ибо онъ прежде всѣхъ и всякихъ образовъ и формъ, какъ и прежде движенія, прежде покоя; всѣ эти категоріи приложимы уже только къ существу—которое и дѣлаютъ онѣ множественнымъ. Но (возражать), если онъ не движется, то почему не покоится? Да потому что движеніе, или покой, а то и оба они вмѣстѣ свойственны только существу и такъ какъ тутъ покоящееся вслѣдствіе (присутствія въ немъ) покоя покоится, то значить оно вовсе не одно и то же съ покоемъ, или что покой принадлежитъ ему какъ его акциденція, такъ что оно не есть уже нѣчто простое. Точно также не имѣетъ силы и то возраженіе, будто мы, признавая Первоединого причиною (всего), тѣмъ самымъ усвоаемъ ему акциденцію, потому что мы въ этомъ разѣ (вовсе не Ему), а самимъ себѣ (паравнѣ со всѣмъ прочимъ) усвоаемъ эту акциденцію (производности, тварности), ибо мы конечно если имѣемъ что, то только отъ Него, между тѣмъ какъ Онъ (хотя и даруетъ намъ все, но) въ самомъ себѣ пребываетъ (не изливая своего существа ни во что). Вообще, строго говоря, не слѣдуетъ называть и обозначать Первоединого такъ или иначе, ибо все, на что мы тутъ способны,—это только какъ бы кружиться около него и выражать лишь свои собственные относительно Его чувства и мысли, при чемъ мы то приближаемся къ нему, то удаляемся отъ него вслѣдствіе возникающихъ у насъ недоумѣній.

4. Недоумѣнія же тутъ возникаютъ больше всего потому, что познаніе Первоединого не достигается ни путемъ научнаго изслѣдованія, ни путемъ размышленія, но получается единственно отъ присущія (*παρουσία*) Его намъ, которое выше всякой науки. Въ самомъ дѣлѣ, когда душа познаетъ предметъ научнымъ образомъ то она eo ipso выдѣляетъ его изъ единства (какъ одинъ изъ многихъ) и сама перестаетъ быть вполне единою, ибо научное знаніе предполагаетъ употребленіе дискурсивнаго разума, а такой разумъ есть множественность,

такъ что душа въ этомъ разѣ, удаляясь отъ единства, ниспадаетъ въ область числа и множества. Поэтому (чтобъ достигнуть мыслию Первоединого) слѣдуетъ душѣ стать выше самой науки и ни на мгновеніе не выступая изъ своего единства, отрѣшиться и отъ своихъ знаній и отъ предметовъ знанія, и отъ всего прочаго даже отъ зрѣлища красоты, ибо даже красота позднѣе Его и отъ Него, какъ дневной свѣтъ—отъ солнца. Вотъ почему (Платонъ) говоритъ о Немъ, что Онъ есть неизрѣченный, неопиcуемый, неизобразимый (*οὐδέ ρητόν οὐδέ γραπτόν*) ¹⁾, и если не смотря на это мы и говоримъ о Немъ и пишемъ, то это дѣлаемъ единственно съ цѣлію разсужденіями возбудить (себя и другихъ), направить на то дивное божественное зрѣлище, подобно тому какъ мы указываемъ путь тому, кто хочетъ найти и увидѣть что либо (замѣчательное), ибо самое большее, что тутъ можетъ сдѣлать наученіе, такъ это показать путь и руководить прехожденіемъ его, между тѣмъ какъ лицезрѣніе Бога есть уже дѣло самого желающаго лицезрѣть. Кому не дается такое лицезрѣніе—это созерцаніе сіянія Божія, кто не ощущаетъ въ душѣ ни упоенія подобнаго тому, какое испытываетъ любящій, покоясь на груди любимаго своего, ни того восхищенія, которое чувствуется въ непосредственной близости истиннаго свѣта, озаряющаго душу, то это значить, что онъ, пытаясь возвыситься до общенія съ Богомъ, не освободился вполнѣ отъ всего того, что отягчаетъ его, тянетъ внизъ и препятствуетъ чистотѣ богосозерцанія, это значить, что онъ тутъ не одинъ съ самимъ собою, но содержитъ въ себѣ еще и нѣчто иное, что и отдѣляетъ его отъ Бога, другими словами, значить, что онъ не привелъ себя въ чистое, полное единство (*εἰς ἓν συναχθεῖς*), потому что Богъ не отдаленъ ни отъ кого и ни отъ чего, и въ то же время не присущъ никому и ничему, Онъ присущъ всему, не будучи присущъ чему либо (исключительно); поэтому Онъ всегда непосредственно—близокъ для всѣхъ тѣхъ, которые

¹⁾ Это—сокращенная, неточная передача мысли Платона, высказанной въ Тимѣѣ р. 28. с.

подготовили себя къ принятію Его, которые способны привести себя въ согласіе съ Нимъ и, благодаря этому согласію или сродству, входятъ какъ бы въ соприкосновеніе съ Нимъ тою сродною съ Нимъ силою, которая отъ Него-же истекаетъ. Вотъ какимъ путемъ достижимо созерцаніе Бога, насколько Богъ доступенъ созерцанію, и кто не удостоивается этого созерцанія вслѣдствіе ли (вышеуказанныхъ) препятствій, или по недостатку паученія, руководящаго на этомъ пути и внушающаго вѣру въ Бога, тотъ, признавъ въ этомъ виновнымъ единственно самого себя, пусть старается отрѣшиться отъ всего и привести себя въ полное единство. Это наше разсужденіе, быть можетъ, недостаточное и не вполне убѣдительное, должно быть восполнено слѣдующими соображеніями.

5. Кто держится того возрѣнія, что все въ мірѣ устроится слѣпою судьбою или само собою, что все бываетъ и держится лишь однѣми вещественными причинами, тотъ, конечно, далекъ отъ вѣры въ Бога и отъ убѣжденія въ его единствѣ. Не на такихъ, конечно, рассчитано наше изслѣдованіе, а на тѣхъ, которые допускаютъ, кромѣ тѣхъ, еще иную природу, которые восходятъ (своимъ мышленіемъ по крайней мѣрѣ) до признанія души. А кто держится этого возрѣнія, тому, для составленія (возможно-яснаго и полнаго) понятія о природѣ души, слѣдуетъ, кромѣ многаго другого, знать, что душа происходитъ отъ ума и только благодаря своему участию въ немъ посредствомъ разсудка обладаетъ добродѣтелію, а потому, что кромѣ ума разсуждающаго, такъ называемаго дискурсивнаго, (*νοῦς λογιστικός*), есть еще иной, высшій умъ, что всѣ наши разсудочныя понятія находятся какъ бы въ движеніи съ разными интервалами, что даже наши научныя знанія суть въ сущности тѣ же разсудочныя понятія, которыя если и достигаютъ полной ясности и отчетливости, то это только благодаря тому обстоятельству, что душѣ кромѣ того присущъ и умъ—виновникъ или источникъ всякой науки. Вотъ имъ то душа и можетъ созерцать умъ (высочайшій, божественный), который съ своей стороны дастъ ей себя ощущать, восприни-

мать, нисходитъ въ нее, ибо онъ есть ея отецъ—ноуменальный мѣръ, умъ покоящійся, недвижимый въ своемъ движеніи, который содержитъ въ себѣ все и самъ есть все—множество въ одномъ смыслѣ неразличимое, въ другомъ различимое такъ какъ идеи его съ одной стороны вовсе не такъ дискретны, какъ разсудочныя понятія, которыя мыслятся одно послѣ другого, а съ другой онѣ и въ смѣшеніи не находятся, но каждая представляетъ собою нѣчто особое и отличное отъ каждой другой, на подобіе того, какъ и въ наукѣ хотя всѣ входящія въ ея составъ понятія составляютъ одно нераздѣльное цѣлое, но каждое изъ нихъ при этомъ имѣетъ и свое особое бытіе и значеніе. Это множество идей въ своей цѣлости составляетъ изъ себя ноуменальный мѣръ, который, конечно, ближе всего стоитъ къ первому началу и бытіе котораго разумъ никоимъ образомъ отрицать не можетъ, коль скоро для него несомнѣнно существованіе души. Однако, хотя умъ выше души, но все же онъ не есть первое начало, ибо онъ не есть ни единый, ни простой, между тѣмъ какъ верховное начало всего существующаго есть абсолютно простое и единое.

Итакъ, что же такое есть то начало, которое прежде и выше даже ума, этого совершеннѣйшаго изъ всего существующаго, если только такое еще высшее начало должно быть допущено? Конечно, и умъ желаетъ быть единымъ, но все же онъ не есть самъ единый, а только образъ единаго (*ἐνοειδής*); онъ, конечно, не раздѣленъ на части, не разсѣянъ въ нихъ, а сосредоточенъ въ самомъ себѣ, но это благодаря именно тому обстоятельству, что онъ остается непосредственно близкимъ къ Первоединному даже послѣ того, какъ дерзнулъ стать особымъ отдѣльнымъ отъ Него существомъ. Выше ума, слѣдовательно, стоитъ самъ Первоединый—дивный, непостижимый, о которомъ нельзя даже говорить, что онъ есть, существуетъ, дабы не подать мысли, что слово единый есть тоже лишь атрибутъ, предикатъ, чего-то другого и которому въ строгомъ смыслѣ никакое имя не приличествуетъ. Если же однако все таки необходимо называть его, то лучшее всего называть единымъ вообще, по никакъ не въ томъ смыслѣ, что Онъ сперва есть нѣчто дру-

тое и потомъ уже единый¹⁾). Что такое Онъ есть въ самомъ себѣ,—это недоступно для нашего познанія, познается же Онъ чрезъ то, что происходитъ отъ него, то есть, чрезъ сущность, чрезъ сущее, насколько сущее предполагаетъ умъ. Въ общемъ природа верховнаго начала должна быть мыслима какъ источникъ всего совершеннѣйшаго, какъ сила, производящая существующее, но при этомъ пребывающая въ самой себѣ и не только не уменьшающаяся и не истощающаяся, но даже не присутствующая сама въ томъ, что производитъ. Называемъ мы его единымъ съ одной стороны по необходимости, при взаимномъ обмѣнѣ мыслей, чтобы указать другъ другу (о чемъ идетъ рѣчь), а съ другой для того, чтобы душу свою привести въ единство и достигнуть единой нераздѣленной концепціи,—называемъ его единымъ и недѣлимымъ однако вовсе не въ томъ смыслѣ, какъ точку (геометрическую), или единицу (арифметическую), ибо единое въ этомъ смыслѣ есть начало количества, а существованіе количества мыслимо лишь въ предположеніи предшествующаго бытія сущности и начала высшаго, чѣмъ сама сущность. Отстраняя мысль о такомъ единствѣ, какое представляютъ собою точка и единица, мы пользуемся тою и другою только какъ аналогіями и примѣрами наиболѣе извѣстной намъ простоты, отсутствія множественности и раздѣленности (для уясненія понятія верховнаго начала).

6. Въ какомъ же, спрашивается, смыслѣ слѣдуетъ называть (верховное начало) единымъ и какъ намъ свою мысль приравнять къ нему?—Несомнѣнно прежде всего, что Ему принадлежитъ безконечно совершеннѣйшее единство чѣмъ то, какое представляютъ собою точка и единица, потому что въ представленіи той и другой душа, абстрагируя величину (геометрическую) и численную множественность, получаетъ нѣчто самое меньшее и успокаивается на немъ, имѣя нѣчто дѣйствительно недѣлимое, однако такое, которое имѣетъ бытіе лишь въ чемъ

---

¹⁾ Другими словами,—не въ томъ смыслѣ, что „единый“ есть предикатъ какаго-то другого субъекта, а въ томъ, что онъ есть также и субъектъ.

либо другомъ и притомъ въ дѣлимомъ, между тѣмъ какъ верховное начало, не только въ чемъ либо дѣлимомъ, но и ни въ чемъ другомъ не находится и если оно есть недѣлимое, то вовсе не потому, что есть нѣчто самое меньшее, такъ какъ напротивъ оно есть самое большее не по величинѣ, конечно, а по своему могуществу; не имѣя величины (геометрической), оно конечно недѣлимо тѣмъ болѣе, что существа, стоящія ниже его, тоже суть недѣлимые по своимъ силамъ, а не по массамъ (ибо они безтѣлесны); можно пожалуй называть его безконечнымъ (*ἄπειρον*), но опять таки не въ смыслѣ величины, или массы необозримой, а въ смыслѣ необъятнаго безмѣрнаго всемогущества (*ἀπερίληπτω τῆς δυνάμεως*), такъ что когда станетъ представлять себя умъ, или божество, оно все еще больше и того и другого, ибо если попытаетесь мыслить самое высшее и совершеннѣйшее единство, какое мы обыкновенно вносимъ въ представленіе божества, то и оно не будетъ вполне адекватнымъ верховному началу, которое, будучи самосущимъ и исключая изъ себя все акцидентальное (т. е., будучи необходимымъ), есть въ то же время довлѣющее себѣ, притомъ въ превосходнѣйшей степени есть совершенное—самодовлѣющее, ни въ чемъ другомъ не нуждающееся (*ἰκανῶτα τῶν ἀπάντων καὶ αὐταρξέστατον καὶ ἀνευδεέστατον*). Все, что не есть единое, а многое, есть также недостающее, нуждающееся, пока изъ многого не станетъ единымъ, такъ что все существующее нуждается въ единствѣ, между тѣмъ какъ верховное начало (ни въ немъ, ни) въ самомъ себѣ не нуждается, ибо само есть единство (въ которомъ все прочее нуждается). Все сложное обыкновенно нуждается въ такомъ же количествѣ элементовъ, изъ какого само состоитъ, потому что каждый изъ его элементовъ, существуя не самъ по себѣ и для себя, а въ зависимости отъ всѣхъ прочихъ, понятно, нуждается во всѣхъ прочихъ, такъ что все таковое нуждается въ другомъ и каждою изъ своихъ частей и всею своею цѣлостію. Поэтому, и наоборотъ, если духовное начало есть всецѣло самодовлѣющее, то это потому, что оно, какъ абсолютно единое, ни въ чемъ не нуждается ни для себя, ни для чего нибудь другого,—не

имѣеть ни въ чемъ нужды ни для того, чтобъ существовать, ни для того, чтобъ быть блаженнымъ, ни для того, чтобъ имѣть подъ собою опору: бытіемъ своимъ оно не обязано ничему другому, потому что напротивъ оно есть (верховная) причина всего существующаго; источникомъ блаженства для него ничто внѣшнее тоже быть не можетъ, потому что блаженство его вовсе не есть что либо для него случайное, а составляетъ саму природу его, наконецъ, такъ какъ оно не занимаетъ никакого мѣста, то оно не требуетъ ни какой подъ собою опоры, какъ будто не имѣя силы само собою и на себѣ держаться, на подобіе того, какъ бездушная вещь, нуждается въ опорѣ и какъ глыба падаетъ, если на чемъ либо не опирается,—тѣмъ болѣе, что напротивъ все прочее на немъ утверждается, имѣя отъ него и бытіе, и мѣсто для своего существованія, а все, что нуждается въ мѣстѣ для своего существованія, уже поэтому не есть самодовлѣющее. Вообще говоря, всякое начало не нуждается въ томъ, что послѣ него (что есть его слѣдствіе); поэтому начало всѣхъ вещей ни въ чемъ не нуждается. Напротивъ, если что либо не довлѣетъ себѣ, то не довлѣетъ потому, что нуждается въ своемъ началѣ. Это значитъ, что если бы верховное начало, какъ единое, нуждаясь въ чемъ либо иномъ, стремилось стать инымъ, переставъ быть единымъ, то это равносильно было бы стремленію къ самоуничтоженію, а между тѣмъ если нѣчто нуждается въ чемъ либо и ищетъ этого, то это всегда лишь въ желаніи самосохраненія и достиженія блага. Изъ этого слѣдуетъ, что такъ какъ для Первоединого нѣтъ никакого блага внѣ и кромѣ его самого, то въ немъ нѣтъ мѣста ни для какихъ желаній; Онъ самъ есть высочайшее благо (*ὑπεράγαθον*), притомъ благо не для себя самого, а для другихъ существъ—для тѣхъ, которыя могутъ участвовать въ немъ. Равнымъ образомъ ему не принадлежитъ ни мышленіе, такъ какъ оно вносило бы въ него многообразіе, ни движеніе, такъ какъ Онъ предшествуетъ (въ порядкѣ бытія) движенію точно такъ же, какъ и мышленію. Да и что, спрашивается, онъ сталъ бы мыслить,—ужь не самого ли себя? Но это значило бы, что до употребленія мышленія Онъ не знаетъ себя и что нуждается въ мыш-

леніи для познанія себя тотъ, который всецѣло довлѣетъ самому себѣ. Впрочемъ, если Онъ не мыслить и не познаетъ себя, то это вовсе не значитъ, что невѣдѣніе составляетъ его принадлежность, потому что невѣденіе предполагаетъ отношеніе познающаго къ предмету познанія, между тѣмъ какъ Онъ будучи абсолютно-единнымъ не имѣетъ въ себѣ ничего такого, что можно было знать или не знать, а будучи всегда присуцъ самому себѣ, при такомъ единствѣ своемъ, не имѣетъ никакой надобности мыслить самого себя. Чтобы сохранить во всей чистотѣ его единство, слѣдуетъ удалить изъ его понятія даже это себѣ присущее, и уже тѣмъ болѣе—мышленіе, разумѣніе, познаніе себя и всего другого и представлять его себѣ не какъ мыслящій субъектъ—а какъ саму мысль, которая вѣдь сама не мыслить, но за то есть та причина, которая дѣлаетъ мыслящимъ то или другое существо и которая не можетъ быть тождественна съ своимъ произведеніемъ. На этомъ основаніи верховная причина всего существующаго не тождественна ни съ чѣмъ существующимъ, она не есть даже простая сума всѣхъ тѣхъ благъ, которыя она расточаетъ, а есть благо въ иномъ абсолютномъ смыслѣ слова—благо надъ всѣми и всяческими благами (*τὰγαθὸν ὑπὲρ τὰ ἄλλα ἀγαθὰ*).

7. А если такъ, если верховное существо такъ не похоже на все прочее существующее, что умъ твой впадаетъ въ недоумѣніе, то ты прежде всего обзри внимательно этотъ окружающій тебя міръ, и лишь послѣ этого устрями взоръ свой на Бога и не гляди уже больше ни на что постороннее, ибо Богъ не въ опредѣленномъ какомъ нибудь мѣстѣ находится, лишая все прочее своего присутствія, но присутствуетъ вездѣ, гдѣ находится кто либо желающій и способный вступить въ общеніе съ нимъ, и отсутствуетъ лишь для тѣхъ, которые на это не способны. Вѣдь и въ другихъ случаяхъ нельзя имѣть отчетливаго представленія о предметѣ, когда мысль бываетъ наполнена и занята другими предметами, и лишь подъ тѣмъ условіемъ достигаемъ мы тождественнаго съ сущностію предмета понятія о немъ, если не вносимъ въ него ничего посторонняго; точно также и тѣмъ болѣе слѣдуетъ тутъ поступать,

ибо само собою понятно, что мысль не можетъ всецѣло отдаться созерцанію Бога въ то самое время, когда ее отвлекаетъ какой либо другой живой образъ, и что душа, наполненная такими образами не въ состояніи воспринять и отпечатлѣть въ себѣ образъ того, который не имѣетъ съ ними никакого сходства. Поэтому, если относительно матеріи извѣстное основоположеніе гласитъ, что она должна быть лишена всѣхъ качествъ для того чтобъ быть способною къ воспринятію всѣхъ и всяческихъ формъ, то тѣмъ болѣе необходимо въ разсматриваемомъ случаѣ душѣ быть свободною, чистою отъ какихъ бы то ни было формъ, образовъ, если она желаетъ, чтобъ ничто не мѣшало ей наполниться сіяніемъ свѣта верховнаго существа (τῆς φύσεως τῆς πρώτης). Итакъ, кто, отрѣшившись всецѣло отъ всего внѣшняго и углубившись внутрь себя, не дастъ отвлекать себя отсюда ничему оркужающему, устранить изъ сознанія всѣ вещи и всѣ представленія объ нихъ, тотъ въ этомъ состояніи, не замѣтитъ съ отчетливостію даже того, что уже наступило для него лицезрѣніе Бога и общеніе съ нимъ, и лишь вдоволь насладившись этимъ общеніемъ, по прекращеніи его, можетъ повѣдать о немъ другимъ, если только оно можетъ быть выражено и описано. Есть сказаніе, что Миносъ съ Зевсомъ имѣлъ такое общеніе и совѣщаніе, которое потомъ вспомнилъ и запечатлѣлъ въ своихъ законахъ, и что, редактируя свое уложеніе, онъ продолжалъ находиться подъ вліяніемъ божественнаго наитія (τῇ τοῦ θεοῦ ἐπαφῇ) ¹⁾. Впрочемъ, кто находится въ этомъ высокомъ состояніи, тому едва ли придетъ на умъ ни-спасть съ такой высоты въ область политики, особенно если оно бываетъ не мгновенно, а сколько нибудь продолжительно. (Для каждаго изъ насъ оно возможно, потому что) Богъ не внѣ и вдали отъ насъ находится, а всегда при насъ, и только нами не замѣчается; люди сами становятся внѣ Бога и отчуждаются отъ него въ такой же мѣрѣ, какъ и отъ самихъ

1) Несомнѣнно тутъ разумѣется прежде всего мѣсто Одиссеи—XIX, 178
.....ἐνθα τε Μίνως

ἐννέωρος βασιλεὺς Διὸς μεγάλου ἄριστός... а затѣмъ первая страница Платоновыхъ законовъ.

себя, и понятно не могутъ достигнуть того, отъ котораго убѣгаютъ, какъ не могутъ обрѣсти истинно-сущее въ погибели своего собственнаго существа. Сынъ въ состояніи безумія, какъ говорится, выйдя изъ себя, пожалуй не узнаетъ даже отца своего, но познавшій, какъ должно, себя самого, узнаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и то, откуда онъ есть.

8. Если душа помнитъ о своей жизни въ прежнее время (до воплощенія), то она вмѣстѣ съ тѣмъ знаетъ, что свойственное ей природѣ движеніе есть не прямолинейно, а круговое, притомъ не около чего нибудь внѣшняго (внѣ орбиты лежащаго), а около центра. А такъ какъ центръ есть начало круга, то это значитъ, что, двигаясь около своего центра, душа движется около того начала, отъ котораго происходитъ, и этимъ своимъ движеніемъ стоитъ въ тѣсной связи и въ соотвѣтствіи съ своимъ началомъ. Такъ должно-бы быть со всѣми душами, не только души боговъ всегда находятся въ такомъ положеніи, которое и дѣлаетъ ихъ богами, ибо чья душа стоитъ всегда въ тѣсной связи съ началомъ (всего духовнаго міра), тотъ есть богъ, чья значительно отдѣлилась отъ него, тотъ имѣетъ многочастную природу человѣка, а то и звѣря. Спрашивается теперь, этотъ центръ, около котораго движется душа, есть ли то самое начало, которое мы ищемъ, или же должно допустить еще другое (высшее) начало, въ которомъ сходятся всѣ центры? Прежде всего однако сдѣлаемъ оговорку, что мы прибѣгаемъ къ помощи центра и круга лишь въ качествѣ аналогій и что, называя душу кругомъ, вовсе не то думаемъ сказать, что душа имѣетъ фигуру круга, а то, что внутри и внѣ вокругъ ея находится первичное или верховное существо (*ἀρχαία φύσις*), отъ котораго она беретъ свое начало (и стоитъ съ нимъ въ неразрывной связи), пока остается свободною (отъ тѣла). Теперь же, когда нѣкоторая часть нашего существа заключена въ тѣло, мы похожи на человѣка, стоящаго по поясъ въ водѣ, а остальнымъ корпусомъ выдающагося изъ воды, и вотъ этою-то непогруженною въ тѣло частию (нашей души) возвышаясь (надъ уровнемъ всего чувственнаго), вмѣстѣ съ тѣмъ этимъ какъ бы центромъ нашего существа впадаемъ въ общій центръ

всѣхъ существъ на подобіе того, какъ центры большихъ круговъ совпадаютъ съ центромъ окружающей ихъ сфѣры. Еслибы круги души были тѣлесными, тогда конечно такой общій центръ долженъ былъ-бы занимать извѣстное мѣсто, чтобъ они съ нимъ совпадали и около него вращались; а такъ какъ души суть существа ноуменальнаго міра, а верховное существо совершеннѣе самого ума, то слѣдуетъ думать, что связь съ нимъ души осуществляется иными путями, чѣмъ взаимоотношеніе между умомъ и тѣмъ, что составляетъ предметъ его мышленія. Слѣдуетъ думать, что эта связь есть болѣе внутренняя и глубокая, чѣмъ то отношеніе мышленія къ мыслимому, которое основывается на сходствѣ и тождествѣ, что она основывается на такомъ сродствѣ (*συγγενεί*) души съ верховнымъ существомъ, которое способно устоять противъ всякой попытки разобщенія. Тѣла, конечно, сами не способны къ соединенію и совпаденію (по закону непроницаемости), но даже тѣла не могутъ препятствовать соединенію безтѣлесныхъ сущностей, потому что раздѣляющее ихъ другъ отъ друга есть не разстояніе въ пространствѣ, а только ихъ собственное разнообразіе, различіе, а потому какъ только это различіе исчезаетъ, они становятся присущи другъ другу. Такъ какъ верховное существо не имѣетъ въ себѣ инаковости, то оно всегда и всему присуще, а мы соприсутствуемъ ему тогда, когда освобождаемся отъ инаковости; оно не устремлено къ намъ и не движется около насъ, напротивъ мы къ нему стремимся, мы всегда вокругъ его движемся, но не всегда только направляемъ на него взоры свои, и въ этомъ разѣ уподобляемся хору пѣвцовъ, которые, хотя всегда окружаютъ корифея, но иногда поютъ нестройно, не въ тактъ, потому что, отвернувшись отъ него, обращаютъ взоръ и вниманіе на что нибудь постороннее, между тѣмъ какъ еслибы они были постоянно обращены лицомъ къ нему, то пѣли бы стройно, составляя всѣ какъ-бы одно съ нимъ. Подобнымъ образомъ и мы всегда находимся вокругъ верховнаго существа, ибо въ противномъ случаѣ, т. е., если-бы совсѣмъ отдѣлились отъ него, то тотчасъ-бы перестали бы существовать, но только не всегда мы направляемъ взоры

свой на него, за то всякій разъ какъ удостоиваемся узрѣть его, мы достигаемъ послѣдняго предѣла нашихъ желаній, успокоиваемся, не внося болѣе никакого диссонанса въ цѣлый, окружающій Первоединнаго, божественный хоръ.

9. Кто удостоится присутствовать въ этомъ хорѣ, тотъ можетъ узрѣть здѣсь источникъ жизни, источникъ ума, начало всякаго бытія, причину всякаго блага, корень души. Все это производитъ Первоединный, нисколько оттого не умалаясь, такъ какъ онъ есть безтѣлесный. Не будь онъ таковымъ, тогда все, происшедшее отъ него, было-бы тлѣннымъ, между тѣмъ какъ (всѣ названныя сейчасъ) сущности вѣчны, вѣчны потому, что Онъ—виновникъ ихъ пребываетъ въ себѣ неизмѣнно и не дѣлится въ нихъ, но остается цѣлостнымъ,—вотъ почему и онѣ пребываютъ вѣчно подобно тому, какъ пребываетъ свѣтъ, пока пребываетъ солнце. Да и мы не смотря на то, что насъ влечетъ къ себѣ природа облакающаго насъ тѣла, не отдѣлены отъ Бога, не разобщены съ нимъ, напротивъ, можно сказать, мы имъ только и дышемъ, имъ сохраняемъ свое существованіе (*ἐμπνέομεν καὶ σωζοῦμεθα*), потому что Онъ не удаляется отъ насъ, давши намъ жизнь, но постоянно даетъ (ее) намъ, насколько Онъ самъ неизмѣняемъ, или вѣрнѣе, насколько мы обращаемся и стремимся къ нему; въ общеніи съ нимъ наше блаженство и совершенство, а удаленіе отъ Него равносильно паденію и извращенію; воспаривши къ нему—въ это мѣсто чистое отъ всякихъ золь, душа и сама освобождается отъ всякаго зла и обрѣтаетъ тутъ чистый покой, тутъ только она, ставъ безстрастною и обратившись въ чистую мысль, живетъ настоящею истинною жизнію. Жизнь обычная, безъ общенія съ Богомъ, есть лишь тѣнь, слабое подобіе этой истинной жизни, ибо истинная жизнь есть не иное что, какъ та энергія ума, которая въ таинственномъ общеніи и союзѣ съ Первоначаломъ, раждаетъ боговъ, раждаетъ красоту, раждаетъ справедливость и всякую добродѣтель. Всѣмъ этимъ бременѣтъ душа, когда полна бываетъ отъ Божія присутствія, ибо въ Богѣ и ея начало и ея конецъ,—начало потому, что отъ него (произошла), а конецъ потому, что въ немъ ея благо,

и вотъ почему только въ общеніи съ нимъ она становится такою, какою была первоначально, между тѣмъ какъ обычная земная жизнь среди чувственныхъ вещей, есть для нея ниспаденіе, изгнаніе, потеря крыльевъ (*ἔκπτωσις καὶ φουρή καὶ πτερορύησις*). Доказательствомъ того, что благо наше лежитъ тамъ—въ Богѣ, можетъ служить прирожденная душѣ нашей потребность любви, какъ это наглядно выражается на картинахъ и въ мифахъ, въ которыхъ Эросъ и Психа являются связанными супружескимъ союзомъ. Это вотъ что означаетъ: такъ какъ душа, будучи иною, чѣмъ Богъ, однако происходитъ отъ него, то для нея любовь къ нему составляетъ естественную необходимость; но только пока душа обитаетъ тамъ на небѣ, она любитъ Бога небесною любовію и остается небесною Афродитой, здѣсь же на землѣ она становится Афродитой общественной, какъ бы дѣлается гетерой. Такимъ образомъ выходитъ, что всякая душа есть Афродита, какъ это выражаетъ и мифъ о рожденіи Афродиты одновременно съ Эросомъ: пока душа слѣдуетъ побужденіямъ своей истинной природы, она любитъ Бога и горитъ желаніемъ соединиться съ нимъ подобно тому какъ чистая дѣвушка, съ согласія отца, по чистой искренней любви (желаетъ соединиться съ избранникомъ своего сердца); когда же душа ниспадаетъ въ область всяческаго рожденія, то тутъ, вдали отъ своего отца, она, обольщаемая лживыми обѣщаніями (всякаго встрѣчнаго) соблазнителя, перемѣняетъ свою прежнюю (небесную) любовь на любовь смертную и нечистую и затѣмъ подвергается всяческимъ поруганіямъ; однако въ концѣ концовъ ей становится отвратительнымъ и невыносимымъ это ея поруганное состояніе,—тогда она очищается отъ всѣхъ здѣшнихъ сквернъ, возвращается къ своему отцу и на донѣ его опять чувствуетъ себя счастливою. Кому не известно, сколь блаженно это состояніе души, тотъ можетъ составить приблизительное представленіе о немъ по аналогіи съ тѣмъ упоеніемъ, которое дается людямъ и здѣсь въ тотъ моментъ, когда ихъ любовныя стремленія осуществляются, съ тѣмъ однако ограниченіемъ, что все, служащее здѣсь предметомъ любви и желаній, тлѣнно, вредоносно и призрачно и что

самыя привязанности наши ко всему подобному обыкновенно бывають непрочны, часто и скоро мѣняются. и это именно, потому что не среди этого рода вещей находится то, что мы можемъ любить поистинѣ, что составляетъ наше истинное благо, къ чему мы стремимся, а только тамъ—Тотъ, который поистинѣ достоинъ нашей любви, тотъ, съ которымъ легко можно войти въ общеніе и союзъ, такъ какъ онъ не имѣетъ на себѣ никакой тѣлесной оболочки. Кто позналъ (опытно) такое общеніе, тотъ только знаетъ, что я говорю,—знаетъ, что душа, устремленная къ Богу и пришедшая къ нему, начинаетъ жить совсѣмъ иною жизнью, ибо становится участницею въ его жизни и понятно, что въ этомъ состояніи, чувствуя присутствіе въ себѣ первоисточника истинной жизни, не желаетъ ничего больше, напротивъ все прочее отметаешь, отъ всего окружающаго отвращается и отрѣшается, чтобъ утвердить себя всецѣло въ одномъ Богѣ и стать едино съ нимъ. Изъ этого слѣдуетъ, что всѣ мы должны стараться о томъ, какъ бы намъ поскорѣе удалиться отселѣ, какъ бы освободиться отъ тяжести связывающихъ (душу) тѣлесныхъ узъ, и всѣ силы употреблять на то, чтобы всѣмъ существомъ нашимъ соединиться съ Богомъ, такъ чтобы въ насъ не оставалось ничего такого, что препятствовало бы такому полному единенію съ нимъ. Кто удостоивается такого единенія,—тотъ зреть Бога, зреть въ немъ самаго себя, насколько это возможно (для нашей природы),—видитъ себя просвѣтленнымъ, въ сіяніи духовнаго свѣта,—даже болѣе,—видитъ себя, какъ самый свѣтъ чистый, тонкій, легкій; ему кажется тогда, что онъ самъ какъ бы обратился въ божество и есть божество, что онъ весь пламенѣетъ, какъ горящій огонь; когда же минуетъ это состояніе, онъ опять становится тяжелымъ и мизернымъ.

10. Однако, почему же душа не остается всегда въ этомъ состояніи?—Да потому, что она не достигла еще полного отрѣшенія (отъ всего чувственнаго), но нѣкогда она будетъ непрерывно наслаждаться лицезрѣніемъ Бога,—это тогда, когда перестанутъ возмущать ее тѣлесныя страсти. Впрочемъ, это лицезрѣніе имѣетъ мѣсто не въ той части души, которая вол-

нуется страстями (не въ душѣ неразумной), а въ той другой (высшей, разумной), которая однако бываетъ не способна къ такому лицезрѣнію тогда, когда (другою своею частію) занята бываетъ познавательною дѣятельностію въ формѣ разсужденій, догадокъ, доказательствъ, такъ что созерцателемъ въ этомъ случаѣ является не разумъ или разумъ, а нѣчто столь же большее и высшее разума (т. е. умъ), какъ и то, что составляетъ предметъ созерцанія. Въ этомъ созерцаніи созерцающій (Бога) увидитъ (въ немъ) и себя самаго такимъ (каковъ онъ), ибо почувствуетъ, что въ общеніи (съ Богомъ) сталъ простъ, чистъ (какъ и онъ). Хотя (въ этомъ созерцаніи) есть на лицо созерцающій и созерцаемое, двѣ стороны, а не одна, однако, какъ ни смѣло это покажется, но можно сказать, что созерцатель тутъ собственно не созерцаетъ, ибо самъ становится тѣмъ, что есть созерцаемое, онъ не усматриваетъ, не различаетъ, не воображаетъ никакого двойства, ставши (въ этомъ состояніи) совсѣмъ инымъ, переставши быть тѣмъ, чѣмъ былъ, ничего не сохранивши отъ прежняго себя; поглощенный (созерцаемымъ) онъ становится едино съ нимъ на подобіе того какъ центръ совпадаетъ въ одной точкѣ съ другимъ центромъ, ибо такіе два центра составляютъ одно, насколько совпадаютъ въ одной точкѣ, и въ то же время представляютъ двойство, насколько они суть центры двухъ различныхъ круговъ; въ такомъ же приблизительно смыслѣ мы и (о душѣ) говоримъ, что она иное есть существо (чѣмъ Богъ). Но само собою понятно, что весьма трудно передать такого рода созерцаніе, ибо какъ въ самомъ дѣлѣ созерцатель изобразитъ созерцаемаго отличнымъ отъ себя, когда во время созерцанія между тѣмъ и другимъ, вмѣсто обособленія, бываетъ сліяніе ихъ воедино?!

11. Вотъ на чемъ собственно основывается обычное въ мистеріяхъ запрещеніе посвященнымъ дѣлиться тайнами съ непосвященными: такъ какъ божественное невыразимо, неопишимо, то и запрещается толковать о божественномъ съ тѣми, которые не удостоились еще созерцать его. Такъ какъ въ моментъ лицезрѣнія Бога исчезаетъ всякое двойство, такъ

какъ созерцающій тутъ отождествляется до такой степени съ созерцаемымъ, что, собственно говоря, не созерцаетъ его, а сливается съ нимъ воедино, то понятно, что лишь тотъ можетъ сохранить въ себѣ образъ Бога, кто можетъ сохранить цѣлымъ воспоминаніе о томъ, какимъ самъ онъ былъ во время лицезрѣнія Божія, бываетъ же самъ онъ тогда въ состояніи такого объединенія, самососредоточенія, въ которомъ не сознаетъ никакого различія ни въ себѣ самомъ, ни по отношенію ко всему другому; въ этомъ экзальтированномъ его состояніи никакая душевная дѣятельность не проявляетъ себя—ни гнѣвъ, ни пожеланіе, ни разумъ, ни даже мышленіе; можно сказать, что онъ тутъ и самъ весь какъ бы исчезаетъ, ибо восхищенный и изступленный (*ἀρπασθεὶς ἢ ἐνδοσιασθεὶς*) очутившись въ полномъ уединеніи отъ всего и въ совершенной тишинѣ, погрузившись всецѣло въ глубину собственнаго существа, не обращая вниманія ни на что другое даже на самого себя, онъ словно столбенѣетъ, весь обращается въ полный чистый покой; даже ничто прекрасное его не привлекаетъ въ то время, какъ духъ его воспаряетъ выше самой красоты, выше всего сонма добродѣтелей, подобно тому, какъ проникшій во внутреннее святилище оставляетъ позади себя статуи, стоящія въ храмѣ, какъ такіе предметы, которые предстанутъ первыми его взору уже послѣ того, какъ онъ узрѣлъ сокровенное святое святыхъ и наслаждался общеніемъ не съ образомъ, или изваяніемъ, которому принадлежитъ лишь второстепенное значеніе, а съ самимъ Божествомъ. Собственно говоря, слово созерцаніе, зрѣлище (*θεάμα, θεάα*) не выражаютъ вполнѣ (характера этого состоянія души въ общеніи съ Богомъ), ибо это есть скорѣе всего экстазъ, превращеніе себя въ нѣчто совершенно простое и чистое, приливъ силы, жажда тѣснѣйшаго единенія, напряженіе ума въ стремленіи къ возможно полному сліянію съ тѣмъ, котораго желательно зрѣть во святая святыхъ единенія, а въ концѣ всего полнѣйшее успокоеніе (*ἔκστασις καὶ ἀπλωσις καὶ ἐπίδοσις αὐτοῦ καὶ ἔφεσις πρὸς ἀφῆν καὶ στάσις καὶ περινόησις πρὸς ἐφαρμογῆν, εἴπερ τις ἐν τῷ αὐτῷ θεάσεται*), а кто разсчитываетъ какъ либо иначе узрѣть (Бога), тотъ едва ли уснѣетъ

достигнуть общенія съ нимъ. Мудрѣйшіе изъ прорицателей обыкновенно посредствомъ разныхъ таинственныхъ символовъ давали намеки, какимъ образомъ дается (людямъ) и происходитъ лицезрѣніе Бога, и мудрый гіерофантъ священнослужитель, разумѣющій эти загадочные намеки, проникши во святая святыхъ, можетъ насладиться истиннымъ зрѣлищемъ того, что тутъ находится, ибо еще до проникновенія сюда знаетъ, что тутъ должно находиться нѣчто невидимое—источникъ и начало всего (*ἀόρατόν τι χρῆμα καὶ πηγή καὶ ἀρχή*), а потому (проникши сюда, уже лицомъ къ лицу) видитъ это (верховное) начало и соединяется съ нимъ тѣмъ, что въ себѣ самомъ имѣетъ подобнаго ему—всею наличностію того божественнаго, которое присуще нашей душѣ. Прежде этого, (душа наша) все томится желаніемъ видѣть то, чего еще не видѣла, и само собою понятно, что послѣ того какъ всѣ вещи пройдутъ предъ ея взоромъ, ей остается увидѣть лишь то, что выше всего существующаго. Вѣдь, природа души никоимъ образомъ не можетъ дойти до полнаго, чистаго ничто. Правда, что, падая и оскверняясь зломъ, она тѣмъ самымъ приходитъ въ то состояніе, которое есть своего рода небытіе, но которое все же не есть чистое ничто. Поэтому, и наоборотъ, когда душа беретъ (въ своей жизни) противоположный путь, то (и въ концѣ этого пути) приходитъ не къ чему либо иному, противоположному себѣ, но къ самой себѣ, и если тутъ она оказывается не находящеюся въ чемъ либо другомъ, то это вовсе не то значить, что ея нѣтъ уже ни въ чемъ, а то, что она присутствуетъ лишь въ самой себѣ. Но быть присущею лишь самой себѣ, въ отрѣшеніи даже отъ существующаго, отъ бытія значить для души не что иное, какъ очутиться въ присутствіи самого Бога, а вмѣстѣ съ тѣмъ перестать быть сущностію, и обратиться въ нѣчто столь же высшее, чѣмъ сущность, какъ и Богъ, присущій ей въ это время. Кто удостоивается этого, кто можетъ сказать о себѣ, что онъ иногда становится таковымъ (какъ Богъ), тотъ конечно въ самомъ себѣ имѣетъ образъ и подобіе Бога (*ἔχει ὁμοίωμα ἑαυτοῦ αὐτοῦ*), и если онъ, превзойдя, такъ сказать, самого себя, сталъ такимъ образомъ, который можетъ поравняться съ своимъ пер-

вообразомъ (Богомъ), то онъ достигъ послѣдняго предѣла пути (нравственнаго преспѣянія). Конечно, даже такой не удерживается долго на этой высотѣ лицезрѣнія Божія, но и ниспавши съ этой высоты, онъ, навыкшій бодрствовать добродѣтелию, окрыляемый {всѣми духовными совершенствами, можетъ снова и снова воспарять въ высоту—отъ добродѣтели до ума, отъ ума и мудрости къ самому Богу.

Таковъ путь боговъ, таковъ и путь божественныхъ и блаженныхъ мужей: отрѣшеніе отъ всего земнаго, тлѣннаго, жизнь, отвращающаяся отъ всѣхъ и всякихъ чувственныхъ удовольствій, бѣгство, стремленіе души къ одному только Богу.

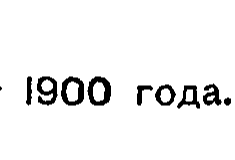
Профессоръ Г. В. Малеванскій.

ЛИСТОКЪ

Л.ИИ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

30 Ноября № 22. 1900 года.

Содержаніе. Записка о засѣданіяхъ Харьковскаго Миссіонерскаго Совѣта 18—20 августа п. г. съ участіемъ священниковъ изъ зараженныхъ сектантствомъ селеній (продолженіе).—Росписаніе очереднаго проповѣданія слова Божія протоіереемъ и священникамъ г. Харькова и подгородныхъ селеній въ Кафедральномъ соборѣ въ воскресные и праздничные дни и въ приходскихъ и домовыхъ церквахъ въ храмовые и въ праздники въ теченіе 1901 года.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія в замѣтки.—Объявленія.

Записка о засѣданіяхъ Харьковскаго Миссіонерскаго Совѣта 18—20 августа п. г. съ участіемъ священниковъ изъ зараженныхъ сектантствомъ селеній.

(Продолженіе *).

К р а т к і й к а т и х и з и с ъ .

Введеніе. Для спасенія намъ необходимы истинная вѣра и добрыя дѣла. Истинная вѣра едина (Ефес. 4, 4—6), а для дѣлъ добрыхъ нужно исполнять всѣ данныя намъ отъ Господа и апостоловъ наставленія и заповѣди (Матѣ. 28, 18—20). Иной отступникъ и пновѣрецъ, можетъ быть, особенно худыхъ дѣлъ не дѣлаеть, но онъ вѣры истинной не держитъ, в потому онъ поступаетъ своевольно, подобно Саулу.

Седьмой членъ Символа вѣры. Знать о времени втораго пришествія Господа на землю намъ не дано (Дѣян. 1, 7), поэтому мы и не должны сего доискиваться. Мы всегда должны быть готовы встрѣтить Господа, какъ и свою собственную смерть; однако колебаться умомъ и смущаться не должно (2 Тессал. 2, 1—2).

Осьмой членъ. Св. Писаніе, написанное по вдохновенію отъ Духа Святаго, есть мудрость, которой человекъ не можетъ уразумѣть самъ собою; (2 Петр. 1, 19—21); когда за сіе берется не-

---

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“, за 1900 г. № 21.

вѣжда и человекъ не поставленный, то онъ извращаетъ Писанія (2 Петр. 3, 14—16). Посему то въ древнія времена и нынѣ истинно благочестивые люди за изъясненіемъ Св. Писанія всегда обращаются къ поставленнымъ для сего пастырямъ Церкви (Дѣян. 8, 27—35).

Девятый членъ. Церковь есть общество истинно вѣрующихъ въ Иисуса Христа, установленное Самимъ Господомъ Христомъ (Мате. 16, 18). Церковь Христова есть хранительница истины (1 Тимое. 3, 15), почему и называется „православной“, т. е. право славящей Господа. Тѣ св. храмы, въ которые собирается церковь для молитвы, также называются церквами. Кто отдѣляетъ себя отъ этой святой, соборной и апостольской православной церкви, и противится ей, тотъ становится отступникомъ и противникомъ Самого Господа Христа (Мате. 18, 17; Лук. 10, 16); таковы всѣ отступники и противники св. Церкви, именуемые штундистами, баптистами, молоканами, духоборцами, пашковцами, раскольниками и иныя. Обо всѣхъ отступникахъ и противникахъ св. Церкви, иначе называемыхъ еретиками,—въ Словѣ Божіемъ написано: они отдѣляются отъ единства вѣры (Иуд. 1, 17—21), отъ призваннаго благодатию Христовою священника переходятъ къ иному благовѣствованію вслѣдствіе людей смущающихъ (Галат. 1, 6—8), отступаютъ отъ вѣры чрезъ лицемѣріе лжесловесниковъ (1 Тимое. 4, 1—3); они пустословы и невѣжды, желающіе быть законоучителями (Тимое. 1, 3—7), извращающіе апостольскія Писанія (2 Петр. 3, 15—17); будучи лукавыми, они приипмаютъ видъ добрыхъ служителей правды (2 Коринѣ. 11, 13—15), эти льстивые лжеучители дерзко злословятъ выспихъ (2 Петр. 2, 1—11). Ихъ въ свое время постигнетъ судъ Божій, какой постигъ Корея, Даана и Авирона. Послушные св. Церкви истинные христіане должны остерегаться всѣхъ отступниковъ и еретиковъ и удаляться отъ нихъ (Римл. 16, 17—18), ибо споры съ ними могутъ быть не только бесполезны, но даже вредны (Тит. 3, 9—11. 1 Тимое. 6, 3—5).

Десятый членъ. Св. Причащеніе. На тайной вечери Господь Самъ сказалъ о благословенныхъ Имъ хлѣбѣ и винѣ. „Сіе есть Тѣло Мое, Сія есть Кровь Моя... сіе творите въ Мое воспоминаніе“. (Мате. 26—28; Лук. 22 19—20; 1 Коринѣ. 11, 23—29; 10—16). Кромѣ того, Господь сказалъ: „если не будете ѣсть Плоти Сына Человѣческаго и пить Крови Его, то не будете имѣть въ себѣ жизни (Іоан. 6, 51—57). Посему у насъ, по заповѣди Господней

на Божественной Литургіи совершается таинство св. причащенія, и мы подъ видомъ хлѣба и вина принимаемъ въ себя Тѣло и Кровь Господню. *Покаяніе.* Господь апостоламъ далъ власть связывать и отпускать грѣхи кающимся людямъ (Матѣ. 18, 18; Іоан. 20, 22—23); отъ святыхъ апостоловъ сія власть перешла къ тѣмъ людямъ, кого они вмѣсто себя поставили, т. е. къ пастырямъ Церкви (Дѣян. 20, 28). *Священство.* Истинные пастыри Церкви суть тѣ, которые вошли во дворъ овчій дверью (Іоан. 10, 1—5), которые имѣютъ на себѣ перешедшее отъ апостоловъ истинное рукоположеніе (1 Тимоѣ. 4, 14), т. е. тѣ, которые законными епископами законно поставлены. Посему всѣ самозванные пресвѣтеры, какіе есть у отступниковъ и противниковъ Церкви, суть тати или волки.

Первая заповѣдь десятисловія. Истинный почитатель святыхъ угодниковъ Божіихъ всегда помнитъ, что св. угодники получили свою благодатную силу и власть отъ Господа Бога, къ Которому они близки (Евр. 12, 22, 23). Посему, почитая святыхъ, мы въ нихъ почитаемъ Самого Господа, и такое почитаніе вполне согласуется съ первою заповѣдію. Посему воистину почитаются св. пророки (4 Цар. 2, 15), Матерь Божія (Лук. 1, 48), всѣ св. праведники (Прит. 10, 8). Память о святыхъ для насъ дорога и сохраняется въ ихъ „житіяхъ“ (Псал. 77, 3—7).

Вторая заповѣдь. Идолы или кумиры были у языческихъ народовъ. Идолы или кумиры суть не дѣйствительные, но вымышленные ложные боги и вещественныя изображенія ложныхъ боговъ (1 Коринѣ. 8, 4; Гал. 4, 8); ихъ язычники почитали вмѣсто Бога истиннаго. Эти ложные боги и ихъ изображенія большею частью были подобны разнымъ тварямъ, находящимся на землѣ вверху, или выше земля, напримѣръ Вааль, Астарта, Валь; припомните исторію прор. Іліи и Давида. Чествуя своихъ идоловъ, язычники служили бѣсамъ (1 Коринѣ. 10, 19, 20).—Христіане служатъ Богу истинному и чествуютъ изображенія или св. иконы Бога истиннаго. На св. иконахъ имѣются изображенія св. лицъ и событій не вымышленныхъ, а дѣйствительныхъ, какъ разсказывается о нихъ въ словѣ Божіемъ. Таковы ветхозавѣтныя изображенія св. Херувимовъ; сказаніе о нерукотворенномъ образѣ Христа Спасителя. Всѣ истинные христіане во св. иконахъ чествуютъ не дерево и краски или металлъ, но тѣхъ св. личностей, которыя изображены на этомъ веществѣ; догматическое опредѣленіе VII

вселенскаго собора о св. иконахъ (см. „Книгу правилъ“) Богоугодность чествованія св. иконъ подтверждается многочисленными чудесами, бывшими при св. иконахъ; мѣстныя чудотворныя иконы. Если намъ любезны портреты отца и матери или другихъ близкихъ и уважаемыхъ нами людей, то тѣмъ болѣе дороги намъ должны быть изображенія Господа Бога и святыхъ Его.

Третья заповѣдь. Клятва на судѣ и въ дѣлахъ общественныхъ или присяга допускается (Евр. 6, 16); клятвенно на судѣ отвѣчалъ Господь (Матѣ. 26, 63, 64), клялись апостолы (2 Корин. 1, 23) По примѣру древнему, клятва произносится съ поднятою правою рукою (Откр. 10, 5. 6).

Четвертая заповѣдь. Суббота есть день ветхозавѣтный, а воскресенье есть новозавѣтный день Христа. І. Христосъ есть господинъ субботы (Матѣ. 12, 8), и потому въ новозавѣтное время для празднованія суббота замѣнена воскресеньемъ. Замѣна субботы днемъ воскреснымъ стала при св. апостолахъ (Дѣян. 20, 7; 1 Корин. 16, 1. 2; Откр. 1. 10).

Ученіе о богослуженіи.

1. *Что называется церковнымъ богослуженіемъ.* Почему для насъ близки и дороги церковныя книги на славянскомъ языкѣ? Припомнить статью о крещеніи Руси.

2. *Храмъ.* Почему дома молитвы или св. храмы называются „церквами“? Припомнить изъ статьи о девятомъ членѣ.

3. *Священныя изображенія.* Когда первоначально явились изображенія св. ангеловъ? Когда можно стало изображать Господа на иконахъ? Поклоняясь предъ св. иконами, кому мы относимъ честь сію? Припомнить статью объ устройствѣ скиніи и ветхозавѣтнаго храма, о крещеніи Господнемъ и о второй заповѣди.

5. *Лица, совершающія Богослуженіе.* Кто установилъ священство и священныя степени? Кто суть истинные пастыри церкви? Припомнить статьи о сошествіи Св. Духа и десятомъ членѣ.

6. *Важнѣйшіе праздники.* Съ какого времени стали праздновать воскресенье? Припомнить статью о четвертой заповѣди.

7. *Посты православной церкви.* Припомнить о постѣ Іисуса Христа послѣ крещенія и о пищѣ Іоанна Крестителя.

9. *О литургіи.* Кто установилъ св. причащеніе и литургію? Припомните о тайной вечери и о десятомъ членѣ.

З а к л ю ч е н і е   ш к о л ь н о й   к о м м и с с і и .

Принимая во вниманіе опредѣленіе Св. Синода объ умноженіи церковныхъ школъ и о надлежащей въ постановкѣ въ мѣстностяхъ съ раскольническимъ и сектантскимъ населеніемъ, школьная коммиссія прѣшла къ заключенію, что въ школахъ, которыя посѣщаются дѣтьми раскольниковъ, при обученіи соблюдать слѣдующія особенности: 1) При изученіи Закона Божія, истины о созданіи Господомъ Церкви, о бытіи въ ней епископовъ и семи таинъ непрерывно до второго пришествія, о невозможности спасенія безъ причащенія тѣла и крови Христовыхъ и безъ другихъ таинствъ, о различіи догматовъ и обрядовъ и о власти Церкви исправлять послѣднее—внушаются дѣтьми съ должною полнотою и съ указаніемъ на свидѣтельства Св. Писанія и старо-печатныхъ книгъ, причемъ нѣкоторыя изъ этихъ свидѣтельствъ даже заминаются дѣтьми вавзустъ; но при изложеніи сихъ истинъ не упоминается объ отступленіи старообрядцевъ и тѣмъ болѣе не допускается порицаній старообрядчества. 2) На церковно-славянское чтеніе отводится болѣе учебнаго времени, чѣмъ въ прочихъ школахъ. 3) Дѣти старообрядцевъ Псалтирь и Часовникъ читаютъ по изданіямъ единовѣрческимъ; Новый-же Заветъ читаютъ по изданіямъ Св. Синода. 4) Азбуку употребляютъ единовѣрскаго изданія, по ней же изучаютъ и первоначальныя молитвы. 5) Изображаютъ крестное знаменіе двумя перстами и полагаютъ такъ называемый „началь“ по обычаю старообрядцевъ. Что-же касается мѣстностей съ сектантскимъ населеніемъ, то для надлежащей постановки обученія въ церковныхъ школахъ сихъ мѣстностей коммиссія находила полезнымъ принять въ руководство: „Примѣрное распредѣленіе апологетическаго матеріала въ курсѣ Закона Божія для одноклассныхъ церковно-приходскихъ школъ“, Священ. Іуст. Ольшевскаго, при чемъ коммиссія и выразила желаніе, чтобы эта программа была напечатана и чтобы священ. Ольшевскій составилъ учебное руководство по содержанію представленной имъ программы.

Находя возможнымъ апологетическую постановку программъ по Закону Божію въ одноклассныхъ церковно-приходскихъ школахъ для мѣстностей съ сектантскимъ населеніемъ, коммиссія выразила желаніе соотвѣтственную постановку преподаванія Закона Божія ввести въ курсъ второклассныхъ школъ, причемъ въ первые два года апологетическій матеріалъ совмѣстятъ съ нормальной прог-

раммой по Закону Божию, а въ третій годъ выдѣлить въ особый повторительный курсъ съ подробнымъ разборомъ главныхъ сектантскихъ заблужденій. Съѣздъ одобрилъ это постановленіе.

По Указу Правительствующаго Синода отъ 9 Августа н. г. за № 4717, въ виду значительнаго распространенія среди населенія Харьковской епархіи сектантства, въ формѣ штунды и толстовщины, и съ цѣлью большаго укрѣпленія въ сознаніи дѣтей мѣстнаго населенія истинъ православной вѣры, разрѣшить ввести въ курсъ преподаванія Закона Божія въ церковно-приходскихъ школахъ Харьковской епархіи дополнительныя апологетическія свѣдѣнія, указанныя въ составленномъ свящ. Густ. Ольшевскимъ и 3 Всероссійскимъ Миссіонерскимъ Съездомъ одобренномъ „Примѣрномъ распредѣленіи апологетическаго матеріала въ курсѣ Закона Божія для одноклассныхъ церковно-приходскихъ школъ среди сектанскаго населенія“. О состоявшемся опредѣленіи Св. Синода поставлены въ извѣстность всѣ уѣздныя отдѣленія, а вмѣстѣ съ симъ „Примѣрное распредѣленіе апологетическаго матеріала въ курсѣ Закона Божія“ для свѣдѣнія и точнаго руководства законоучителямъ школъ въ мѣстностяхъ, зараженныхъ сектантствомъ, предположено напечатать въ Листкѣ для Харьковской епархіи.

В. Давыденко.

(Окончаніе будетъ).

Росписаніе очереднаго проповѣданія слова Божія протоіереямъ и священникамъ г. Харькова и подгородныхъ селеній въ Кафедральномъ соборѣ въ воскресные и праздничные дни и въ приходскихъ и домовыхъ церквяхъ въ храмовые ихъ праздники въ теченіе 1901 года.

Январь.

Въ Кафедральномъ соборѣ: 1. Новый годъ—свящ. Николай *Любарскій*. 6. Богоявленіе—прот. Іоаннъ *Чижевскій*. 7. Недѣля по Просвѣщеніи—прот. Василій *Поповъ*. 14. Недѣля 33-я—прот. Михаилъ *Румянцевъ*. Въ домовой церкви: 16. Поклон. веригамъ ап. Петра—свящ. Феодоръ *Кіаницынъ*. 17. Преп. Антонія Великаго—прот. Тимоѣей *Буткевичъ*. Въ Кафедральномъ соборѣ: 21. Нед. о Мытарѣ и Фарисеѣ—свящ. Александръ *Луценко*. 28. Нед. о Блудномъ сынѣ—свящ. Николай *Кратировъ*. Въ домовой церкви: 30. Соборъ 3-хъ Святителей—свящ. Петръ *Оминъ*.

Ф е в р а л ь.

Въ Каедральномъ соборѣ: 2. Срѣтеніе Господне—прот. Георгій *Чеботаревъ*. 4. Недѣля Мясопустная—свят. Василій *Ветуховъ*. Въ домовой церкви: 8. В.-муч. Феодора Стратилата—свят. Измаилъ *Дмитріевъ*. Въ Каедральномъ соборѣ: 11. Недѣля Сыропустная—прот. Николай *Гутниковъ*. 18. Нед. 1-я, Торжество Православія—свят. Леопидъ *Твердохлбовъ*. Въ домовой церкви—свят. Александръ *Теряевъ*. Въ Каедральномъ соборѣ: 25. Нед. 2-я Великаго поста—прот. Александръ *Федоровскій*.

М а р т ь.

Въ Каедральномъ соборѣ: 4. Нед. 3-я, Крестопоклонная—свят. Даниилъ *Поповъ*. 11. Недѣля 4-я—свят. Петръ *Тимошеевъ*. 18. Недѣля 5-я—свят. Сергій *Посельскій*. 24. Лазарево Воскрешеніе (переп. вербы)—свят. Іоаннъ *Котовъ*. 25. Недѣля Ваи и Благовѣщеніе Пр. Богородицѣ—прот. Павелъ *Григоровичъ*. Въ приходской церкви:—прот. Николай *Федоровъ*. Въ Каедральномъ соборѣ: 30. Великій Пятокъ (по перенес. плащаницы)—прот. Панкратій *Ивановъ*.

А п р ь л ь.

Въ Каедральномъ соборѣ: 2. 2-й день Св. Пасхи—свят. Іоаннъ *Крушодольскій*. Въ приходской церкви:—свят. Іоаннъ *Горайнъ*. Въ Каедральномъ соборѣ: 8. Недѣля о Омѣ—прот. Іоаннъ *Левитскій*. 15. Нед. Жонъ Муроносицѣ—свят. Андрей *Любарскій*. 22. Перенесеніе Чудотворной Озерянской иконы (въ монастырѣ)—свят. Павелъ *Грома*. 23. Тезоименитство Государыни Императрицы—свят. Георгій *Введенскій*. Въ домовой церкви—свят. Іоаннъ *Толмачевъ*. Въ приходской церкви—свят. Василій *Лебедевъ*. Въ Каедральномъ соборѣ: 25. Преполовеніе—прот. Петръ *Мигулинъ*. 29. Нед. о Самарявницѣ—свят. Павелъ *Тимошеевъ*.

М а й.

Въ Каедральномъ соборѣ: 6. Нед. о Слѣпомъ.—Рожденіе Государя Императора—свят. Алексій *Юшковъ*. Въ приходской церкви: 8. Ап. и Евангелиста Іоанна Богослова—свят. Маркіанъ *Федоровскій*. Въ Каедральномъ соборѣ: 9. Свят. Николая Чудотворца—свят. Іоаннъ *Петровскій*. Въ домовой церкви:—свят. Іоаннъ *Мантулинъ*. Въ Каедральномъ соборѣ: 10. Вознесеніе Господне—прот. Павелъ *Солнцевъ*. Въ

приходской церкви:—прот. Георгій *Чеботаревъ*, свящ. Александръ *Захарьевъ*. 11. Св. Кирилла и Меодія—свящ. Евсевій *Веніаминовъ*. Въ Каѳедральномъ соборѣ: 13. Нед. Св. Отець—свящ. Михаилъ *Служкій*. 14. Св. Коронованіе—Ректоръ Семінаріи, прот. Іоаннъ *Знаменскій*. 21. День Св. Духа и Св. Цар. Константина и Елены—свящ. Измаилъ *Дмитріевъ*. Въ приходской церкви:—прот. Николай *Гутниковъ*,—свящ. Аванасій *Толмачевъ*. Въ Каѳедральномъ соборѣ: 25. Рожд. Государыни Императрицы—свящ. Іоаннъ *Филевскій*. 27. Нед. 1-я, Всѣхъ Святыхъ—прот. Николай *Соколовскій*.

І ю н ь.

Въ Каѳедральномъ соборѣ: 3. Нед. 2-я по Пятидесятницѣ—свящ. Георгій *Рудинскій*. 10. Недѣля 3-я—свящ. Петръ *Скубачевскій*. 17. Недѣля 4-я—свящ. Андрей *Дмитріевъ*. 24. Недѣля 5-я и Рождество Іоанна Предтечи—прот. Георгій *Волобуевъ*. Въ приходской церкви:—свящ. Михаилъ *Клячный*. Въ Каѳедральномъ соборѣ: 29. Ап. Петра и Павла—свящ. Николай *Сокольскій*. Въ приходской церкви:—свящ. Андрей *Щелкуновъ*.

І ю л ь.

Въ Каѳедральномъ соборѣ: 1. Недѣля 6-я—свящ. Маркіанъ *Федоровскій*. 8. Нед. 7-я и Явленіе Казанской ик. Б. М.—свящ. Николай *Жебиневъ*. 15. Недѣля 8-я—свящ. Григорій *Виноградовъ*. 22. Нед. 9-я и Тезоименит. Августѣйшей Родительницы Государя Императора—свящ. Василій *Добровольскій*. Въ приходской церкви:—27. Св. В. М. Пантелеимона—свящ. Іоаннъ *Приходинъ*. Въ Каѳедральномъ соборѣ: 29. Недѣля 10-я—свящ. Григорій *Бляевъ*.

А в г у с т ь.

Въ Каѳедральномъ соборѣ: 1. Происхожденіе древъ Креста Господня—прот. Петръ *Полтавцевъ*. 5. Недѣля 11-я—свящ. Николай *Шосте*. 6. Преображеніе Господне—свящ. Константинъ *Дьяковъ*. Въ приходской церкви:—прот. Василій *Лихницкій*. Въ Каѳедральномъ соборѣ: 12. Недѣля 12-я—прот. Іоаннъ *Федоровъ*. 15. Успеніе Пр. Богородицы—свящ. Павелъ *Грома*. 19. Недѣля 13-я—свящ. Іоаннъ *Горанинъ*. 26. Недѣля 14-я—свящ. Андрей *Щелкуновъ*. 29. Ускновеніе главы Іоанна Предтечи—свящ. Іоаннъ *Инноковъ*. Въ приходской церкви:—прот. Павелъ *Ковалевскій*. Въ Каѳедральномъ соборѣ: 30. Перен. мощ. кн. Александра Невского—прот. Николай *Федоровъ*.

С е н т я б р ь.

Въ Каѳедральномъ соборѣ: 2. Недѣля 15-я—свят. Евсеѣй *Веніаминовъ*. 8. Рождество Пр. Богородицы—свят. Александръ *Луценковъ*. Въ приходской церкви:—свят. Александръ *Захарьевъ*. Въ Каѳедральномъ соборѣ: 9. Недѣля предъ Воздвиженіемъ—свят. Іоаннъ *Крушодольскій*. 14. Воздвиженіе Креста Господня—прот. Василій *Поповъ*. Въ домовой церкви:—свят. Николай *Любарскій*. Въ Каѳедральномъ соборѣ: 16. Недѣля по Воздвиженіи—свят. Николай *Кратировъ*. 23. Недѣля 18-я—свят. Василій *Ветуховъ*. Въ домовой церкви: 25. Преп. Сергія Радонежскаго—свят. Георгій *Введенскій*. Въ Каѳедральномъ соборѣ: 26. Преставленіе св. ап. и ев. Іоанна Богослова—свят. Андрей *Балановскій*. Въ домовой церкви:—прот. Іоаннъ *Левитскій*, свят. Андрей *Дмитріевъ*. Въ Каѳедральномъ соборѣ: 30. Недѣля 19-я—свят. Павелъ *Тимоѣевъ*.

О к т я б р ь.

Въ Каѳедральномъ соборѣ: 1. Покровъ Пресв. Богородицы—прот. Стефанъ *Любичкій*. Въ домовой церкви:—свят. Андрей *Любарскій*. Въ Каѳедральномъ соборѣ: 7. Недѣля 20-я—свят. Михайлъ *Слуцкій*. 14. Недѣля 21-я—свят. Іоаннъ *Петровскій*. 21. Восшествіе на престолъ Государя Императора Николая Александровича—свят. Іоаннъ *Филевскій*. 22. Казанской ик. Божіей Матери—свят. Іоаннъ *Гончаревскій*. Въ приходской церкви: 26. В.-м. Дмитрія Солунскаго—прот. Іоаннъ *Чижевскій*. Въ Каѳедральномъ соборѣ: 28. Недѣля 23-я—свят. Сергій *Посельскій*. Въ приходской церкви: 30. Озерянской ик. Божіей Матери—свят. Максимъ *Пономаревъ*.

Н о я б р ь.

Въ Каѳедральномъ соборѣ: 4. Недѣля 24-я—свят. Михайлъ *Клячный*. 11. Недѣля 25-я—свят. Петръ *Скубачевскій*. Въ домовой церкви: 13. Свят. Іоанна Златоустаго—свят. Александръ *Теряевъ*. Въ Каѳедральномъ соборѣ: 14. Рожденіе Августѣйшей Родительницы Государя Императора—свят. Алексѣй *Юшковъ*. 18. Недѣля 26-я—свят. Константинъ *Дьяковъ*. 21. Введеніе во храмъ Пресв. Богородицы—прот. Николай *Соколовскій*. Въ приходской церкви:—свят. Василій *Лебедевъ*. Въ Каѳедральномъ соборѣ: 22. Рожденіе п Тезоим. Государя Наслѣдника—свят. Петръ *Оминъ*. Въ домовой церкви: 23. Вел. кн. Александра Невскаго—прот. Павелъ *Солнцевъ*, свят. Григорій *Бѣляевъ*. Въ Каѳедральномъ соборѣ: 25. Недѣля 27-я—прот. Петръ *Микулинъ*.

Д е к а б р ь .

Въ Каѳедральномъ соборѣ: Недѣля 28-я—свят. Іоаннъ *Инноковъ*. Въ домовоѣ церкви: 4. Вмц. Варвары—свят. Іоаннъ *Котовъ*. Въ Каѳедральномъ соборѣ: 6. Тезоименитство Государи Императора и Свят. Николая Чудотв.—прот. Іоаннъ *Знаменскій*. Въ приходской церкви:—прот. Панкратій *Ивановъ*. Въ Каѳедральномъ соборѣ: 9. Недѣля 29-я—свят. Николай *Шосте*. Въ домовоѣ церкви: 12. Свят. Спиридона—свят. Іоаннъ *Мантулинъ*. Въ Каѳедральномъ соборѣ: 16. Нед. свв. Праотець—свят. Николай *Жебиневъ*. 23. Нед. предъ Рождествомъ—свят. Іоаннъ *Толмачевъ*. 25. Рождество Господа нашего Іисуса Христа—свят. Василій *Добровольскій*. 26. Соборъ Пр. Богородицы—прот. Михаилъ *Румянцевъ*. Въ приходской церкви:—свят. Андрей *Балановскій*. Въ Каѳедральномъ соборѣ: 30. Нед. 32-я по Рождествѣ—свят. Даниилъ *Поповъ*.

Епархіальныя извѣщенія.

Священники церкви Изюмскаго уѣзда: Архидіаконо-Стефановской, с. Бѣлянскаго, Дмитрій *Кирилловъ* и Рождество-Богородичной, с. Хриетища, Зиповій *Гладковъ*, перемѣщены одинъ на мѣсто другого, для пользы службы.

— Священникъ Николаевской церкви села Семерепежь, Ахтырскаго уѣзда, Павелъ *Яковлевъ* перемѣщенъ къ Покровской церкви с. Пожни, того же уѣзда, согласно прошенію.

— Священникъ Покровской церкви села Безлюдовки, Харьковскаго уѣзда, Іоаннъ *Подлужкій* перемѣщенъ, согласно прошенію, къ Іоанно-Волпской церкви села Толстого, Лебединскаго уѣзда.

— Окончившій курсъ во Владимірской Миссіонерской Духовной Семинаріи Николай *Рубинскій* опредѣленъ, согласно прошенію, священникомъ Преображенской церкви с. Межирича, Лебединскаго уѣзда.

— Священникъ Вознесенской церкви, сл. Песокъ, Изюмскаго уѣзда, Іоаннъ *Раевскій* отрѣшенъ отъ мѣста, а на его мѣсто перемѣщенъ священникъ с. Пожни, Ахтырскаго уѣзда, Александръ *Яковлевъ*.

— Священникъ Георгіевской церкви, с. Поповки, Изюмскаго уѣзда, Іоаннъ *Труфановъ* отрѣшенъ отъ занимаемаго имъ мѣста, а на его мѣсто опредѣленъ діаконъ Митрофаніевской церкви г. Недригайлова, Лебединскаго уѣзда, Николай *Давидовъ*.

— Священникъ Успенской церкви села Климовки, Сумскаго уѣзда, Митрофанъ *Балановскій* 28 октября, волею Божіею, умеръ.

— Діаконъ Преображенской церкви слоб. Половинкиной, Старобѣльскаго уѣзда, Антоній *Дьяковъ*, согласно прошенію, 16 ноября с. г. перемѣщенъ на праздное діаконское мѣсто при Георгіевской церкви сл. Мосьяпановой, Зміевского уѣзда.

— Псаломщикъ Иоанно-Предтеченской церкви сл. Мѣловатки, Купянскаго уѣзда, Капитонъ *Климентовъ* умеръ 4 ноября с. г., а на его мѣсто 9 числа, того же мѣсяца, назначенъ и. д. псаломщика сынъ его Андрей *Климентовъ*.

— Бывшій воспитанникъ 2-го класса Купянскаго духовнаго училища Алексѣй *Оминъ* опредѣленъ и. д. псаломщика Пятницкой церкви с. Бранцовки, Ахтырскаго уѣзда.

— Сынъ священника, Владимірской епархіи, Александръ *Лавровскій* опредѣленъ псаломщикомъ Митрофаніевской церкви зашт. г. Недригайлова, Лебединскаго уѣзда.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Новый православный храмъ въ Финляндіи.—400-лѣтіе Минской иконы Божіей Матери.—500-лѣтіе Діонисіево-Глушицкаго монастыря.—Празднованіе 100-лѣтія Уфимской духовной семинаріи.—Руководственныя указанія епархіальной власти духовенству.—Церковныя дома для сельскаго духовенства.—Заботы объ уюряженіи церковнаго пѣнія.—Церковно-приходскія бібліотеки.—Открытіе церковно-археологическаго отдѣла при Московскомъ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія.—Философское общество среди студентовъ Московской духовной академіи.—Церковно-приходскія школы въ Херсонской епархіи.

22-го октября, въ день Казанской Божіей Матери, въ Тавастгусъ было совершено высокопреосвященнымъ Николаемъ, архіепископомъ Финляндскимъ и Выборгскимъ освященіе новаго православнаго храма. До свхъ поръ православная паства Тавастгуса пользовалась тѣсною и ветхою церковью, построенною въ 1865 году на частныя средства мѣстнаго русскаго купца, ярославскаго мѣщанина, Богданова, бывшаго въ то время подрядчикомъ по продовольствію войскъ. По воспомнанію мѣстныхъ сторожковъ, этотъ Богдановъ былъ истиннымъ благодѣтелемъ православныхъ людей въ городѣ; онъ же построилъ и помѣщеніе для русской школы.

До прїѣзда его въ Тавастгусъ, православная церковь съ 1817 года помѣщалась при казармахъ, въ крайне тѣсномъ помѣщеніи. Ревнуя сердцемъ за православныхъ прихожанъ и воиновъ, Богдановъ, на собственные средства, безъ всякой посторонней помощи, прїобрѣлъ участокъ земли и, приспособивъ одну изъ принадлежавшихъ ему построекъ, передалъ ее военному вѣдомству, обязавшись поддерживать зданіе въ исправности. По смерти Богданова, ремонтъ церкви производился уже на средства отпущавшіяся изъ инженернаго вѣдомства, но постройка была легка и недолговѣчна, а храмъ, съ увеличеніемъ числа квартирующихъ въ городѣ войскъ, стаповился тѣсенъ и малъ. Починъ къ возобновленію храма положенъ въ 1896 году тогдашнимъ Генераль-Губернаторомъ края, недавно скончавшимся графомъ Ѳедоромъ Логгиновичемъ Гейденомъ, при содѣйствіи начальника инженеровъ округа, генераль-майора Крассовскаго. Благодаря ходатайствамъ этихъ лицъ и сочувственному отношенію главнаго инженернаго управленія, на постройку были отпущены казной достаточныя средства для возведенія соотвѣтственнаго по размѣрамъ и величественнаго по виду зданія. Проектъ, составленный на 750 молящихся, разработанный въ инженерномъ вѣдомствѣ, былъ Высочайше утвержденъ 15 февраля 1897 года, а 28 іюня 1898 года совершена его закладка тогдашнимъ архіепоскопомъ Финляндскимъ Антоніемъ, нынѣ митрополитомъ С.-Петербургскимъ и Ладожскимъ. 7 іюня 1899 года, когда храмъ въ общихъ чертахъ уже былъ законченъ, работы по его возведенію были осчастливлены посѣщеніемъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Владиміра Александровича, объѣзжавшаго въ то время Финляндское генераль-губернаторство. Храмъ построенъ трехпрѣдѣльный, въ византійскомъ стилѣ, имѣя въ планѣ начертаніе креста, длиною восемнадцать, шириною одиннадцать и высокою (съ колокольною) семнадцать съ половиною сажень; какъ внѣшій его видъ, такъ и внутренняя отдѣлка производятъ впечатлѣніе величія и благолѣпія. Многія лица, какъ изъ числа взявшихъ на себя подряды, такъ и добротные благотворители, приняли участіе въ этомъ дѣлѣ, внеся давніе благое въ общую сокровищницу. Мѣсто для храма избрано на участкѣ, по преданію, указанномъ еще Императоромъ Александромъ I для постройки православнаго храма въ Тавастгусѣ; онъ занимаетъ центральное положеніе какъ въ городѣ, такъ и по отношенію къ расположеннымъ въ двухъ противоположащихъ его предместьяхъ войскамъ. Храмъ

переданъ въ вѣдѣніе 2-го Финляндскаго стрѣлковаго полка, день полковаго праздника котораго совпалъ и со днемъ самаго освященія вновь сооруженной церкви. По прибытіи въ Тавастгусъ, въ 7 часовъ вечера, 21 октября, экстреннаго поѣзда съ Генераль-Губернаторомъ, Высокопреосвященнымъ, духовенствомъ, военна-чальствующими лицами и всѣми приглашенными на торжество, всѣ прибывшіе съ вокзала отиравались непосредственно къ повопостроенному храму. Скромный, небольшой, болѣе чѣмъ на $\frac{3}{4}$ деревянный, городокъ Тавастгусъ освѣщается, однако, электрическими фонарями, на высокихъ столбахъ; день пріѣзда гельсингфорскихъ гостей совпалъ съ высокторжественнымъ днемъ восшествія на престолъ Государи Императора, и потому губернаторскій домъ былъ обильно изукрашенъ флагами, а окна расположенныя по другую сторону площади каменнаго трехэтажнаго зданія городской ратуши были залиты огнемъ. Въ новомъ храмѣ тотчасъ же началось архіерейское служеніе всеобщаго бдѣнія, продолжавшееся до 11 часовъ вечера, при обильномъ стеченіи молящихся. На другое утро, въ 10 часу, командующій войскамъ, прибывъ прежде всего къ выстроенному предъ церковью параду всѣхъ войскъ гарнизона, поздравилъ 2-й Финляндскій стрѣлковый полкъ съ полковымъ его праздникомъ, а затѣмъ прослѣдовалъ, въ сопровожденіи всѣхъ прибывшихъ съ нимъ лицъ во храмъ, гдѣ начался чинъ его освященія, во имя Св. Благовѣрнаго Великаго Князя Александра Невскаго. Храмъ былъ переполненъ молящимися, въ числѣ которыхъ не мало было и Финляндцевъ-лютеранъ. Зрѣлище крестнаго хода вокругъ храма, при колокольномъ звонѣ, блирномъ пѣніи и звукахъ хора военной музыки, игравшаго „Коль Славенъ“, было полно величавой торжественности. Въ особомъ поученіи, произнесенномъ по окончаніи богослуженія, владыка разъяснилъ значеніе всѣхъ обрядовъ только-что закончившагося чина освященія и призвалъ благословеніе Господа на всѣхъ, приложившихъ свое усердіе, трудъ или жертву на святое дѣло сооруженія новаго алтаря Господу Силъ. По окончаніи церковной службы, архипастырь благословилъ и окропилъ святою водою ряды войскъ, при звукахъ „Коль Славенъ“ и пѣніи «Спаси, Господи, люди Твоя». Съ мѣста торжества отправлены были привѣтственные телеграммы митрополиту Антоцію и протопресвитору Желобовскому, на которыя вскорѣ получены были исполненные сердечностью отвѣты. Указывая на значеніе этого событія для мѣстнаго населенія, «Моск.

Вѣд. иишуть слѣдующее.—„Радовалось сердце и умилилась душа всякаго истинно Русскаго челоуѣка при видѣ всенароднаго совершенія чина освященія, сопровождаемаго торжествомъ военнымъ; немолчный гулъ колоколовъ, громъ салютующихъ орудій, благолѣнное клпросное пѣніе, дымъ кадильницъ, златой отблескъ пастырскихъ одеждъ и парадныхъ военныхъ мундировъ въ общемъ сочетаніи представляли картину, для Финляндіи малообычную, и несомнѣнно производящую глубокое впечатлѣніе какъ на православныхъ, такъ и иновѣрцевъ... Радовалась душа и умилялось сердце каждаго Русскаго еще и потому что въ этомъ торжественномъ, всенародномъ насажденіи святынь Православія, подѣ сѣнью высшей духовной и свѣтской власти, возстановлялось истинное значеніе Православной Церкви—Покровителемъ и Защитникомъ которой, на всемъ пространствѣ Россійской Державы, является Божій Помазанникъ. Недалеко отошло то время, и горько отзывается о немъ память въ душѣ каждаго Русскаго обитателя Финляндіи, когда Православная въ ней Церковь была въ загонѣ, когда ея пастыри и храмы зависѣли отъ лютеранскаго Финляндскаго Сената, который по лозунгу передовцевъ сепаратизма, считая лютеранство господствующимъ въ окраинѣ, стремился узурпировать значеніе русской Православной Вѣры. Бывало время, что даже отправленіе богослуженій Православной Церкви старались совершать тайкомъ, втихомолку, дабы не „раздражать“ лойяльныхъ Финляндцевъ... Церкви русскія были бѣдны, убоги, рѣдки, ютятся чуть не въ лачугахъ, священники скрывались, опасаясь подвергнуться насмѣшкамъ и оскорбленіямъ. Но, благодареніе Богу, все это миновало—и миновало безвозвратно. Рука дающаго не оскудѣваетъ, и въ краѣ постепенно растутъ, крѣпнутъ и прививаются свѣточн Православной Вѣры и просвѣщенія—храмы Божіи и школы... Мы вѣримъ что и вся Русская Земля, читая о сооруженіи православныхъ домовъ Божіихъ на Финляндской землѣ, радуется и умиляется со всею финляндскою православною паствою. Вся она, вмѣстѣ съ нею, возсылаетъ къ Престолу Вседержителя горячіи молитвы за всѣхъ тѣхъ кто, такъ или иначе, приложилъ руку къ этому святому дѣлу, молятъ о здравіи, счастіи и долгоденствіи всѣхъ власть имущихъ кто руководилъ и направлялъ дѣло церковностроительства... Вѣримъ мы также, что прочность и величавость вновь воздвигаемыхъ памятниковъ славы Господней знаменуетъ собою отнынѣ укрѣпленіе на вѣки вѣчные славы Православной Церкви на этой окраинѣ Русской земли“!

— Въ августѣ мѣнская православная паства торжественно праздновала четырехсотлѣтіе чудеснаго явленія находящейся въ мѣнскомъ катедральномъ соборѣ чудотворной иконы Мѣнской Божіей Матери. Четыреста лѣтъ тому назадъ—13 августа 1500 года, Пресвятая Владычица міра благоволила чудеснымъ образомъ въ благословеніе городу послать свою чудотворную икону. Въ этотъ достопамятный день жители города Мѣнска были приведены въ изумленіе необычайнымъ свѣтомъ и чуднымъ сіяніемъ, исходявшимъ изъ рѣки Свислочи, на которой стоитъ городъ. Когда народъ собрался на берегъ рѣки, на ея поверхности онъ увидѣлъ ярко сіяющую святую икону. Съ великимъ благоговѣніемъ она была извлечена изъ воды и торжественно перенесена въ соборную Рождество-Богородичную церковь, противъ которой св. икона явилась. Это послѣднее обстоятельство было принято за указаніе Самой Царяицы Небесной относительно того мѣста, въ которомъ должна была пребывать новоявленная святыня. Выпѣательно разсматривая св. икону, православные жители г. Мѣнска, посѣщавшіе древній Кіевъ для поклоненія его святынямъ, тогда же убѣдились, что дивно явившаяся въ городѣ св. икона есть та самая, которая со времени построенія св. равноапостольнымъ княземъ Владиміромъ кіевской Десятинной церкви находилась въ ней и была дана княземъ въ благословеніе церкви, а имъ привезена изъ Корсуни, гдѣ была получена отъ греческаго патріарха, какъ благословеніе при крещеніи. Благочестивое преданіе представляетъ слѣдующую картину перемѣщенія св. иконы въ новый городъ. Когда св. икона Богоматери находилась еще въ кіевской Десятинной церкви, усердіемъ благочестивыхъ поклонниковъ она была облечена въ золотую ризу, украшенную многими драгоценными камнями. Во время происшедшей въ 1500 году войны между ханомъ заволжскихъ татаръ Шахматъ Гиреемъ и перекопскимъ ханомъ Махметомъ Гиреемъ, при разграбленіи г. Кіева татарскими полчищами, была захвачена и св. икона, драгоценная риза съ нея была сорвана, а самое изображеніе, какъ ненужное и непонятное для мусульманъ, было брошено въ Днѣпръ, а отсюда, черезъ нѣсколько дней, какъ сообщаетъ въ жизнеописаніи св. Евфросинія полоцкой западно-русской старинный писатель Стебельскій, „рѣками противъ теченія воды чудеснымъ образомъ приплыла, или ангелами еще болѣе дивнымъ образомъ перенесена была въ Мѣнскъ“. Съ этихъ поръ св. икона, мѣстопребываніе которой столь дивнымъ и чудеснымъ об-

разомъ указано Самою Пресвятою Владычицею міра, получила наименованіе Минской чудотворной иконы Богоматери. Въ Рождество-Богородичной церкви, впоследствии переименованной въ Успенскую, св. икона пребывала 116 лѣтъ, переживъ здѣсь тяжелыя времена введенія въ Минскъ, какъ и во всемъ западно-русскомъ краѣ латинской уніи. Въ 1616 году, по приказанію западно-русскаго уніатскаго митрополита Іосифа Вельямна Рутскаго, она была силою взята изъ православнаго храма и перенесена въ Базиліанскій Свято-Духовъ монастырь, въ день памяти св. апостола Луки — 18 октября, бывшаго, по древнему преданію, писателемъ этой св. иконы. Велика и безпредѣльна была горестъ православныхъ минчанъ. Съ конца прошлаго столѣтія—эта уніатская церковь сдѣлалась православнымъ кафедральнымъ Петро-Павловскимъ соборомъ; вмѣстѣ съ передачею ея въ руки православныхъ, перешла къ намъ обратно и чудотворная икона. Въ этомъ-то именно храмѣ во второй половинѣ XVIII вѣка и видѣлъ св. икону выше-сказанный писатель Стебельскій, свидѣтельствующій о ней, что въ Свято-Духовской церкви Минская чудотворная икона Богоматери и понынѣ сіяетъ благодатію чудотворенія, испытанною многими изъ вѣрныхъ. Древность Минской чудотворной иконы несомнѣнна. Извѣстный русскій археологъ, профессоръ кіевской духовной академіи Н. И. Петровъ, посетившій Минскъ въ 1888 году, въ своихъ путевыхъ запискахъ говоритъ о Минской иконѣ, что это одна изъ древнѣйшихъ и наилучше сохранившихся иконъ во всемъ сѣверозападномъ краѣ. При подробномъ осмотрѣ св. иконы, онъ высказалъ увѣренность, что, судя по способу письма, по краскамъ лѣка и по дереву, изъ котораго сдѣлана доска иконы, можно думать, что она византійскаго письма и существуетъ не менѣе тысячи лѣтъ, а на самомъ дѣлѣ, вѣроятно, гораздо болѣе. По своимъ размѣрамъ Минская чудотворная икона довольноя велика: она имѣетъ въ вышину два аршина, а въ ширину одинъ аршинъ и пять съ половиной вершковъ. Не смотря на свою древность и почитаніе, эта св. икона до 1852 года не имѣла никакихъ украшеній. Въ этомъ году усердіемъ супруга тогдашняго минскаго губернатора Е. П. Шкляревичъ, при участіи и содѣйствіи православнаго городского общества, она была покрыта серебряной вызолоченной ризой, украшенной драгоценными камнями и наканунѣ праздника Рождества Христова освящена преосвященнымъ Михаиломъ, тогдашнимъ епископомъ минскимъ и бобруй-

скимъ, хорошо извѣстнымъ въ западно-русскомъ краѣ дѣятелемъ православія. Духовное торжество по случаю исполнившагося четырехстолѣтія со времени чудеснаго явленія св. иконы началось въ Минскомъ кафедральномъ соборѣ 12 августа торжественной всенощною. Въ самый день юбилея, 13 августа, была совершена божественная литургія преосвященнымъ Михаиломъ, епископомъ минскимъ и туровскимъ. Соборъ и вся площадь передъ нимъ были наполнены молящимся. Въ концѣ литургіи въ соборъ прибыл крестный ходъ изъ мужскаго и женскаго монастырей и другихъ городскихъ церквей съ хоругвями и св. иконами. Изъ собора вышелъ на площадь общій крестный ходъ, въ которомъ вынесена была и св. чудотворная икона. На особомъ возвышеніи на площади былъ совершенъ благодарственный молебенъ Пречистой Владычицѣ міра и преосвященнымъ архимандритомъ прочтена колѣно-преклонная молитва. Умплительное зрѣлище представляла собою склонившаяся предъ святою иконою огромная масса молящагося народа; по окончаніи торжества, въ память священнаго событія, народу раздавались брошюры и листки, съ описаніемъ чудеснаго явленія святой иконы.

«Екат. Еп. Вѣд.».

— Пятисотлѣтіе Діонисіево-Глушницкихъ монастырей, Вологодской епархіи, основанныхъ преподобнымъ Діонисіемъ, чудотворцемъ мѣстнаго края, исполнилось 1-го іюня сего года. Стараніями ииѣшняго настоятеля о. игумена Дмитрія, ко дню юбилея, обновлены въ обителяхъ св. храмы, но особенно тщательно реставрирована древняя деревянная церковь, въ Покровскомъ монастырѣ; въ эту церковь, какъ сохранившуюся отъ древнихъ временъ собраны и размѣщены въ порядкѣ всѣ древніе священные предметы, какъ напр., деревянный храмозданный крестъ, въ иконостасѣ расположены въ два ряда старинныя большія иконы, между ними древнія царскія врата, сѣверныя и южныя двери, на одной изъ которыхъ изображенъ благоразумный разбойникъ, старинныя подсвѣчники и т. п. Праздничныя богослуженія начались за три дня до юбилея, къ которому прибылъ также и преосвященный Алексій, епископъ вологодскій и тотемскій. Множество народа собралось на монастырское торжество... Эти торжественныя празднованія памяти св. угодника—основателя обители вызвали въ краѣ рѣдкое религіозное одушевленіе, которое несомнѣнно долго не взглянется изъ сознанія участниковъ торжества. «С. Пет. Дух. Вѣст.».

— 26 сентября исполнилось 100 лѣтъ со дня открытія Уфим-

ской духовной семинаріи. По сему поводу правленіе семинаріи предварительно ходатайствовало предъ Св. Синодомъ о разрѣшеніи достойно отпраздновать сей достославный юбилейный день и объ отпускѣ на устройство юбилейнаго торжества денегъ, въ размѣрѣ 1000 р. Ходатайство было уважено, празднованіе было разрѣшено, программа его утверждена и потребное количество денегъ отпущено. Юбилейное торжество, по приглашенію Преосвященнаго Антонія, почтили своимъ посѣщеніемъ Епископы сосѣднихъ епархій Самарской и Оренбургской. По утвержденной Св. Синодомъ программѣ, 25 сентября, въ канунъ юбилейнаго дня, была совершена въ семинарской церкви заупокойная Литургія, а по окончаніи ея панихиды, за которыми было вознесено моленіе Господу Богу, по особо составленному для сего синодику, о упокоеніи Государей Императоровъ: Павла 1-го, при которомъ основана Уфимская семинарія, Александра 1-го, Николая 1-го, Александра II-го и Александра III-го, бывшихъ Уфимскихъ Епископовъ, Ректоровъ семинаріи, Инспекторовъ и преподавателей, служившихъ въ разное время въ Уфимск. семинаріи за 100-лѣтней періодъ ея существованія, и умершихъ учениковъ семинаріи. Литургію совершалъ соборнѣ ректоръ семинаріи, а панихиду изволялъ служить Епископъ Оренбургскій Владиміръ въ сослуженіи ректора семинаріи, семинарскаго духовенства и депутатовъ епархіальнаго съѣзда духовенства. Въ тотъ-же день вечеромъ въ 6 час. началось торжественное Всенощное Богослуженіе, къ которому изволили прибыть Преосвященный Самарскій Гурій и Преосвященный Уфимскій Антоній. На литію выходилъ Преосвященный Уфимскій Антоній, а на величаніе— Преосвященный Самарскій Гурій съ двумя архимандритами: Тихономъ изъ Самарской епархіи и Андреемъ—членомъ Уфимской духовной консисторіи, ректоромъ семинаріи, кафедральнымъ протоіереемъ, председателемъ епархіальнаго съѣзда духовенства и тремя другими священниками. Всенощное Богослуженіе было совершено съ особенною торжественностію, при умѣломъ и почувствовавшимъ прекрасномъ пѣніи семинарскаго хора пѣвчихъ, и закончилось въ 10 час. вечера. Семинарская церковь и все зданіе семинаріи снаружи и внутри было иллюминировано и декорировано зеленью и гирляндами искусственныхъ цвѣтовъ—работа и усердіе самихъ учениковъ. Сторонней публики, желавшей посмотреть небывалое въ Уфѣ торжество и совместное служеніе двухъ Архіереевъ, было такое множество, что семинарскій храмъ

не могъ вмѣстѣ и $\frac{1}{10}$ части ея. Преосвященнѣйшій Владыка Оренбургскій Владиміръ всеобщее бдѣніе изволялъ совершать въ Уфѣмскомъ кафедральномъ соборѣ, гдѣ народу было тоже очень много. Въ самый день юбилейнаго праздника 26 сентября—была совершена Божественная Литургія. Къ началу Литургіи въ 9 $\frac{1}{2}$ часовъ утра изволили прѣбыть въ семинарію Преосвященные Гурій и Антоній, а Преосвященный Владиміръ прослѣдовалъ для совершенія Литургіи въ кафедральный соборъ. Преосвященный Гурій, встрѣченный священно-служителями на нижней площадкѣ здапія семинаріи, въ преднесеніи св. иконъ, прослѣдовалъ въ церковь, гдѣ и облаченъ былъ на архіерейскомъ амвонѣ, а Преосвященный Антоній, по обычной встрѣчѣ его семинарскою корпораціей наставниковъ, прослѣдовалъ въ алтарь для облаченія. Божественную Литургію совершали совмѣстно оба Преосвященные въ сослуженіи съ двумя архимандритами, ректоромъ семинаріи, предсѣдателемъ мѣстнаго епархіальнаго съѣзда духовенства протоіереемъ В. Уводскимъ и 4-мя священниками. За Литургіей во время малаго входа Преосвященнымъ Антоніемъ была возложена на ректора семинаріи протоіерея Н. Вознесенскаго палица, а во время запричастнаго кафедральнымъ протоіереемъ Ев. Еварестовымъ было произнесено приличное торжеству поученіе „о преимуществахъ богословскаго образованія предъ всякимъ другимъ“. По окончаніи Литургіи, былъ отслуженъ благодарственный молебенъ, къ которому явились городское духовенство и депутаты епархіальнаго съѣзда духовенства, всего около 40 человекъ. За молебномъ также присутствовали представители правительствъ учрежденій г. Уфы и учебныхъ заведеній—гимназій, духовныхъ училищъ и дирекцій народныхъ училищъ. По окончаніи молебна провозглашены многолѣтія Государю Императору и всему Царствующему Дому, Святѣйшему Правительствующему Синоду, Преосвященнымъ: Гурію, Владиміру и Антонію, начальствующимъ, учащимъ и учащимся въ Уфѣмской семинаріи. Богослуженіе закончилось въ 12 час. дня. Затѣмъ Преосвященнѣйшій Владыка Гурій, преподавши благословеніе всѣмъ предстоявшимъ въ храмѣ, изволилъ въ мантии прослѣдовать изъ церкви въ ученическую столовую, гдѣ, благословивши воспитанниковъ семинаріи и прѣготовленные яства, разоблачился и, въ сопровожденіи Владыки Антонія и корпораціи наставниковъ семинаріи, прослѣдовалъ въ квартиру ректора семинаріи, гдѣ былъ предложенъ чай. Въ 1 часъ дня былъ назначенъ

публичный юбилейный актъ въ залѣ дворянскаго собранія. Къ назначенному времени изволили прибыть въ залѣ дворянскаго собранія Преосвященный Гурій, Владиміръ и Антоній, Его Превосходительство Начальникъ губерніи Н. М. Богдановичъ, предводитель дворянства кн. А. Кугушевъ, городской голова А. Маллѣевъ и депутаціи отъ правительствъ учрежденій г. Уфы, отъ духовенства Самарской и Оренбургской епархіи, депутаціи отъ Уфимской епархіи и учебныхъ заведеній—духовныхъ и свѣтскихъ, во главѣ съ начальствующими, почетные гости и въ ихъ числѣ помощн. набл. цер. школъ Росс. Имперіи А. Ванчаковъ и секретарь Св. Синода П. Мудролюбовъ и множество народу. Начало юбилейнаго акта было открыто пѣніемъ тропаря: „Днесь благодать Св. Духа на събра“ и затѣмъ прочтеніемъ ректоромъ семинаріи прот. Н. Вознесенскимъ указа Св. Синода о разрѣшеніи празднованія 100-лѣтняго юбилея Уфимской семинаріи. Затѣмъ первый выразилъ привѣтствіе Начальникъ губерніи Н. М. Богдановичъ. Въ рѣчи своей онъ кратко, но очень мѣтко, охарактеризовалъ дѣятельность духовенства и значеніе нашихъ духовныхъ школъ, на сколько онѣ извѣстны ему по наблюденію и опыту въ двухъ губерніяхъ: Тобольской и Уфимской, гдѣ, при обзорѣніи губерній, очень часто доводилось ему сталкиваться съ дѣятельностію сельскихъ пастырей и оцѣнить результаты ихъ трудовъ и получаемого ими образованія въ духовныхъ семинаріяхъ. Послѣ него привнесъ поздравленіе городской голова, Ал. А. Маллѣевъ, и прочиталъ привѣтственный адресъ, въ которомъ охарактеризована дѣятельность Уфимскаго духовенства на пользу церкви и дорогого отечества. Далѣе Оренбургскимъ ключаремъ протоіереемъ П. Райскимъ былъ прочитанъ привѣтственный адресъ отъ Оренбургской епархіи, по прочтеніи котораго Оренбургскій Преосвященный Владиміръ выразилъ привѣтствіе отъ своего лица и воздалъ подобающую честь бывшимъ питомцамъ Уфимской семинаріи, которые нынѣ съ особеннымъ усердіемъ подвизаются въ Оренбургскомъ краѣ и занимаютъ выдающееся административное положеніе, и благословилъ Уфимскую семинарію иконою Спасителя на дальнѣйшее ея достославное преуспѣяніе. Послѣ сего Самарскими о.о. архимандритами были прочитаны два адреса: 1) отъ Самарской епархіи и 2) семинаріи, по прочтеніи которыхъ Преосвященный Самарскій Гурій привнесъ лично отъ себя поздравленіе и указалъ на внутреннюю связь между двумя епархіями: Самарской и Уфимской

по тѣмъ общимъ цѣлямъ миссіонерства, къ достиженію которыхъ онѣ должны стремиться въ дѣлѣ просвѣщенія инородцевъ, и въ образецъ дѣятельности поставилъ Великаго Сибирскаго миссіонера, Святителя Иннокентія 1-го, много потрудившагося въ дѣлѣ просвѣщенія разныхъ инородцевъ Сибирскаго края, и затѣмъ благословилъ Уфимскую семинарію иконою Святителя Иннокентія, написанною на дщвицѣ отъ его гроба. Далѣе были прочитаны адреса отъ дирекціи гимназій и корпораціи, отъ Уфимскаго духовнаго училища 70-лѣтнимъ старцемъ, бывшимъ смотрителемъ училища, В. Щербаковымъ, старшимъ совѣтникомъ Губернскаго Правленія В. Архангельскимъ отъ губернской типографіи и представителей печатнаго дѣла, и преподавателемъ семинаріи Ив. Примогеновымъ— историческая записка о состояніи семинаріи съ начала ея существованія до настоящаго времени. По прочтеніи исторической записки пѣвчіе семинарскаго хора прекрасно исполнили концертъ „Господи Боже Израилевъ“. Затѣмъ Инспекторомъ семинаріи Е. Зефировымъ были прочтены адреса отъ Оренбургской духовной семинаріи и Челябинскаго духовнаго училища и благочиннымъ священникомъ Ник. Разумовымъ произнесена благодарственная рѣчь отъ бывшихъ питомцевъ—учениковъ Уфимской семинаріи. Пѣвчіе послѣ сего пропѣли гимнъ просвѣтителямъ Славянъ св. братьямъ Кириллу и Меодію. Актъ закончился рѣчью Преосвященнаго Антонія, въ которой онъ сдѣлалъ очень мѣткія сравненія духовно-учебныхъ заведеній и свѣтскихъ, отдавая преимущество воспитанникамъ первыхъ по ихъ любви къ труду, взаимной привязанности другъ къ другу и къ своимъ заведеніямъ и отвращенію отъ пороковъ, какъ это было въстарь, и выразилъ сожалѣніе, что въ послѣднее время нерѣдко семинаристы стали избѣгать своихъ заведеній и поступать въ гимназій и другія учебныя заведенія, ища въ будущемъ себѣ карьеры и большой наживы денегъ... Но это заблужденіе. Преосвященный Антоній говорилъ это съ глубокимъ убѣжденіемъ, самъ происходя изъ дворянской семьи и будучи ученикомъ гимназій. Послѣ его рѣчи пѣвчіе пропѣли „Достойно есть“. По окончаніи акта, приглашенные почетные гости отбыли въ семинарію въ квартиру ректора, гдѣ была приготовлена закуска и затѣмъ въ библиотечный залъ—на обѣдъ. «Уфим. Еп. Вѣд.».

— Епархіальными начальствами сдѣланы нѣкоторыя указанія духовенству и прихожанамъ въ виду возможныхъ и наблюдаемыхъ по мѣстамъ отступленій отъ церковныхъ правилъ. Въ архангель-

ской епархіи дано знать духовенству, къ руководству на будущее время, что никакой священникъ не можетъ и не долженъ отказываться отъ совершенія требъ безотлагательныхъ (крещеніе и напутствіе) даже и у чуждыхъ прихожанъ, страха ради смертнаго. Въ калужской епархіи мѣстнымъ преосвященнымъ предложено консисторіи объявить по епархіи, чтобы пасомые, не исключая и лицъ начальствующихъ, съ жалобами своимъ на лицъ духовныхъ и вообще по дѣламъ епархіальнаго управленія обращались непосредственно къ преосвященному и отнюдь не искали бы предварительно ходатайствъ предъ архіереемъ со стороны гражданской власти, такъ какъ вмѣшательство мірскихъ людей въ дѣла духовныя, хотя бы и властныхъ, противно канонамъ св. церкви и, что особенно печально, можетъ ослаблять связь между епископомъ и порученными ему отъ Господа вѣрующими душами въ дѣлѣ спасенія ихъ. Мѣстами послѣдователи распоряженія, которыми унорядочиваются нѣкоторыя имущественныя дѣла церквей и причтовъ. Въ тверской епархіи утверждено рѣшеніе послѣдняго епархіальнаго съѣзда, входившаго въ сужденіе объ охраненіи цѣлости церковныхъ земель, въ виду захвата ихъ нѣкоторыми частными лицами или учрежденіями, или же постоянныхъ требованій отвода причтовой церковной земли или усадебныхъ мѣстъ подъ кладбища. Съѣздъ постановилъ: озаботиться пріобрѣтеніемъ межевыхъ плановъ и межевыхъ книгъ и ходатайствовать предъ епархіальнымъ высокопреосвященнымъ о содѣйствіи при возбужденіи въ консисторіи дѣлъ, относящихся къ этому предмету. Въ подольской епархіи пзъ дѣлопроизводства консисторіи усмотрѣно, что существующій здѣсь способъ огражденія интересовъ церковнаго земельнаго владѣнія при обмѣнахъ земель не всегда достигаетъ цѣли, и потому рѣшено: дѣла объ обмѣнахъ церковныхъ земель на помѣщичьи и крестьянскія, сверхъ принятаго уже способа удостовѣренія выгоды ихъ для церквей, передавать еще на обсужденіе окружныхъ собраній духовенства. Въ томской епархіи принято очень важное рѣшеніе по слѣдующему поводу. Мѣстная консисторія получила уведомленіе, что церквамъ могутъ быть даны и усадебныя земли, но лишь при томъ условіи, что онѣ должны войти въ норму общаго надѣла церквамъ земель. Затѣмъ, консисторія обратила вниманіе на случай, когда на одну вдову псаломщика, имѣющую въ селѣ домъ и едва перебивающуюся съ малолѣтними дѣтьми, мѣстные крестьяне за усадебную землю, находящуюся подъ ея до-

момъ, наложили 5 рублей налога. Предполагая, что крестьяне, при общемъ обмежеваніи ихъ земель, будутъ сами ограничены во владѣніи усадебною землею, и опасаясь, что они будутъ тогда дѣлать разныя стѣсненія приходскому духовенству, слѣдствіемъ чего явятся неудовольствія, консисторія предписала всѣмъ сельскимъ причтамъ томской епархіи, при отводѣ ихъ церквамъ земельныхъ участковъ, просить, чрезъ своихъ уполномоченныхъ, производителей работъ по землеустройству—отвести и усадебную землю. «Цер. Вѣст.».

— По вопросу о церковныхъ домахъ для сельскаго духовенства, «Паст. Соб.» пишетъ слѣдующее.—При современныхъ условіяхъ деревенской жизни своего рода «злобу дня» составляетъ квартирный «вопросъ» для небогатаго матеріальными средствами сельскаго духовенства. Съ каждымъ годомъ и въ деревнѣ становится все труднѣе отыскать свободное усадебное мѣсто для устройства дома и двора, особенно для вновь поступающихъ членовъ причта. Иногда усадебныя мѣста въ торговыхъ селахъ и слободахъ цѣною превышаютъ таковыя—въ городахъ. Затѣмъ, строительные матеріалы дороги, по отсутствію вблизи лѣса, кирпича, извести и проч., при чемъ особенно затруднительна доставка этихъ матеріаловъ. Наконецъ, рабочія руки вообще, а въ частности мастеровыя всякаго рода стали браться «на расхватъ», почему не только плата имъ возросла, но обычно трудно и найти рабочихъ за какую либо цѣну.... Таковы затрудненія для духовенства при постройкѣ ими собственныхъ домовъ. Безошибочно можно сказать, что постройка собственныхъ домовъ разорительна для сельскаго духовенства. Но помимо матеріальнаго ущерба, какъ наприм., съ переходомъ въ другой приходъ дорого стоящія постройки идутъ за полъ цѣны, сгораютъ, или даже сдвигаются съ мѣста по несоблюденію формальностей строительнаго Устава, или неимѣнію юридическихъ документовъ на усадебную землю,—сколько нравственныхъ мукъ нужно пережить члену причта для устройства собственнаго угла. Послѣ продолжительнаго скитанія по квартирамъ въ крестьянскихъ избахъ, грязныхъ, тѣсныхъ и нездоровыхъ—членъ причта начинаетъ хлопотать объ отводѣ ему усадьбы для постройки своего двора, но иногда безуспѣшно, особенно въ приходяхъ имѣющихъ раскольниковъ или сектантовъ. Если и отводится усадьба, то неудобная для веденія хозяйства, далеко отъ храма, школы. Высшее правительство обратило съ своей стороны вниманіе на эту нужду духовенства, почему въ Инструкцію церковныхъ старостъ внесена

статья, по которой ему вмѣняется въ обязанность заботиться и о церковныхъ домахъ для священно-церковно-служителей (Инструкц. церквя. старость § 36). Но обычно у церковныхъ старость какъ-то не оказывается свободныхъ денегъ именно на церковные дома. Правда, при устройствѣ новыхъ приходовъ Епархіальное Начальство обычно требуетъ и устройства причтовыхъ помѣщеній отъ прихожанъ. Но послѣдніе рѣдко строятъ дома пригодные для жилья отчасти по отсутствію хозяйственнаго надзора или по незнанію, а иногда и намѣренно, чтобы соблюсти форму, почему устраиваютъ квартиры изъ старыхъ домовъ (бывшихъ школъ, волостей и проч.), которые скоро ветшаютъ, сыры и холодны и, въ этомъ случаѣ оказываются нисколько не лучше наемныхъ квартиръ и много отнимаютъ здоровья у своихъ квартирантовъ — духовныхъ. Есть еще одна важная статья для духовенства, живущаго въ церковныхъ домахъ, это отсутствіе документовъ, имѣющихъ юридическое значеніе, на эти дома. Вотъ почему при необходимости застраховать или отремонтировать помѣщенія, занимаемые причтомъ, возникаютъ пререканія о принадлежности этихъ построекъ; общество считаетъ эти дома своими, иногда и земство предъявляетъ свои права. Но при обилии собственниковъ, эти строения остаются безъ надежнаго ремонта, пристра и незастрахованными отъ огня. Въ виду вышеизложеннаго желательно для сельскаго духовенства выработать опредѣленный типъ домовъ и другихъ хозяйственныхъ построекъ, съ обязательствомъ устройства таковыхъ по плану, подъ руководствомъ архитектора, на опредѣленномъ мѣстѣ или усадьбѣ, отчужденный въ собственность церкви, и на все это необходимо имѣть документы, имѣющіе юридическое значеніе. При соблюденіи этихъ требованій тяжелое бремя снимается съ плечъ сельскаго духовенства, много силъ и здоровья сохранится у него для дѣланія на пользу прихожанъ. Это законное желаніе, — имѣть теплое, сухое и опредѣленное помѣщеніе не прихоть, а «хлѣбъ насущный», дѣло въ высшей степени неотложное и необходимое.

— Коммиссія объ упорядоченіи церковнаго пѣнія въ Таврической епархіи пришла къ тому заключенію, что существующіе пѣвческіе хоры въ большинствѣ случаевъ не удовлетворяютъ своему назначенію, отличаясь своими существенными недостатками. Главный недостатокъ въ пѣніи этихъ хоровъ, управляемыхъ большею частью регентами-самоучками, не понимающими ни духа церковнаго пѣнія, ни приемовъ управленія хоромъ, — отсутствіе характера

церковности выбираемыхъ для исполненія пьесъ. Весьма часто хоры выбираютъ для исполненія при церковномъ богослуженіи произведенія, завѣдомо неодобренныя цензурою. Въ большинствѣ это рукописныя сочиненія, никогда не издавшія себя въ печати и путемъ преданія переходящія отъ предшественниковъ регентовъ, или любителей пѣвцовъ, доставшіяся въ наслѣдіе хорамъ съ явными признаками всякаго рода наслоеній и творчества самихъ регентовъ-самоучекъ. Большинство изъ нихъ отличаются вычурностью, носятъ свѣтскій характеръ, съ сольными партіями и непомѣрно высокими нотами для басовъ, въ своемъ исполненіи далеко не могутъ быть названы способствующими возбужденію молитвеннаго настроенія молящихся. Въ душѣ же понимающаго церковное пѣніе такія пѣснопѣнія способны вызвать оскорбленіе религіознаго чувства. Къ неумѣлому выбору пьесъ прибавить слѣдуетъ еще неумѣлое и невѣжественное исполненіе. На знаки, поставленные композиторомъ, вниманія не обращается никакого; все дѣлается по произволу регентовъ. Forte и pianissimo дѣлаются какъ угодно регенту; также произвольно допускается соединеніе нотъ, часто не оправдываемое ни музыкальными соображеніями, ни здравымъ смысломъ. Въ нѣкоторые церковныя хоры проникла непрличная для церковнаго пѣнія манера пѣть съ дрожью въ голосѣ, съ вибраціей, чѣмъ особенно злоупотребляютъ солисты, невѣжественныя въ музыкальномъ отношеніи, но слышавшіе разнаго рода свѣтскихъ итальянскихъ пѣвцовъ. Названная манера пѣнія, вполнѣ примѣнимая къ свѣтскимъ пьесамъ, унижаетъ самую идею церковнаго пѣнія, которое по существу своему должно быть величественно умирительнымъ, трогающимъ слушателя не однимъ гармоническимъ сочетаніемъ звуковъ, но и внутреннимъ содержаніемъ пѣснопѣнія,—низводитъ его на степень какого-то романса, или арии. Въ поговѣ за вычурнымъ и громогласнымъ пѣніемъ большинство церковныхъ хоровъ мало заботится о правильности исполненія пѣснопѣній обычными простыми, принятыми въ церкви напѣвами. Не только хоры селенія и городовъ, но даже нѣсколько хоровъ одного и того же села не могутъ похвалиться однообразіемъ этихъ напѣвовъ. Одинъ поетъ гласы, напр. по обыходу Бахметева, другой кievскіе, и под., посему надлежитъ особенная нужда объединить напѣвы осмогласія во всей епархіи. Старанія нѣкоторыхъ о. о. настоятелей, пытающихся упорядочить пѣніе и поставить регентовъ-самоучекъ въ надлежащія границы, не

всегда приводятъ къ желанной цѣли. Невѣжественные регенты почти всегда находятъ себѣ поддержку въ непросвѣщенномъ вкусѣ церковныхъ старостъ и попечителей, очень часто демонстративно не желаютъ подчиняться ихъ требованіямъ, вслѣдствіе чего для священниковъ ихъ добрыя намѣренія служатъ только источникомъ большихъ неприятностей. Является неотложная нужда въ выработкѣ особыхъ правилъ, регулирующихъ должное отношеніе регентовъ и церковныхъ старостъ къ настоятелю церкви въ вопросѣ о церковномъ иѣвнѣ. «Тавр. Еп. Вѣд.».

— Въ «Черв. Еп. Вѣд.» напечатанъ интересный отчетъ священника Архагвельскаго о Хотуничской библіотекѣ за 1899 годъ. Въ этомъ году, девятомъ со времени открытія Хотуничской церковной библіотеки, замѣчалось, говоритъ отчетъ, по прежнему прогрессивное увеличеніе числа ея подписчиковъ: съ 234 въ началѣ этого года къ концу года оно возрасло до 265 человѣкъ. Въ продолженіи двухъ-трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ библіотека была закрыта, такъ какъ необходимо было заняться исправленіемъ разбитыхъ книгъ и составленіемъ новаго каталога. Въ это время подписчики безъ книгъ страшно скучали и обращались съ частными просьбами дать имъ прочесть хоть что-нибудь и къ намъ, и къ прочимъ лицамъ привилегированныхъ сословій нашей мѣстности. Такова теперь любовь у нашего простолюдина къ чтенію! Не удивительно послѣ этого, что въ день возобновленія выдачи книгъ изъ Хотуничской церковной библіотеки, 1 октября отчетнаго года, несмотря на ярмарочное время, обыкновенно неблагоприятно влияющее на аккуратность въ посѣщеніи прихожанами храма Божія,—обратилось, по окончаніи богослуженія, за полученіемъ книгъ изъ названной библіотеки до тридцати человѣкъ прежнихъ ея подписчиковъ. Переходя далѣе къ составу подписчиковъ Хотуничской церковной библіотеки въ 1899 г., отмѣтимъ, какъ чрезвычайно отрадный фактъ возрастаніе числа подписчицъ-женщинъ: составная раньше, въ прежніе годы существованія библіотеки, едва лишь 3% всѣхъ обращавшихся за книгами, въ 1899 г. число женщинъ выразилось 7% общаго числа подписчиковъ. Наряду со взрослыми женщинами пользовались книгами изъ библіотеки и дѣвочки-подростки, недавно окончившія курсъ мѣстныхъ приходскихъ училищъ. Вообще, нужно сказать, со стороны обучавшейся молодежи спросъ на книги для чтенія въ отчетномъ году усилился. Особенно часто обращались въ библіотеку за книгами,—съ цѣлю не пе-

решить грамоту, — окончившіе курсъ начальнаго народнаго училища съ правомъ на льготу по отбыванію воинской повинности, — въ виду, вѣроятно, распространившихся въ нашей мѣстности слуховъ о томъ, что военное начальство стало подвергать новобранцевъ-рекрутовъ провѣрочному испытанію въ знаніи ими предметовъ всего школьнаго курса. По сословіямъ своимъ, большинство подписчиковъ Хотуничской церковной библіотекъ въ 1899 году принадлежало къ простолюдынямъ, казакамъ и крестьянамъ села Хотуничъ и сосѣднихъ съ нимъ деревень. По вопросу о времени полученія въ 1899 году подписчиками Хотуничской церковной библіотеки книгъ для чтенія замѣтимъ прежде всего, что, по примѣру прежнихъ лѣтъ, они весьма часто обращались въ библіотеку за книгами осенью и зимою. т.-е., въ такое время года, когда крестьянинъ сравнительно мало бываетъ занятъ сельскими работами. Такъ, въ осенніе мѣсяцы отчетнаго года среднее число подписчиковъ Хотуничской церковной библіотеки, какъ видно изъ журнальныхъ записей, равнялось 32, а въ зимніе — 59 человекамъ. Весеннее же и лѣтнее время прошло то въ постепенномъ возвращеніи подписчиками раньше взятыхъ ими книжекъ изъ библіотеки, то въ пересмотрѣ и реставрированіи собранныхъ и всѣхъ остальныхъ книгъ и брошюръ библіотеки. Что касается до того, какъ обращаются подписчики Хотуничской церковной библіотеки съ получаемыми ими книгами, то можно сказать, что обращеніе съ книгами у большинства крестьянъ граничитъ съ благоговѣніемъ. Такъ, нѣкоторые изъ нашихъ подписчиковъ, получивъ, въ храмѣ религіозно-нравственную книжку съ изображеніемъ на ней какого либо святого, считаютъ долгомъ изображеніе это поцѣловать, затѣмъ обертываютъ книжку въ платокъ или же кусокъ чистаго холста и уже въ такомъ видѣ несутъ ее домой. Дома почти всѣ подписчики кладутъ полученныя ими книжки на полкѣ подъ образами, рядомъ съ своею поминальной книжкой, или же берегутъ ихъ, когда, напр., взятая книжка не религіозно-нравственнаго содержанія, — въ сундучкахъ, укладкахъ и прочихъ помѣщеніяхъ для своихъ незатѣйливыхъ крестьянскихъ драгоценностей. Нѣтъ сомнѣнія, что такое сердечное отношеніе нашего крестьянства къ печатному слову послужитъ для многихъ ревнителей народнаго благосостоянія немаловажнымъ поводомъ къ увеличенію своихъ заботъ о просвѣщеніи крестьянскихъ умовъ, облагораживаніи сердецъ простого люда и вообще о постепенномъ приближеніи народа къ высшимъ идеаламъ истинно-христіанской жизни.

— Въ Москвѣ состоялось открытіе церковно-археологическаго отдѣла при Обществѣ Любителей Духовнаго Просвѣщенія, образованнаго вновь изъ двухъ упраздненныхъ отдѣловъ—историко-археологическаго и иконовѣдѣнія. Предсѣдателемъ отдѣла избранъ пресвятеръ придворнаго Благовѣщенскаго собора приватъ-доцентъ Императорскаго Университета Н. Д. Извъковъ, а его товарищемъ—помощникъ архиваріуса общаго архива Министерства Императорскаго Двора, дѣйствительный членъ Археологическаго Института А. И. Успенскій. Задачи новаго отдѣла состоятъ въ составленіи и изданіи исторіи московскихъ храмовъ и монастырей, въ обслѣдованіи древнихъ церковныхъ обрядовъ по стариннымъ рукописямъ, а также въ описаніи старинныхъ иконъ и изданіи отдѣльныхъ статей и изслѣдованій по православной иконографіи. Одною изъ главныхъ обязанностей отдѣла будетъ также—слѣдить за правильностью изображеній на иконахъ продаваемыхъ отдѣльными иконописцами и торговыми фирмами. Контроль надъ иконописцами, ослабѣвшій особенно за послѣднее время, долженъ быть возстановленъ во всей строгости церковно-археологическимъ отдѣломъ. Съ крайнимъ прискорбіемъ можно отмѣтить фактъ громаднаго подрыва искусства иконописанія и вытѣсненія иконы изъ ряда предметовъ священнаго поклоненія и наиболѣе цѣнныхъ. Печатаніе иконъ на жести, производимое у насъ при томъ нерѣдко лицами неправославными, принадлежитъ къ числу ненормальныхъ явленій, долженствующихъ исчезнуть благодаря энергичной дѣятельности отдѣла. Не слѣдуетъ забывать, какое значеніе имѣютъ у насъ священныя изображенія. Икона—это въ краскахъ и фигурахъ исповѣданіе вѣры и такая же свидѣтельница православнаго церковнаго ученія, какъ православная книга. Икона подобно книгѣ, является критеріемъ того, православно или нѣтъ извѣстное ученіе. Икона въ древней Руси была не только предметомъ религіознаго почитанія, но и краскою, украшеніемъ дома; по своей матеріальной стоимости она занимала одно изъ первыхъ мѣстъ среди разнаго рода предметовъ въ имуществѣ древне-русскаго хозяина. Въ лѣтописяхъ иконы иногда называются „безцѣнными“. Въ духовныхъ завѣщаніяхъ и разныхъ записяхъ „Воже милосердіе“ или „благословеніе Божіе“, то-есть иконы помѣщаются обычно на первомъ мѣстѣ и описываются весьма подробно. Не то стала нынѣшняя икона, изготовленная неправославнымъ мастеромъ и напечатанная затѣмъ машиной на жести или вномъ подобномъ мате-

ріалъ, и стоящая очень дешево. Эта икона служить прекрасно цѣлямъ штундистовъ—черезъ обезцѣниваніе иконы низвести ее въ рядъ предметовъ обыкновенныхъ, а затѣмъ и совсѣмъ вывести ее изъ употребленія. Отдѣлъ будетъ устраивать чтеніе по исторіи иконографіи и по описанію Московской церковной старины. На чтеніяхъ этихъ могутъ присутствовать какъ члены Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія, такъ и всѣ лица, интересующіяся православнымъ иконописаніемъ и старинной. «Моск. Вѣд.»

— 18 октября 1900 года исполнялся, по словамъ «Моск. Цер. Вѣд.», первый годъ существованія философскаго общества среди студентовъ Московской Духовной Академіи. Мысль объ учрежденіи этого кружка, зародившаяся среди студентовъ, нашла себѣ горячую поддержку въ лицѣ двухъ профессоровъ: П. П. Соколова (доцентъ по кафедрѣ психологіи) и П. В. Тихомирова (доцентъ по кафедрѣ исторіи философіи). При ихъ руководствѣ выработанъ былъ уставъ, въ основаніе котораго были положены правила подобныхъ же студенческихъ фрейновъ при лучшихъ германскихъ и французскихъ университетахъ, конечно, съ соотвѣтствующими измѣненіями. Уставъ этотъ былъ утвержденъ ректоромъ Академіи преосвящ. Арсеніемъ съ согласія Владыки Митрополита. Во главѣ кружка стоятъ самъ преосвящ. Арсеній, которому принадлежитъ высшій надзоръ и руководство означеннымъ обществомъ. Далѣе въ составъ кружка входятъ члены—руководители, профессора Академіи, и, наконецъ, дѣйствительные члены, студенты Академіи. Засѣданія «кружка» носятъ чисто домашній характеръ. Посему, лица, не принадлежащія къ Академіи, безусловно не могутъ присутствовать на засѣданіяхъ кружка (§ 20). Равно, выраженія, одобренія и порицанія со стороны присутствующихъ такъ же безусловно не допускаются (§ 21). Засѣданія кружка предваряется и заканчиваются общимъ пѣніемъ молитвы студентами. Успѣхъ общества превзошелъ всякія ожиданія. Въ члены общества записалось болѣе 100 студентовъ. Такимъ образомъ философское общество Москов. Академіи самое многочисленное изъ всѣхъ русскихъ подобныхъ же обществъ. Предсѣдателемъ былъ выбранъ студентъ 4 курса А. П. Малининъ (теперь профессорскій стипендіатъ). Въ теченіе перваго года существованія состоялось 8 ученыхъ собраній. Порядокъ ихъ всегда былъ таковъ: сначала читался рефератъ однимъ изъ членовъ общества. Потомъ, послѣ краткаго перерыва, происходилъ обмѣнъ мыслей между референтомъ и студентами,

выступавшими съ возраженіями. Заключительное слово принадлежало одному изъ членовъ-руководителей. Вотъ темы предложенныхъ рефератовъ. На первомъ засѣданіи (18 октября 1899 г.) предсѣдатель общества А. П. Малиницъ прочелъ докладъ по вопросу о „свободѣ воли“, гдѣ указывалъ на то, что психологическимъ коррелятивомъ свободы воли является чувство усилія. Но такъ какъ чувство усилія есть живой, непосредственный фактъ нашего сознанія, то и свобода воли является такимъ же реальнымъ фактомъ нашего «я». Въ первомъ ноябрьскомъ засѣданіи (г. Левитовымъ) было предложено чтеніе по вопросу „о понятіи о Богѣ у Спинозы“. Какъ извѣстно, Спиноза отрицалъ личность въ Богѣ,—можетъ ли онъ на этомъ основаніи быть признанъ атеистомъ или нѣтъ? Референтъ стоялъ за первый отвѣтъ и считалъ понятіе личности необходимымъ признакомъ религіознаго сознанія о Богѣ, безъ котораго невозможна и самая религія, какъ живое, личное, непосредственное отношеніе человѣка къ Божеству. Второе ноябрьское засѣданіе было посвящено выясненію „логическаго характера закона мышленія“. Вопреки мнѣніямъ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ психологовъ, полагающихъ основаніе законовъ мышленія въ волѣ, референтъ отстаивалъ самостоятельное значеніе этихъ законовъ. Оригинальное чтеніе было предложено (г. Граціанскимъ) о «рефлексіи и апперценціи» (въ декабрѣ), гдѣ референтъ отдавалъ рѣшительное предпочтеніе живому непосредственному сознанію предъ разсудочными доказательствами. Широко распространенная теорія „психофизическаго монизма“ была предметомъ обсужденія на январьскомъ засѣданіи. Референтъ, г. Мишинъ, призналъ за означенною теоріею методологическое значеніе. Февральское засѣданіе было посвящено памяти умершаго въ январѣ 1900 года знаменитаго философа Джона Рескина. Въ преніяхъ на этомъ засѣданіи выяснялся вопросъ объ отношеніи идеи добра къ идеѣ красоты. На первомъ мартовскомъ засѣданіи д. членъ г. Малевичъ (І к.) выяснилъ вопросъ о „вліяніи прогресса на счастье“ и пришелъ къ тому выводу, что счастье, какъ гармоническое развитіе заложенныхъ въ насъ духовныхъ силъ, создается не внѣшними благоприятными обстоятельствами, но коренится въ насъ самихъ. Наконецъ, на послѣднемъ (8) засѣданіи г. Знаменскимъ былъ предложенъ очень интересный рефератъ „о святости“. На этомъ засѣданіи живое участіе въ обмѣнѣ мыслей принималъ преосвящ. Арсеній. Такова дѣятельность общества за первый годъ его существованія. Она, очевидно, сопровождалась успѣхомъ. Но, помимо

того, такъ сказать, внутренняго успѣха, у него былъ и „внѣшній успѣхъ“. По образцу нашего Московскаго общества учреждены подобныя же общества въ Казанской, Петербургской Академіяхъ и въ Харьковскомъ университетѣ. Нерѣдко съ той и другой стороны посылались въ обмѣнъ тезисы вмѣющихъ быть прочтанными рефератовъ. Воодушевленные успѣхами прошлаго года, члены—студенты уже съ большими надеждами на успѣхъ и развитіе вступили во второй годъ существованія Философскаго общества. Предсѣдателемъ, за окончаніемъ г. Малвининымъ курса, выбранъ студентъ 4-го курса В. Н. Голубевъ. Уже состоялось одно собраніе—18 го октября, въ годовщину учрежденія. Какъ и всѣ собранія кружка, и настоящее первое въ этомъ учебномъ году почтительно своимъ присутствіемъ о. Ректоръ преосвящ. еп. Арсеній, привѣтствовавшій общество съ исполнившеюся годовщиною и пожелавшій ему дальнѣйшаго процвѣтанія. Затѣмъ вошелъ на кафедру проф. Соколовъ и указалъ тѣ задачи, которыми должно заняться теперь общество. Онъ вспомнилъ также добрымъ словомъ недавно умершаго В. С. Соловьева, бывшаго одно время вольнослушателемъ Московской Академіи. Затѣмъ былъ прочитанъ г. Голубевымъ рефератъ. Въ началѣ ноября предполагается 2-е собраніе, посвященное вопросу о нравственныхъ антиноміяхъ. Общаны также рефераты о философіи В. С. Соловьева и др. Научная дѣятельность гг. студентовъ Московской Академіи за прошлый академическій годъ, закончилась переводомъ и издачіемъ «Элементовъ психологій» весьма извѣстнаго французскаго ученаго Фонсегрива. Переводъ сдѣланъ подъ редакціею П. П. Соколова и цензурою преосвященнаго Ректора Академіи. Книга эта обладаетъ полною научностію, соединяющеюся съ простотою и понятностію изложенія. Весьма большимъ достоинствомъ въ ней является также то, что въ ней въ концѣ каждой главы присоединены краткое резюме сказаннаго в указатель пособій на русскомъ языкѣ по данному вопросу. Особенно пригодна эта книга для изучающихъ психологию въ семинаріи и для самообразованія. Цѣна ея крайне недорога—1 р. 25 к. Для учащихся 95 коп. съ пересылкой. Можно выписывать по слѣдующему адресу: Сергіевъ Посадъ, секретарю братства преп. Сергія. Послѣ распродажи этой книги предполагается новое изданіе какого-нибудь изъ заграничныхъ научныхъ изслѣдованій, между прочимъ, изъ области исторіи религіи, гдѣ сильно ощущается потребность въ хорошемъ руководствѣ.

— Изъ только что вышедшаго «отчета Хер. епарх. училищнаго

совѣта о состояніи церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты въ Херсонск. епархіи за 1898 учебный годъ» видно, что къ 1 января означеннаго года въ Херсонской епархіи числилось 252 церк.-прих. школы, въ томъ числѣ одна второклассная, 7 двухклассныхъ, 244 одноклассныхъ и, кромѣ того, 392 школъ грамоты, всѣхъ же школъ дух. вѣдомства къ 1 января отчетнаго года числилось 644. Въ теченіе года число школъ по сравненію съ пр. годомъ увеличилось на 11. Учащихся обоюга пола было 25731. Къ концу отчетн. года число учащихся увеличилось на 1990 чел. Въ качественномъ отношеніи церковныя школы епархіи также улучшились, доказательствомъ чему служатъ общее число учениковъ, получившихъ свидѣтельства на льготу 3-го и 4-го разряда по отбыванію воинской повинности. Такихъ свидѣтельствъ въ 1897 г. было выдано 996, а въ 1898 г.—1.121. Вообще число церковно-приходскихъ школъ годъ отъ году увеличивается. Можно поэтому надѣяться, что недалеко уже то время, когда сель, не имѣющихъ школъ, въ Херсонской епархіи вовсе не будетъ.

«Моск. Цер. Вѣд.».

ОБЪЯВЛЕНІЯ

ЖИТЬ—ЛЮБВИ СЛУЖИТЬ.

(Очеркъ православнаго нравоученія)

Протоіерея Стефана Остроумова. VI+318 стр. Цѣна 1 рубль 50 копѣекъ съ пересылкою. Получать можно: у автора: Ст. Тума, Рязанской губерніи. Въ Петербургѣ—въ магазинѣ И. Л. Тузова, въ Москвѣ—въ магазинѣ А. Д. Ступина. При выпискѣ отъ автора 10 экземпляровъ 30% уступки.

Открыта подписка на 1901 г. на научно-спеціальныи и бытовой журналъ

Вѣстникъ Гомеопатической Медицины,

издаваемый въ г. Харьковѣ подъ редакціей д-ра Е. Дюкова. Журналъ имѣетъ задачи, во 1-хъ, разработку вопросовъ, касающихся теоріи и практики гомеопатическаго лѣченія и общественно-бытовой стороны дѣла гомеопатіи въ Россіи и за границей; во 2-хъ, устраненіе предубѣжденія и выясненіе недоразумѣній, существующихъ относительно гомеопатіи и раздѣляющихъ врачей на два враждебныхъ лагеря—аллопатовъ и гомеопатовъ. Журналъ выходитъ ежемѣсячно, книжками отъ 2-хъ печат. лист. Цѣна ТРИ руб. съ пересылкою, на 1/2 года 1 р. 50 к. Допускается разсрочка по соглашенію. Подписка приним. въ Редакціи: Харьковѣ, Екатеринбургская, 36. (Желающіе ознакомиться съ характеромъ журнала могутъ получить бесплатно одинъ номеръ по сообщенію своего адреса).

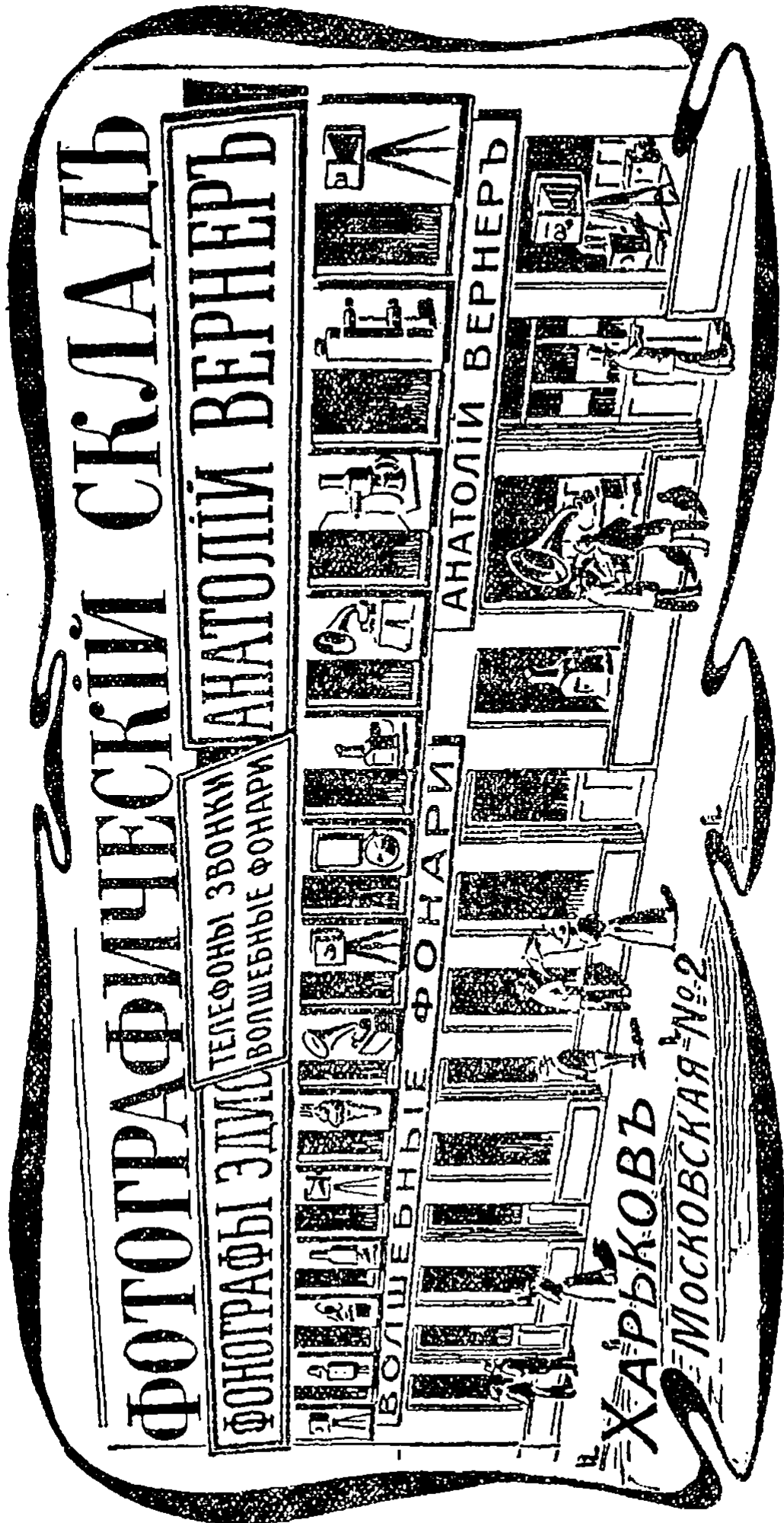
ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1901 ГОДЪ

(32-й ГОДЪ ИЗДАНИЯ)

НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЬ
СО МНОГИМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ**НИВА.**

Гг. подписчики «НИВЫ» получают въ теченіе 1901 года: 52 №№ художественно-литературнаго журнала «НИВА» (около 1500 столбцовъ текста и 500 гравюръ и рисунковъ). Въ номерахъ журнала, между прочимъ, появятся: 1) еще нигдѣ не напечатанныя посмертныя произведенія Д. В. Григоровича: «Очерки Венеціи» и «Изъ записной книжки» (характеристика выдающихся современ. русскихъ дѣятелей и анекдоты изъ ихъ жизни); 2) рядъ статей со множествомъ рисунковъ, картъ и пр. подъ заглавіемъ: „XIX ВѢКЪ“. Эти статьи дадутъ читателю полную картину жизни истекающаго столѣтія и составятъ отдѣльный роскошный томъ. 24 тома полн. собранія сочиненій Г. П. Данилевскаго съ портретомъ, факсимиле и біографическ. очеркомъ. Полное собраніе соч. Г. П. Данилевскаго, стоящее въ отдѣльной продажѣ 15 руб., будетъ отпечатано на хорошо глазированной бумагѣ и будетъ приложено при «Нивѣ» въ теченіе одного 1901 года подъ заглавіемъ: «Сборникъ Нивы», въ 24 томахъ—по два тома въ мѣсяць, такъ что «Сборникъ Нивы» 1901 г., по количеству матеріала для чтенія, значительно превзойдетъ «Сборникъ» всѣхъ прежнихъ лѣтъ. Назовемъ здѣсь только крупнѣйшія изъ произведеній Данилевскаго: I. Романы: 1) Бѣгле въ Новороссіи, въ 2 частяхъ. 2) Воля, въ 2 ч. 3) Новыя мѣста, въ 2 ч. 4) Девятый валъ, въ 3 ч. 5) Мировичъ, въ 3 ч. 6) Черный годъ, въ 3 ч. 7) Восемьсотъ двадцать пятый годъ (отрывки)—II. Историч. романы: 8) На Индію при Петрѣ I, въ 2 ч. 9), Княжна Тараканова, въ 2 ч. 10) Потемкинъ на Дунаѣ. 11) Сожженная Москва въ 2 ч.—III. Историч. повѣсть: 12) Уманская рѣзня.—IV. Повѣсть: 13) Не вы танцевалось, въ 2 ч.—Затѣмъ слѣдуетъ множество V. Разказовъ и очерковъ, отдѣльныхъ или подъ общими заглавіями, напр.: «Семейная старина», «Слобожане», «Святочные вечера», «Изъ литературныхъ воспоминаній», «Украинская старина», и проч.—VI. Стихотворенія.—VII. Письма изъ заграницы.—VIII. Драмы Шекспира: «Цимбелинъ» и «Жизнь и смерть короля Ричарда Третьяго». Переводы IX. Мелкія статьи и пр., и пр. 12 книгъ „Ежемѣсячныхъ литературныхъ приложений“, содержащихъ романы, повѣсти, разказы, популярно-научныя и критическія статьи и проч.—современныхъ авторовъ. 12 №№ „парижскихъ модъ“, выходящихъ ежемѣсячно и содержащихъ до 300 модныхъ гравюръ по фасонамъ лучшихъ мастеровъ. 12 листовъ руководѣльныхъ и выпильныхъ работъ (около 300) и до 300 чертежей выкроекъ въ натуральную величину, выходящихъ ежемѣсячно. „Стѣнной налендарь“ на 1901 г., печатанный красками. Подписная цѣна на годовое изданіе со всѣми приложениями: безъ доставки: 1) въ С.Пб.—5 р. 50 к. 2) въ Москвѣ, въ конт. Н. Н. Печковской (Петровск. линія)—6 р. 25 к. 3) въ Одессѣ, въ кн. маг. „Образованіе“ (Ришельевск. № 12)—6 р. 50 коп. Съ доставкой въ С.-Петербургъ—6 руб. 50 коп. Съ пересылкою во всѣ мѣстности Россіи 7 руб. За границу—10 руб. Требованія просятъ адресовать въ С.-Петербургъ, въ Главную Контору журнала «Нива» (А. Ф. Марксу), Малая Морская, д. № 22.

ДЛЯ ШКОЛЬ, ПОПЕЧИТЕЛСТВО О НАРОДНОЙ ТРЕЗВОСТИ!

ВОЛШЕБНЫЕ ФОНАРИ, ФОНОГРАФЫ, ГРАФОФОНЫ, ГРАММОФОНЫ.

Цѣны дурное, малороссійское, оперное и оркестры. Картины и фронтоны для чтенія съ фонаремъ.

Новые Прейсъ-Куранты бесплатно.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1901 ГОДЪ НА ЖУРНАЛЪ НОВЫЙ МІРЪ

иллюстрированный двухнедельный вѣстникъ современной жизни, политики, литературы, науки, искусства и прикладныхъ знаній, издаваемый товариществомъ М. О. Вольфъ, подъ редакцію П. М. Ольхина. ЗА ЧЕТЫРНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ безъ всякой доплаты за пересылку премій, подписчики „НОВАГО МІРА“ получаютъ въ теченіе 1901 года, съ доставкою и пересылкою во все мѣста Россійской Имперіи, слѣдующія пять изданій: 1) журналъ „НОВЫЙ МІРЪ“ съ „Всемирной Лѣтописью“. 24 выпуска въ форматъ лучшихъ европейскихъ иллюстрацій. 2) Иллюстрированный журналъ прикладныхъ знаній „Мозаика Новаго Мира“ (24 выпуска), вмѣщающій въ себя 16 рубрикъ. 3) журналъ „Литературные вечера Новаго Мира“ 12 ежемесячныхъ иллюстрированныхъ книжекъ романовъ и повѣстей для семейнаго чтенія. 4) 12 изящно переплетенныхъ книгъ ежемѣсячнаго журнала „БИБЛИОТЕКА РУССКИХЪ И ИНОСТРАННЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ“ въ составъ котораго войдетъ собраніе сочиненій М. Н. Загоскина въ 12 изящно переплетенныхъ томахъ, съ біографіею и портретами писателя, или собраніе сочиненій преосв. Иннокентія въ 12 изящно переплетенныхъ томахъ, съ біографіею и портретами писателя. Каждому подписчику предоставляется выбрать собраніе сочиненій того или другого писателя. 5) новый еженедеельный журналъ „ЖИВОПИСНАЯ РОССИЯ“ иллюстрированный вѣстникъ отъизиовѣдѣнія, исторіи, культуры, государственной и экономической жизни Россіи, издаваемый товариществомъ М. О. Вольфъ, подъ редакцію П. М. Ольхина. Первый русскій журналъ, посвященный исключительно изученію Россіи въ ея прошломъ и настоящемъ и выясненію и обсужденію ея нуждъ и потребностей 52 №№ годъ. Въ составъ журнала будутъ входить—въ первомъ его отдѣлѣ: статьи и изслѣдованія по всемъ вопросамъ русской жизни, описанія выдающихся мѣстностей, путешествія по Россіи, историческія изслѣдованія, соединяющія, вмѣстѣ съ серьезностью научной обработки, общедоступность изложенія; во второмъ же отдѣлѣ: полная лѣтопись всего, творителя изодня-въ-день на Руси во всехъ углахъ нашего отечества, корреспонденція, сообщенія, замѣтки, обзоры разныхъ сторонъ русскаго быта и хроника русской жизни. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ отдѣлѣ принимаютъ участіе лучшія научныя и литературныя силы, посвятившія себя изученію Россіи. Какъ тотъ, такъ и другой отдѣлы будутъ иллюстрированы преимущественно фотографическими авторскими съ натуры—какъ наиболѣе точнымъ способомъ воспроизведенія дѣйствительности.

Подписная цѣна „НОВОМУ МІРУ“ со всеми преміями и приложениями, съ доставкою и пересылкою во все мѣста Россійской Имперіи, на годъ 14 р. Роскошное изданіе—18 рублей. За границу—24 руб., роскошное изданіе—28 руб. Допускается разсрочка платежа, при чемъ при подпискѣ должно быть внесено не менѣе 2 руб., остальные же деньги могутъ высылаться, по усмотрѣнію подписчика, ежемѣсячно, до уплаты всехъ 14 руб. При подпискѣ въ разсрочку первая бесплатная премія (12 перепл. книгъ „Библиотеки русск. и иностранныхъ писателей“) высылается только по уплатѣ всей подписной суммы.

Объявленія для помѣщенія въ журналахъ: „Новый Міръ“ и „Мозаика Новаго Мира“ принимаются съ платою: за строку текста по 40 коп. за строку нонпарели въ $\frac{1}{3}$ ширины строки „Новаго Мира“ или въ $\frac{1}{2}$ ширины „Мозаики Новаго Мира“. Цередъ текстомъ плата двойная.

Подписка на „Новый Міръ“ и объявленія принимаются въ конторахъ журнала, при ближайшихъ магазинахъ Г-ва М. О. Вольфъ, въ С.-Петербургѣ, Гостиный Дворъ, № 18, и въ Москвѣ, Кузнецкій Мостъ, № 12, а также въ редакціи „Новаго Мира“, въ С.-Петербургѣ, Васильевскій Островъ, 16 линія, собственный домъ №№ 5—7.

1901 г. Ежедневный иллюстрированный журналъ 1901 г.

СЕМЬЯ.

Девятый годъ изданія.

«СЕМЬЯ» по размѣрамъ своимъ и богатству содержаніе не уступаетъ ни одному изъ дорогихъ русскихъ ежедневныхъ иллюстрированныхъ изданій. Существованіе этого журнала въ такомъ полномъ и изящномъ видѣ, при столь дешевой подписной платѣ, возможно лишь благодаря содѣйствію восьми рублевой ежедневной московской газеты «Новости Дня», снабжающей журналъ портретами государствен. и обществен. дѣятелей, представителей науки и искусства (артистовъ, художниковъ и проч.) и иллюстраціями.

Подписная цѣна на годъ, съ доставкою

Т Р И Р У В Л Я.

Адресъ: Москва.

„ЗДОРОВЬЕ“

Гигіеническій семейный журналъ. 24 №№ въ годъ въ 12 книжкахъ. Открыта подписка на 1901 годъ. Подписная цѣна съ пересылкой: годъ 4 р. и полгода 2 руб. Книга журнала высылается для ознакомленія за 35 коп. деньгами или марками. Адресъ: С.-Петербургъ, Забалканскій просп., 18, или прост: редакціи журнала «Здоровье». «Здоровье» — журналъ самопомощи Онъ учитъ, какъ надо помогать самому себѣ, а въ случаѣ надобности и окружающимъ. Онъ посвященъ всѣмъ вопросамъ, касающимся здоровья человѣка. Во-первыхъ, какъ сохранить здоровье, гигиенично жить, питаться и одѣваться, работать, отдыхать и развлекаться, поддерживать крѣпость тѣла и силу духа, воспитывать дѣтей и пр. Всякій человѣкъ хочетъ быть здоровымъ, но часто не знаетъ какъ это сдѣлать. Во-вторыхъ, какъ уберечь себя отъ болѣзней, заразительныхъ и простыхъ, которые стерегутъ насъ на каждомъ шагу. Не надо объяснять, какъ важно именно предупредить болѣзнь, не дать ей развиться. Въ третьихъ, если болѣзнь развилась, — какъ лечить ее самому, безъ помощи врача. Для провинціи это очень важно. Половина провинціальной Россіи безъ того принуждена лечиться у фельдшеровъ. Пусть же читатель знаетъ, что во многихъ случаяхъ оно можетъ лечить себя самъ, а если можетъ, то и долженъ, такъ какъ здоровье не только величайшее благо, но въ наше время часто и единственный капиталъ, который поневолѣ надо беречь, если не ради себя, то ради близкихъ. Всѣ статьи написаны яснымъ и понятнымъ языкомъ, а леченіе показано такое, которое примѣнимо въ домашней обстановкѣ, иначе этотъ отдѣлъ не имѣетъ смысла. Въ четвертыхъ, — популярныя общеобразовательныя статьи. Многіе желаютъ ознакомиться съ устройствомъ собственнаго тѣла, требуютъ этихъ статей и охотно читаютъ ихъ, если онѣ просто и общедоступно изложены. Въ-пятыхъ, семейный лечебникъ: мелкіе рецепты, совѣты, наставленія на различные случаи обыденной жизни. Всѣ лекарства отпускаются по этимъ рецептамъ безъ подписи врача, что очень важно, а еще лучше приготовить ихъ самому, въ собственной домашней аптечкѣ, объ устройствѣ которой будутъ печататься подробныя указанія. Бесплатные совѣты и отвѣты подписчикамъ, касательно ихъ здоровья.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1901 ГОДЪ

НА ГАЗЕТУ

„КАВКАЗЪ“

СЪ БЕСПЛАТНЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

„ВѢСТНИКА ГОРНАГО ДѢЛА И ОРОШЕНІЯ НА КАВКАЗЪ“.

„Издается канцелярією Главнначальствующаго гражданскою частью на Кавказѣ“.

«Вѣстникъ горнаго дѣла и орошенія на Кавказѣ», въ виду своего специальнаго характера, редактируется горнымъ инженеромъ, при содѣйствіи особаго редакціоннаго комитета.

Приложеніе это выходитъ 2 раза въ мѣсяць, въ форматѣ $\frac{1}{4}$ листа, въ количествѣ 1—2 листовъ.

Подписная цѣна на газету „Кавказъ“ съ приложеніемъ «Вѣстника горнаго дѣла и орошенія на Кавказѣ»: съ доставкою въ Тифлисъ на годъ—11 р. 50 к., на $\frac{1}{2}$ года—6 р., на 1 мѣсяць—1 р.; съ пересылкою иногороднымъ: на годъ—13 р., на $\frac{1}{2}$ года—7 р., на 1 мѣсяць—1 р. 50 к.; за границу: на годъ 18 р. 40 к., на $\frac{1}{2}$ года 10 р., на 1 мѣсяць—2—руб.

Отдѣльные №№ «Кавказа» въ розничной продажѣ безъ приложеній по 5 к.

Плата за объявленія: въ самой газетѣ—для объявителей Кавказскаго края впереди текста 16 к. и позади текста—8 к. со строки петита или занимаемаго ею мѣста; для остальныхъ—20 коп. впереди текста и 10 коп. позади текста; въ «Вѣстникѣ»—15 коп. съ такой же строки или 20 руб. со страницы. Многократныя объявленія—по соглашенію, со скидкой.

Иногородные подписчики и объявители благоволятъ присылать плату по подпискѣ и за объявленія въ канцелярію Главнначальствующаго гражданскою частью на Кавказѣ полностью, безъ вычета за пересылку, и съ точнымъ указаніемъ, на какой предметъ (за подписку или за объявленія) высланы деньги, а при заказѣ объявленій—гдѣ таковое должно быть помѣщено: въ газетѣ или въ «Вѣстникѣ».

Адресъ редакціи «Кавказа»: Тифлисъ, Эриванская площадь, домъ Харазовой. Телефонъ редакціи № 184, а конторы № 182. Адресъ редактора «Вѣстника». «Кавказское горное управленіе».

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1901 ГОДЪ

НА ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ЦИКЛИСТЪ“

(седьмой годъ изданія).

Всѣ новости по велосипедному дѣлу и автомобильному, лыжному спорту и конькобѣжному, атлетикѣ, воздухоплаванію и пр. Собственные корреспонденты въ Парижѣ, Лондонѣ, Берлинѣ и во всѣхъ городахъ Россіи. Технические художественныя и юмористическія иллюстраціи. Изданіе вполне изящное, по типу заграничныхъ. Подписная цѣна: на годъ—5 руб., на полгода—3 р. Адресъ редакціи: Москва, Кузнецкій мостъ, д. Кунеч. Общ. Ред.-Изд. Д. П. Голомзинъ. Издат. Н. Я. Липскеровъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1901 Г. XII ГОДЪ ИЗДАНІЯ
еженедѣльный иллюстрированный журналъ для семейнаго чтенія

ПРИРОДА И ЛЮДИ

Въ теченіе года подписчики получаютъ: 52 иллюстрированныхъ №№, въ которыхъ будутъ помѣщаться выдающіеся событія всего міра, очерки и рассказы изъ исторіи науки, путешествій и изобрѣтеній, романы и повѣсти съ массой иллюстрацій и кромѣ того безъ всякой доплаты за пересылку, **БЕЗПЛАТНО ЭНЦИКЛОПЕД. СЛОВАРЬ**, вполне законченный, заключающій въ себѣ болѣе 80 печатныхъ листовъ формата словарей БРОКГАУЗА и МЕЙЕРА. 12 ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХЪ ТОМОВЪ, объемомъ каждый отъ 180—220 страницъ убористой печати, въ которыхъ въ увлекательномъ изложеніи описываются путешествія и приключенія на сушѣ и на морѣ подъ общимъ заглавіемъ: „**БИБЛИОТЕКА РОМАНОВЪ**“ Лѣсной бродяга. Габріеля Ферри, въ 3-хъ том.: 1) Искатель приключеній. 2) Красный караванъ. 3) Орелъ сибирскихъ горъ.—Приключенія Сирано-Де-Бержерака. Л. Галле, въ 2-хъ том.: 1) Роковой документъ. 2) Капитанъ Сатана.—Новый романъ Л. Буссенара: Ледяной адъ.—Последній романъ Жюль Верна: Вторая родина.—Сокровища Перу. Ром. Вэрисофера въ 2-хъ том.: 1) Скитанія молодого бѣглеца. 2) Черезъ дебри и пустыни.—Луговые разбойники въ Техасѣ. Ром. Герштейкера, въ 2-хъ том.: 1) Подъ липною рясой. 2) Законы Линча.—Копя царя Соломона. Ром. Хаггарда. Журналъ, ПРИРОДА и ЛЮДИ“ Мин. Народ. Просв. разрѣшенъ къ выпискѣ въ бесплатныя библіотеки и читальни. Подписная цѣна: На годъ безъ доставки въ Сиб. пять руб., съ доставкой и пересылкою по всей Россіи шесть р., за границу 8 руб. Допускается разсрочка: При подпискѣ 2 руб., къ 1 марта 1 руб., къ 1 мая 1 руб. и къ 1 іюля остальные два по одному руб. въ теченіе первыхъ шести мѣсяцевъ. Адресъ редація: С.-Петербургъ Стремянная, № 12, собств. домъ.

Открыта подписка на 1901 г. на большую ежедневную политическую, общественную и литературную газету, издаваемую безъ предварительной цензуры,

РУССКІЙ ЛИСТОКЪ

(XIII годъ изданія).

Въ 1900 году количество читателей газеты достигало до 40.000 ежедневно, что должно служить лучшимъ доказательствомъ достоинствъ самой газеты. Возможная новизна и свѣжесть всѣхъ извѣстій, краткость и ясность изложенія при обширности предлагаемаго для чтенія матеріала составляютъ отличительную черту и особенность нашей газеты. Всѣ новости административной жизни Петербурга сообщаются по междугородному телефону и помѣщаются въ „Русскомъ Листкѣ“ одновременно съ петербургскими газетами. Извѣстія о военныхъ дѣйствіяхъ въ Китаѣ помѣщались въ „Русскомъ Листкѣ“ раньше другихъ изданій, подробности о сраженіяхъ были помѣщены отъ своихъ корреспондентовъ. Свои же корреспонденты имѣются во многихъ городахъ Россіи, а также за границей—въ Парижѣ, Лондонѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ, Нью-Йоркѣ и др., а во всѣхъ важныхъ случаяхъ командированы спеціальные корреспонденты. Ежедневно въ фельетонахъ помѣщаются лучшіе романы, повѣсти, историческія и научныя статьи. Время отъ времени даются художественныя иллюстрированныя приложенія съ рисунками къ событіямъ дня, портретами, картами, модами и т. п. Въ наступающемъ году будутъ въ изданіи введены еще многія значительныя улучшенія съ цѣлью поставить „Русскій Листокъ“ наравнѣ съ лучшими иностранными изданіями.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ доставкой и пересылкой: на годъ 8 р., на 6 м. 4 р. 50 к., на 4 м. 3 р. 30 к., на 3 м. 2 р. 50 к., на 2 м. 1 р. 70 к., на 1 м. 90 к. При годовой подпискѣ допускается разсрочка: при подпискѣ—5 р. и къ 1 іюля—3 р. или при подпискѣ 3 р., къ 1 апрѣля—3 р. и къ 1 іюля—2 р. Адресъ главной конторы: Москва, Мясницкая ул., домъ № 20. Свои отдѣленія—въ Москвѣ, Петербургѣ, Тулѣ, Калугѣ и Рязани. Редакторъ-издатель Н. Л. Назецкій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на духовный богословско-апологетическій журналъ

ВѢРА И ЦЕРКОВЬ

на 1901 годъ—третій годъ изданія.

Журналъ „Вѣра и Церковь“ имѣетъ своею задачею отвѣчать на запросы религіозной мысли и духовной жизни современнаго общества въ противодѣйствіе рационализму и невѣрію. Въ соотвѣтствіе съ такой основною задачею журнала, въ немъ, согласно утвержденной Свят. Синодомъ программѣ, помѣщаются статьи по всѣмъ отдѣламъ богословія (въ широкомъ значеніи этого слова), служащія къ разъясненію преимущественно такихъ духовныхъ вопросовъ, которые подвергаются несогласнымъ съ ученіемъ православной Церкви толкованіямъ въ современной жизни и мнимо-либеральной печати; здѣсь поэтому имѣютъ мѣсто и статьи по естественно научной апологетикѣ. Статьи этого перваго—научно-богословскаго отдѣла, утверждаясь на свѣд. Писаніи и святоотеческихъ твореніяхъ и въ то же время стремясь къ научной обоснованности, предлагаются въ общедоступномъ изложеніи. Второй отдѣлъ журнала—церковный—мы посвящаемъ обзорнѣю выдающихся проявленій благодатной силы и истинной вѣры православной Церкви въ событіяхъ современной жизни, между прочимъ по ея изображеніямъ въ свѣтской печати, а также ознакомленію съ благими дѣятелями вѣры и Церкви послѣдняго времени. Заключительную часть отдѣла составляетъ духовная библиографія, имѣющая предметомъ своимъ преимущественно книги богословско-апологетическаго содержанія. Большинство статей представляетъ публичныя богословскія чтенія для свѣтскаго образованнаго общества въ Москвѣ и другихъ городахъ.—Въ приложеніи печатаются академическія чтенія по св. Писанію Новаго Завѣта, еп. Михаила. Журналъ выходитъ десять разъ въ годъ (за исключеніемъ іюня и іюля) книжками въ 8—10 печ. листовъ. Подписная цѣна на годъ пять рублей, съ доставкой и пересылкой—шесть рублей. Подписка принимается у редактора-издателя, законоучителя Императорскаго Лицея въ память Цесаревича Николая, священника Іоанна Ильича Соловьева (Москва, Остоженка, зданіе Лицея), въ Харьковѣ, въ Совѣт. Миссіон. Обществѣ. Въ редакціи продаются оставшіеся экземпляры журнала: за 1900 г. цѣна пять р. съ пересылкой, и за 2-ю половину 1899 г. цѣна одинъ р. съ пересылкой. Редакторъ-издатель свѣд. І. Соловьевъ

О ПОДПИСКѢ ВЪ 1901 ГОДУ НА ЖУРНАЛЪ

„МИССІОНЕРСКІЙ СБОРНИКЪ“

издаваемый состоящимъ подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Его Императорскаго Высочества, Государя Великаго Князя Сергія Александровича. Братствомъ св. Василія, Епископа Рязанскаго (XI годъ изданія).

„Миссіонерскій Сборникъ“ имѣетъ своею дѣлю служить интересамъ св. Церкви Христовой въ ея борьбѣ съ расколомъ старообрядства, русскимъ сектанствомъ рационалистическаго и мистическаго направленій и магометанствомъ. Издается по программѣ, утвержденной Св. Синодомъ и состоящей изъ 4-хъ отдѣловъ: Отд. I: Узаконенія и распоряженія гражданской и церковной власти. Оффиціальныя отчеты. Отд. II: Научно-литературныя статьи. Бесѣды и поученія. Неизданные памятники древности. Библиографія. Списки книгъ. Отд. III: Извѣстія по Рязанской епархіи. Отд. IV: Обзоръ текущихъ событій въ плыхъ епархіяхъ. Третій Всероссийскій миссіонерскій Съѣздъ (въ г. Казани), признавая журналъ этотъ полезнымъ пособіемъ при борьбѣ съ расколомъ и сектанствомъ, рекомендовалъ его для приобрѣтенія во всѣ церковно-приходскія и благочинническія противораскольническія и противосектанскія библіотеки. „Миссіонерскій Сборникъ“ выходитъ разъ въ два мѣсяца книжками не менѣе пяти печатныхъ листовъ въ каждой. Цѣна за годовое изданіе два рубля съ пересылкой. Адресъ: Г. Рязань, въ Редакцію журнала „Миссіонерскій Сборникъ“.

Редакторъ Петръ Добромисловъ.

ОБЪ ИЗДАНИИ МИССИОНЕРСКАГО ЖУРНАЛА

„ПРАВОСЛАВНЫЙ БЛАГОВѢСТНИКЪ“

ВЪ 1901 Г. (девятый годъ изданія).

Изданіе Миссіонерскаго журнала „Православный Благовѣстникъ“ будетъ продолжаться и въ 1901 году.

«Православный Благовѣстникъ», какъ органъ Православнаго Миссіонерскаго Общества, имѣетъ своею цѣлю—съ одной стороны выясненіе великой важности миссіонерскаго служенія для Русской православной церкви и Русскаго государства, а съ другой—возможно-полное и вѣрное изображеніе дѣятельности нашихъ отечественныхъ вѣропроповѣдниковъ (миссіонеровъ), и тѣхъ условій, среди которыхъ она совершается въ настоящее время. Въ настоящемъ году въ журналѣ будетъ печататься, между прочимъ, историко-статистическое описаніе нашихъ сибирскихъ миссій.

Программа журнала слѣдующая:

1) Отдѣлъ оффиціальныи. Постановленія и распоряженія Правительства, касающіяся Миссіонерскаго Общества и его дѣятельности. Распоряженія Совѣта Миссіонерскаго Общества. Его отчеты. Свѣдѣнія о дѣятельности Епархіальныхъ Комитетовъ Общества. 2) Руководящія статьи по вопросамъ, касающимся миссіонерскаго дѣла въ Россіи. 3) Современное положеніе отечественныхъ миссій. 4) Очерки и рассказы изъ исторіи первоначальнаго распространенія христіанства въ разныхъ странахъ свѣта и преимущественно въ Россіи. Судьбы отечественныхъ миссій въ ближайшемъ прошломъ. 5) Миссіонерская дѣятельность на западѣ. 6) Извѣстія и замѣтки: краткія отрывочныя свѣдѣнія, относящіяся къ миссіонерскому дѣлу и заимствуемыя изъ газетъ, писемъ и пр. 7) Библиографія. Отзывы о разныхъ книгахъ и статьяхъ, относящихся къ миссіонерству. 8) Извѣстія о пожертвованіяхъ, поступающихъ въ пользу православно-русскихъ миссій. 9) Объявленія.

Журналъ выходитъ два раза въ мѣсяць (15 и 30) книжками, въ объемѣ не менѣе четырехъ печатныхъ листовъ. Цѣна изданія четыре рубля 50 коп. безъ пересылки и пять рублей съ пересылкою.

Подписка принимается въ редакціи журнала «Православный Благовѣстникъ», а также въ канцеляріи Совѣта Православнаго Миссіонерскаго Общества.

Адресъ редакціи и канцеляріи: Москва, Срѣтенка, домъ Спасской церкви.

Остающіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры журнала за прежніе (съ 1893) годы могутъ быть высланы по четыре рубля.

Редакторъ Н. Комаровъ.

При этомъ номерѣ прилагается два объявленія объ открытіи подписки: 1. Отъ издателя кн. В. В. Бярянскаго на журналъ для семьи „Спутникъ Здоровья“ и ежедневную газету „Сѣверный Курьеръ“ и 2. Отъ издателя П. П. Сойкина на: а) „Научное Обзорніе“ б) „Сельскій Хозяинъ“ в) „Русскій Паломникъ“ г) „Природа и Люди“ д) „Полный переводъ Талмуда“ е) „Полное собраніе сочиненій Н. А. Добролюбова“.

Журналъ „ВѢРА и РАЗУМЪ“ издается съ 1884 года; за первыя десять лѣтъ въ журналѣ помѣщены были, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Произведенія Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: „Живое Слово“, „О причинахъ отчужденія отъ Церкви нашего образованнаго общества“, „О религіозномъ сектанствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ“; кромѣ того пастырскія воззванія и увѣщанія православнымъ христіанамъ Харьковской епархіи, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія другихъ писателей, какъ-то: „Какъ всего проще и удобнѣе научиться вѣровать“? Собесѣдованія прот. А. Хойнацкаго.—„Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета, митроп. Московскаго“, „Московскій періодъ проповѣднической дѣятельности его же“. И. Корсунскаго.—„Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I-го и идея священнаго союза“. Профес. В. Надлера.—„Архіепископъ Иннокентій Ворисовъ“. Библиографическій очеркъ. Свящ. Т. Буткевича.—„Протестантская мысль о свободномъ и независимомъ пониманіи Слова Божія“. Т. Стоянова.—Многія статьи о Владиміра Гетте въ переводѣ съ французскаго языка на русскій, въ числѣ коихъ помѣщено „Изложеніе ученія католической православной Церкви, съ указаніемъ разностей, которыя усматриваются въ другихъ церквахъ христіанскихъ“.—„Графъ Левъ Николаевичъ Толстой“. Критическій разборъ проф. М. Остроумова.—„Образованные евреи въ своихъ отношеніяхъ въ христіанству“. Т. Стоянова.—„Церковно-религіозное состояніе Запада и вселенская Церковь“. Свящ. Т. Буткевича.—„Западная средневѣковая мистика и отношеніе ея къ католичеству“. Историческое изслѣдованіе А. Вертеловскаго.—„Язычество и іудейство во времени земной жизни Господа нашего Іисуса Христа.“ Свящ. Т. Буткевича.—Статьи „о штундистахъ“. А. Шугаевскаго.—„Имѣютъ-ли каноническія или общеправовныя основанія притязанія мирянъ на управленіе церковными имуществами“? В. Ковалевскаго.—„Основные задачи нашей народной школы“. К. Истомина.—„Принципы государственнаго и церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Современная апологія талмуда и талмудистовъ“. Т. Стоянова.—„О славянскомъ языкѣ въ церковномъ богослуженіи“. А. Струнникова.—„Теософическое общество и современная теософія“. Н. Глубоковскаго.—„Очеркъ современной умственной жизни“. А. Вяльева.—„Очерки русской церковной и общественной жизни“. А. Рождествина.—„О церковныхъ плодоприношеніяхъ“. Н. Протопопова.—„Вторая книга „Исходъ“ въ переводѣ и съ объясненіями“. Проф. П. Горскаго—Платонова.—„Очеркъ православнаго церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Художественный натурализмъ въ области библейскихъ повѣствованій“. Т. Стоянова.—„О покоѣ воскреснаго дня“. Доцента А. Бѣляева.—„Мысли о воспитаніи въ духѣ православія и народности“. Шестакова.—„Нагорная проповѣдь“. Свящ. Т. Буткевича.—„О славянскомъ Богослуженіи на Западѣ“. К. Истомина.—„Ученіе Стефана Яворскаго и Теофана Прокоповича о сваяхъ Преданіи“ М. Савкевича.—„О православной и протестантской проповѣднической импровизаціи“. К. Истомина.—„Отношеніе раскола къ государству“. С. Г. О.—„Ультрамонтанское движеніе въ XIX столѣтіи до Ватиканскаго собора (1869—70 г.г.) включительно“. Свящ. І. Арсеньева.—„Замѣтки о церковной жизни за-границей“. А. К.—„Сущность христіанской нравственности въ отличіи ея отъ моральной философіи графа Л. Н. Толстого“. Свящ. І. Филевскаго.—„Историческій очеркъ единовѣрія“. П. Смирнова.—„Ученіе Канта о Церкви“. А. Кирилловича.—„Православенъ-ли intercompanion, предлагаемый намъ старокатоликами“. Прот. Е. К. Смирнова.—„Разборъ протестантскаго ученія о крещеніи дѣтей—съ догматической точки зрѣнія“. Прот. А. Мартинова и проч.

Въ философскомъ отдѣлѣ журнала помѣщены статьи профессоровъ Академіи и Университета: А. Введенскаго, А. Зеленогорскаго, В. Кудрявцева, П. Линицкаго, М. Остроумова, В. Снегирева, Ц. Соколова и другихъ. А также въ журналѣ помѣщаются были переводы философскихъ произведеній Сенеки, Лейбница, Канта, Каро, Жане и многихъ другихъ философовъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на не полученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою. Жалобу на не полученіе какой-либо книжки журнала просимъ заявлять редакціи не позже, какъ по истеченіи мѣсяца со времени выхода книжки въ свѣтъ.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою последней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особые заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 30 к., за два раза 40 к., за три раза 50 к.

Редакторы: { Рectorъ Семинаріи, Протоіерей Іоаннъ **ЗНАМЕНСКІЙ**
и Инспекторъ Семинаріи, Ковстантинъ **КОТОМИЦЪ**.